

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р

РУССКАЯ

ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

И

СЛАВЯНСКИЕ

ЛИТЕРАТУРЫ

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Р
У С С К А Я
Л И Т Е Р А Т У Р А
X V I I I
В Е К А
И С Л А В Я Н С К И Е
Л И Т Е Р А Т У Р Ы

---

*И С С Л Е Д О В А Н И Я
И М А Т Е Р И А Л Ы*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963   ЛЕНИНГРАД

ГРУППА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Под редакцией

члена-корреспондента Академии наук СССР *П. Н. Беркова*
и кандидата филологических наук *И. Э. Сермана*

ОТ РЕДАКЦИИ

Подготовка к IV Международному съезду славистов и самый съезд, состоявшийся в Москве в сентябре 1958 г., показали, что одной из самых актуальных проблем славянского литературоведения является изучение процесса взаимообщения славянских литератур. Среди вопросов, предложенных Международным комитетом славистов участникам IV и V съездов, взаимосвязи и взаимодействия славянских литератур с древнейших времен до наших дней занимают соответствующее их значению место. Анализ появившейся до сих пор литературы по этому вопросу показывает, однако, что мы находимся только в начальном периоде изучения проблемы — некоторые периоды совершенно еще не исследованы, не собраны даже имеющиеся в науке материалы, не сгруппированы и не освещены интересные факты. Это прежде всего относится к изучению связей русской литературы XVIII в. с другими славянскими литературами.

Исходя из этих соображений, Группа русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР поставила своей целью внести в доступной ее силам форме вклад в общее дело изучения взаимосвязей, взаимообщения и взаимодействия славянских литератур. Предлагаемый вниманию читателей сборник «Русская литература XVIII века и славянские литературы» представляет результаты работы Группы в данном направлении. Кроме сотрудников Института русской литературы, в сборнике приняли участие, как и в предшествующих наших изданиях, литературоведы, искусствоведы и историки, не работающие в Группе: В. К. Макаров и Е. С. Кулябко (Ленинград), А. В. Позднеев (Москва), П. В. Линтур и В. Л. Микитась (Ужгород), А. В. Флоровский (Прага).

Статьи сборника делятся на три группы: теоретическую, историко-литературную и историографическую. Разумеется, это деление условно, так как в ряде статей можно обнаружить конструктивные элементы иной группы.

Вводная статья П. Н. Беркова ставит свою целью определить и обосновать принципиальную позицию, которую, по мнению автора, должны занимать исследователи литературных контактов, существовавших между русской литературой XVIII в. и другими славянскими литературами XVIII—XX вв. В то же время в примечаниях к статье приведены в значительном количестве подготовительные историко-литературные и библиографические материалы для последующей практической разработки вопроса.

Статьи историко-литературного содержания группируются вокруг четырех основных тем: русско-украинские литературные и культурные связи (точнее: связи русской литературы и культуры XVIII в. с культурой и литературой надднепровской Украины XVIII в.), русско-закарпатские, русско-польские и, наконец, русско-словацкие связи.

В центре трех первых групп статей стоит личность и художественная деятельность М. В. Ломоносова, который — первый из русских писателей XVIII в. — уже в XVIII в. был известен у славян.

И. З. Серман сделал заслуживающий внимания опыт сопоставительного изучения творчества Ломоносова и Г. Сковороды на фоне борьбы литературных направлений в русской и украинской литературах XVIII в. Выводы, к которым приходит автор, могут по своей новизне показаться неожиданными, но постановка вопроса правомерна и своевременна.

Статья Г. Н. Моисеевой и заметка В. К. Макарова, дополняя друг друга, приносят много нового для решения старого спорного вопроса о пребывании Ломоносова на Украине. После этих работ вопрос можно было бы считать решенным. Хотелось бы сказать: окончательно решенным, если бы этому не противоречила орфография и грамматические формы якобы ломоносовских цитат («latini wasi» вм. «vasa latina», и др.).

Статья проф. А. В. Флоровского посвящена совершенно неизвестному в советском литературоведении эпизоду из истории русско-закарпатских культурных связей при Петре Великом — деятельности педагога И. А. Зейкана. При всей скудости и фрагментарности дошедших до нас материалов автор сумел дать портрет одного из незаурядных людей той эпохи и предложил смелую гипотезу для объяснения загадочного финала педагогической работы И. А. Зейкана в России.

Тем же русско-закарпатским связям посвящены богатые фактами статьи ужгородских ученых — П. В. Линтура и В. А. Микитася.

Русско-польские связи в XVIII в. представлены двумя статьями — Г. Н. Моисеевой и проф. А. В. Позднева.

Последняя группа состоит всего лишь из одной небольшой статьи канд. истор. наук Е. С. Кулябко (Архив АН СССР) «К истории словацко-русских научных связей в XVIII в. Письма М. Беля в Архиве АН», однако сведения, содержащиеся в данной статье, представляют значительный интерес; в частности, благодаря обнаруженным источникам с полной определенностью решается вопрос о принадлежности словацкому ученому-просветителю одного произведения, авторство которого до сих пор оставалось спорным.

В разделе «Personalia», который может рассматриваться как материалы для историографии литературной науки, помещены пять небольших статей, посвященных юбилеям выдающихся ученых социалистических стран, литературоведов и историков, занимающихся исследованием истории русской литературы и культуры XVIII в. Их имена — проф. Франк Вольман (Чехословакия), проф. Йосип Бадалич (Югославия), проф. Виктор Якубовский (Польша), проф. Эдуард Винтер (ГДР) и проф. В. П. Велчев (Болгария).

Группа русской литературы XVIII века не считает своего участия в разработке данной темы законченным изданием настоящего сборника. Предполагая силами своих сотрудников продолжить изучение этой новой и обширной темы, Группа обращается к литературоведам СССР, славянских и неславянских стран с предложением присылать для публикации в последующих сборниках работы, посвященные литературным контактам русской и других славянских литератур XVIII в.

П. Н. БЕРКОВ

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.
И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII—XX вв.**

(В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА
О ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТАХ) *

В связи с результатами второй мировой войны и созданием лагеря социалистических стран во главе с СССР славянские народы, составляющие значительную часть этого идейного, политического и экономического объединения, сделались как в социалистической, так и в западной буржуазной науке предметом многочисленных исследований, преимущественно в историческом, языковедческом и литературоведческом отношениях. В советской же литературной науке, в частности, обнаружился особый интерес к изучению проблемы взаимоотношений между русской литературой (в целом и в лице отдельных ее представителей) и другими славянскими литературами.¹ Со все возрастающей интенсивностью эта группа вопросов привлекает внимание также и ряда литературоведов в славянских странах.² Правда, и в дореволюционное и отчасти, и в послереволюционное время изредка появлялись в русском и славянском литературоведении работы, посвященные данной теме, но по своим политическим установкам, научной методологии и технике выполнения эти статьи и книги, как бы почтенны ни были в качестве ученых отдельные из их авторов, сейчас уже не могут нас удовлетворить и представляют известный интерес то собранными в них фактическими материалами, то некоторыми удачными наблюдениями и заслуживающими внимания и учета обобщениями.

И в старых, и в современных исследованиях, посвященных теме взаимоотношений русской литературы и литератур славянских народов, анализировались преимущественно материалы, относящиеся,

---

* Примечания см. в конце статьи.

с одной стороны, к древнему периоду, с другой — к XIX—XX вв. Взаимоотношения же этих литератур в XVIII в. почти не привлекали внимания исследователей, хотя нельзя сказать, что ученые, добросовестно собиравшие литературные материалы, проходили мимо соответствующих фактов. Благодаря наблюдениям А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, И. И. Первольфа, П. А. Кулаковского, П. А. Заболотского, В. А. Францева, Н. М. Петровского, М. Н. Сперанского, В. Н. Перетца и других мы располагаем сейчас известным количеством сведений о знакомстве литературных деятелей славянских народов XVIII—первой половины XIX в. с русской литературой XVIII в., в частности с произведениями Державина, Ломоносова и некоторых второстепенных русских писателей позапрошлого столетия.

Однако до недавнего времени самостоятельной научной проблемы «взаимоотношения русской и славянских литератур в XVIII в.» не существовало. Молчаливо предполагалось, что русская литература XVIII в., «ученическая» и «подражательная», была тогда связана с одной только французской литературой и никакого интереса к другим литературам, в частности — славянским, не проявляла, тем более что, за исключением польской, в XVIII в. остальные славянские литературы либо переживали период полного упадка, либо находились в самом начале своего нового подъема.

В свою очередь славянские литературы XVIII в., предполагалось, не могли проявлять интерес к «ученической» и «подражательной» русской литературе XVIII в., и если некоторые из славянских народов (сербы и болгары) и обращались в XVIII в. к русской литературе, то в силу исторических условий исключительно к памятникам церковно-религиозным, а не светским и в основном к литературе XII—XVII вв., продолжавшей и в XVIII—начале XIX в. находиться в читательском обиходе русского духовенства и консервативных кругов русского купечества, т. е. тех слоев русского народа, с которыми в первую очередь общались сербские и болгарские книжники интересующего нас периода.

Развитие советской литературной науки в целом и в той ее части, которая занимается изучением истории русской литературы XVIII в. во всех ее аспектах — и связях с фольклором и древнерусской литературой, и с литературой античного мира и новолатинской, и с литературами новоевропейскими и восточными, и с теми, которые входят сейчас в понятие литературы народов СССР, и, наконец, с литературами славянскими, — показало, что представление об «отсталости», «провинциальном» характере, «робком ученичестве» русской литературы XVIII в. совершенно ошибочно.

Русская литература XVIII в., как выяснено советскими литературоведами, в своем быстром развитии сделала для народной культуры то, что в других литературах, в частности западноевропейских, осуществлялось в течение нескольких столетий. В самое короткое время был создан превосходный литературный язык, освоены многочисленные жанры античной и европейских литератур, формировались на этой основе новые жанры, и — главное — литература, вопреки политике самодержавия, смело и решительно стала выражать мнения передовой части общества, стала критиковать деспотизм самодержавия, крепостничество, чиновничий произвол, презрительное отношение дворянства к простому народу, отсутствие у части образованных классов национального достоинства и пр. Чего стоит, например, одна из ломоносовских записей, представляющая план какого-то его обращения к своим современникам: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Ньютона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы — холопы, а моя слава падает и с вашею».

Советские литературоведы показали, что литература в России в XVIII в. была отражением жизни народа за целое столетие, полное больших исторических событий огромной национальной и всемирной важности, столетия, в течение которого страна, еще так недавно стоявшая вдали от мирового политического процесса, сразу и раз навсегда заняла одно из самых первых мест в реальной судьбе человечества. И не только из-за своей величины и физической силы. Исследования советских литературоведов показали, что для русских писателей XVIII в. типична не «подражательность», не «вялая абстрактность», а самостоятельный подход к общекультурному — античному и европейскому — наследию, свободное и полное достоинства критическое отношение к западным литературам и западной культуре. Для подтверждения сказанного вспомним, что говорили Феофан Прокопович, Кантемир и Ломоносов о «внешних» (т. е. зарубежных) историках России, как отрицательно относился Ломоносов к литературе итальянского (и не только итальянского) барокко, как он, еще будучи студентом Марбургского университета, авторитетно и с сожалением говорил о том, что французы и поляки не используют естественных данных своих языков, применяя силлабическое стихосложение вместо более гармоничного тонического. Достаточно также вспомнить, как уверенно и с позиций равного Сумароков критиковал классиков французской трагедии в письме, адресованном Вольтеру («Мнение во сновидении о французских трагедиях»), как судили о французском обществе, литературе, философии и театре Фонвизин, Новиков и Радищев. Необходимо к этому же прибавить, что передовые западные литераторы и журналисты XVIII в., как выясняется сейчас, внимательно следили за развитием современной русской литера-

туры, информировали своих читателей о стихах Феофана Прокоповича, которого называли «*decus ecclesiae rossicae*» («украшение русской церкви»), ставили в пример и в образец сатиры Кантемира, освещали научную и отчасти литературную деятельность Ломоносова, благожелательно оценивали трагедии Сумарокова, переводили «Недоросля» и «Путешествие из Петербурга в Москву» и т. д.

Такая картина русско-европейских литературных контактов в XVIII в. могла возникнуть только в результате преодоления «компаративистского», «сравнительно-исторического» метода и применения метода марксистско-ленинского, дающего возможность коррелятивного, историко-соотнесительного, историко-сопоставительного рассмотрения материалов о литературных взаимоотношениях разных народов, позволяющего анализировать факты межнационального литературного общения, не оскорбляя народного самодобия, не унижая одни литературы и не вознося другие.

Новые сопоставительно-исторические исследования, посвященные взаимоотношениям русской и славянских литератур в XVIII—начале XIX в., появились в основном в связи с IV Международным съездом славистов и представляют один из полезных результатов его. Однако здесь к изучению привлекались только русско-польские материалы.³ Хотя в данной области сделано довольно много, все же этого теперь уже недостаточно.

Сейчас, как нам представляется, наступило время, когда от «двусторонних» изучений (русско-польских, русско-чешских, русско-сербских, русско-болгарских и т. д.) можно и нужно перейти к «многосторонним» изучениям, когда вообще можно и должно поставить вопрос шире, попытаться собрать и объединить известные уже в науке материалы и подлежащие обобщению факты, наметить круг проблем и предложить пути и приемы исследования.

Однако прежде чем мы приступим к изложению своих соображений по данному вопросу, должно внести некоторое, как нам кажется, безусловно необходимое методологическое уточнение и указать, что отмеченное выше возникновение в последние годы интереса к проблеме русско-славянских литературных взаимоотношений в XVIII в. является результатом не только создания лагеря социалистических стран, но и действия своеобразных «законов» развития литературной науки. Точнее говоря, создание социалистического лагеря народов способствовало новой, подлинно научной постановке данного вопроса, сделало целесообразным выдвигание его именно сейчас, ускорило это выдвигание, однако сама проблема русско-славянских литературных связей в XVIII в. естественно выростала в процессе формирования той ветви русской национальной культуры, которая обозначается именем литературоведения.

Иными словами, интересующая нас проблема исторически и научно закономерна и не является, как это представляют некоторые западные слависты, «случайным» результатом политической «конъюнктуры».

Закономерность возникновения этой проблемы станет особенно отчетливой, когда мы — хотя бы в самой сжатой форме — проследим развитие самой литературной науки в целом, постепенное расширение круга ее интересов, ее движение от частного к более общему, от узконационального к межнациональному, международному, всемирному.⁴

В истории литературной науки давно уже замечено, что изучение любой национальной литературы — по крайней мере в новый период истории человечества — проходит последовательно несколько более или менее обязательных этапов.

Начало первого этапа изучения национальной литературы обычно составляют небольшие по объему и не особенно существенные по содержанию критические суждения современников о произведениях, появившихся при их жизни и пользовавшихся большим или меньшим успехом. Изредка при этом сообщаются и биографические сведения об авторах, получивших прижизненную и посмертную известность. Затем на том же первом этапе возникает более широкий и стойкий интерес к национальному литературному прошлому, к писателям предшествующих десятилетий и веков. Параллельно с этими зачатками критических и историко-литературных штудий складываются то более, то менее самостоятельные национальные теоретико-литературные воззрения как в области стихосложения, стилистики, вообще норм литературного языка, так и в области идейной — философии литературного процесса, национальной специфики данной литературы и т. д. На этом первом этапе внимание национальных литературоведов направлено единственно и исключительно на памятники и на деятелей собственной литературы. Проблемы же отношения данной национальной литературы к литературам иноязычным (античным, соседним — западноевропейским или восточным, и проч.) на первых порах либо вовсе не стоят перед исследователями, либо привлекают их в очень малой степени, и то лишь в конце этого периода, подготавливая переход к следующему этапу. Чаще всего это проявляется в том, что определенному национальному автору придается похвальное определение, состоящее из этнического обозначения и имени какого-либо прославленного иноязычного писателя, например: «итальянский Тибулл», «российский Расин», «киргизский Пушкин» и т. д.

Однако отмеченное невнимание ранних литературоведов к связям их литературы с литературами других народов вовсе не означает, что реально этих связей не существовало. Можно с полной

уверенностью сказать, что литературное развитие всех известных нам народов, начиная с древних египтян, протекало в условиях то большего, то меньшего литературного (включая фольклор) общения. Абсолютно самостоятельных, «чистых» литератур, можно думать, не было и нет.

Раз возникшее критическое, историко-литературное и теоретическое изучение национальной литературы продолжает существовать и развиваться, причем под воздействием общественно-политических условий меняются (или по меньшей мере могут меняться) философские, эстетические, т. е. методологические, подходы и практические приемы изучения.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что изучение национальной литературы — в особенности в теоретическом отношении — представляет всякий раз факт самостоятельного происхождения и самопроизвольного возникновения.

Во многих случаях знакомство ранних писателей какой-либо определенной национальной литературы с античной и средневековой латинской литературой, ее классиками и школьными поэтиками оказывало на них и через них на данную литературу стимулирующее воздействие, побуждало к самостоятельному творчеству и т. д. На мусульманском Востоке примерно такую же роль играли арабская и персидская литературы. Вероятно, в индийском и китайском культурных кругах аналогичное значение соответственно имели классические литературы этих народов.

На следующем этапе к уже сложившейся ранее литературоведческой тематике и проблематике присоединяются вопросы международных литературных отношений и связей данной литературы. Читатели, писатели, исследователи начинают проявлять интерес к тому, как воспринимается их собственная национальная литература людьми других наций, что из произведений «своих» писателей переведено на иные языки, «влияет» ли «своя» литература на чужие и как. В свою очередь внимание исследователей привлекает литературная судьба великих художников слова других наций в данной национальной литературе, «воздействие» иностранных литературных направлений, течений, школ на тех или иных национальных писателей и т. д. В результате подобных изучений возникает более или менее отчетливая картина развития литературы определенного народа, как в ее внутренней, исторической, социально-политической обусловленности, так и в ее внешних связях и зависимостях от других культур и литератур.

В сущности вопросы этой последней подгруппы являются составной частью предшествующей подгруппы, так как и связи, и зависимости, и разные формы отношений между данной национальной литературой и другими никогда не бывают случайными,

а всегда так или иначе обусловлены историческими, социально-политическими причинами.

Подобно тому как возникшие на первом этапе аспекты литературоведческого изучения продолжают с соответствующими изменениями существовать и развиваться, так вопросы отношений национальной литературы к литературам иноязычным продолжают существовать и привлекать внимание исследователей и на дальнейшем этапе, являющемся закономерным результатом исторического прогресса в человеческом обществе.

На этом этапе в результате все возрастающих экономических и политических взаимоотношений между странами и народами, как дружескими, так и враждебными, в результате интенсивного развития средств сообщения, связи, печатного и издательского дела, распространения знания иностранных языков возникает проблема «всемирной литературы», о которой говорили в свое время Гете⁵ и затем — в «Манифесте коммунистической партии» — К. Маркс и Ф. Энгельс.⁶

Одно время термин «всемирная литература» заменялся вышедшим уже сейчас из употребления термином «всеобщая литература». С 30-х годов — возможно, под влиянием выражений «мировая торговля», «мировая война» (дословный перевод немецких терминов «Welthandel», «Weltkrieg») — у нас упрочилось обозначение «мировая литература» — перевод немецкого термина «Weltliteratur». Оно сейчас настолько вытеснило все другие обозначения этого понятия, что в недавно вышедшем первом томе «Краткой литературной энциклопедии» нет ни статьи о всемирной или всеобщей литературе как теоретико-литературном понятии (есть статья о созданном по инициативе М. Горького издательстве «Всемирная литература»), ни даже простой отсылки от этого термина к термину «Мировая литература».

Как мы обозначать это теоретико-литературное понятие, в связи с ним с принудительной необходимостью возникает в качестве его дополнения вопрос о месте каждой данной национальной литературы в системе или по крайней мере в рамках понятия всемирной («мировой») литературы. На наших глазах все большее число литератур, еще недавно представлявших интерес только для своих национальных читателей, выступает на арену всемирной литературы.

При всех различиях наименований — «всеобщая», «всемирная», «мировая литература» — и при всех различиях отношения к этому понятию оно, как и проблемы двух предшествующих этапов, раз возникнув, продолжает существовать и оставаться одной из важнейших проблем национальной литературной науки все большего количества народов.

История русской литературной науки показывает, что русское литературоведение прошло все охарактеризованные выше этапы. Однако исследование отдельных моментов русского литературного процесса в каждом из этих этапов происходило по ряду причин неравномерно: литературы XIX и XX вв. изучены с большей степенью подробности по всем трем аспектам, а литературы древнего периода и XVIII в. исследованы в гораздо меньшем объеме; связи и отношения русской литературы к западным выяснены — для нового периода — тщательнее, чем отношения к литературам восточным и славянским, чем к литературам народов СССР и т. д. Все это не может не сказаться на решении интересующей нас проблемы — «русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. в их связях и отношениях».

Во избежание ошибочных, «компаративистских» и близких к ним, толкований и для достижения полной ясности в решении этого вопроса нам необходимо в самой сжатой форме определить, что мы разумеем, употребляя выражение «литературные связи и отношения».

В старом дореволюционном и отчасти в советском литературоведении был в большом ходу термин «литературное влияние». Под это расплывчатое, многосмысленное обозначение подводились весьма различные литературные явления: собственно «влияние», т. е. следование писателя какой-либо определенной литературы за одним или несколькими произведениями писателя другой литературы в идейном и формальном отношении; «подражание»; «воздействие» (без строгого следования за определенным «образцом»); «восприятие»; «усвоение»; «импульс», «веяние», «переработка» и т. д. Как различны ни были идеологические позиции сторонников этого, так называемого сравнительно-исторического, «компаративистского» метода, сознательно или бессознательно они исходили из положения, что литература, оказывающая «влияние» на какую-либо другую, выше, богаче, оригинальнее испытывающей это «влияние». В конечном счете подобные изучения то более, то менее откровенно преследовали политические цели — литературоведческими фактами обосновать экспансионистскую политику своих правительств в отношении «бедных в культурном отношении» народов.

Перед исследователями, принадлежавшими к данной школе, никогда, насколько можно судить по доступным нам источникам, не вставал вопрос о соотношении между «восприятием», «влиянием» и национальными традициями, между «чужим» и «своим».

Однако еще Г. В. Плеханов, первый из марксистских теоретиков стремившийся установить закономерности «влияний» в области литературы и — шире — искусства, высказал мысль, что определенный народ, заимствуя что-либо у другого народа, берет

только то, что соответствует его потребностям в той или иной сфере жизни, усваивает то, что в зачаточной форме уже существует или намечается в национальном обиходе, принимает только то, что необходимо для его развития. При этом чем ближе в социально-политическом отношении эти народы, тем большим будет реальный эффект заимствования.⁷ Это важное положение Плеханова подверглось в марксистском литературоведении тщательной проверке на многочисленных фактах общения различных культур и литератур и в результате всего было уточнено и приведено в соответствие с разнообразием реальных отношений, имеющих место в действительности. В том, к чему раньше механистически прилагали понятия «влияние» — «заимствование», «воздействие» — «усвоение» и т. д., стали видеть сложный процесс межнациональных литературных контактов, литературного обмена, зависящего, с одной стороны, от степени различия культурного уровня литературно-обменивающихся народов и даже отдельных классов в этих народах, а с другой — от явлений национальных традиций и новаторства.

Понятие межнациональных литературных контактов, литературного общения вовсе не означает, что обе стороны, участвующие в этом процессе, обязательно испытывают одинаковые импульсы и получают одинаковые результаты этого общения. Например, когда европейские культуры в новое время, с эпохи Возрождения и по конец XVIII в., испытывают в области архитектуры, живописи, скульптуры, литературы и театра то большее, то меньшее «влияние» или «воздействие» античности, то ничего взамен дать не могут, так как «берут» не у живого народа, а у народов, исчезнувших с лица земли. Здесь перед нами пример контактов или обмена одностороннего, с положительным итогом в пользу европейских наций и «нулевым» — для народов античности.

Этот пример не должен быть понят прямолинейно и механично: европейские народы воспринимали в новое время античную культуру не непосредственно от древних греков и римлян, а через посредство других европейских народов, ранее познакомившихся с наследием мира классической древности. Таким образом, из этого примера явствует, что при рассмотрении проблемы литературных контактов, литературного общения необходимо учитывать и понятие «мирового культурного наследия» (античность, Библия).

Другое дело, когда мы обращаемся к нациям и народам, сосуществующим во времени. Здесь процесс контактов — мы будем говорить только о литературных — может иметь разные формы и разную степень интенсивности. Так, все европейские народы в начальном периоде своей литературы много переводят, т. е. берут из литератур других народов, дают им в обмен очень мало — в лучшем случае у этих других народов, обычно ранее развившихся

в литературном отношении, появляются сведения о состоянии образованности и литературы «молодого» народа. Но чем богаче и самостоятельнее становится литература такого народа, тем более усиливаются взаимные литературные контакты, тем больше изменяется «баланс» литературного обмена в его пользу: он уже больше дает другим народам, чем получает сам. Перевод перестает играть роль одного из основных источников обогащения национальной литературы, а становится средством ознакомления с жизнью, культурой, литературой других народов.^{7а} При этом, конечно, не исключается возможность возникновения и на этом этапе национального литературного развития каких-либо инонациональных литературных «влиятий», «воздействий», «импульсов», «стимулов» и т. п. Процесс литературных контактов, литературного обмена сложен, многообразен и порою противоречив.

Ошибочность механистического «компаративистского» подхода к изучению литературных контактов заключается еще и в том, что сторонники этого направления обычно рассматривают материалы о взаимоотношениях каких-либо двух писателей разных литератур или вообще каких-либо двух литератур, из которых один (или одна) является «воздействующим» (или «воздействующей»), а другой (или другая) — «воспринимающим» (или «воспринимающей»). Между тем при более широком охвате материала обнаруживается, что процесс литературного обмена гораздо более гибок и диалектичен, чем это кажется при «бинарном» («парном») изучении материала. Один и тот же писатель может оказаться и «воспринимающим», когда речь идет о его отношении к писателю другой, более развитой литературы, — например, Ломоносов в его связях с античными и новоевропейскими литературами, и «воздействующим», если рассматривать переводы из его произведений на славянские языки и на языки народов СССР, скажем на грузинский.⁸ Еще в большей степени можно проверить это положение при анализе взаимоотношений русской литературы XVIII в., с одной стороны, с западноевропейскими литературами, а с другой — опять-таки с литературами народов СССР, например с той же грузинской⁹ или армянской.¹⁰

Рассмотрение материалов литературных контактов под таким диалектическим углом зрения показывает, что иногда в истории распространения идей «воспринимающая» литература, приобретая роль «воздействующей», имеет большее значение, чем литература — первоисточник, по крайней мере для какой-нибудь определенной территории и периода.

Сторонники «сравнительно-исторического» изучения литературных взаимоотношений не учитывают, например, такого существенного явления в области межнационального культурного общения, как близость, а иногда и почти полное единство литературного

языка у разных, но родственных в этническом и языковом отношении народов. Например, известно, что так называемый церковнославянский язык с XI по начало XIX в. был основой литературных языков всех восточно- и южнославянских народов, и поэтому русский читатель тех столетий без особенных затруднений мог читать памятники сербской, болгарской, украинской и прочих письменностей, а болгарин, серб, украинец — литературные произведения Московской Руси.

Если ко всем этим сложным вопросам межнационального литературного обмена подходить с позиций не компаративистского, сравнительно-исторического литературоведения, а марксистско-ленинского, многие трудности, встречающиеся на нашем пути, отпадут и многие неясные проблемы прояснятся. Надо только пользоваться приемами коррелятивного, историко-соотносительного или историко-сопоставительного анализа, лишенного «европоцентрического» высокомерия компаративистов, проникнутого глубоким уважением ко всем народам, ко всем литературам, признающего за всеми нациями право и обязанность учиться, оставаясь самими собой, право брать отовсюду, где это окажется нужным и полезным, исходя из своих национальных традиций, творя на своем национальном языке, создавая из этих своих и чужих элементов качественно новые литературные ценности.

Марксистско-ленинское литературоведение не может признать правильным парадоксальный афоризм, принадлежащий, кажется, В. Гюго: «Народы — великие плагиаторы». Нет, в отличие от плагиаторов, просто и внешне присваивающих чужие произведения, чужие мысли, чужое творчество, народы берут новое у своих соседей или вообще у других народов с тем, чтобы творчески переработать это, влить в свою национальную культуру и создать сплав из своего и из заимствованного, сплав, до того органичный, что порою в нем только путем кропотливого анализа можно определить составные элементы.

Чтобы убедиться в том, какое значение для правильного понимания литературного процесса имеют сделанные выше замечания, достаточно привести следующий факт, свидетельствующий о сложности взаимоотношений, которые существовали в XVIII в. между славянскими литературами и русской. Факт, о котором будет сказано ниже, говорит также и о значении русской литературы в истории возрождения некоторых славянских литератур XVIII в., но именно о значении, о стимулирующем ее воздействии, об импульсе, данном этим литературам, а не о пресловутом «влиянии». И вместе с тем нельзя рассматривать излагаемые ниже материалы в качестве свидетельства «посреднической» роли русской литературы, как рекомендуют теоретики компаративизма, обращающие преувеличенное и в то же время одностороннее, однобокое внима-

ние на так называемых посредников, но не придающие должного значения идейной позиции последних.¹¹ Самое понятие «литературного посредничества» нельзя рассматривать, как это опять-таки делают компаративисты, вне учета национальных традиций, новаторства, переосмысления, полемики и иных идейно и художественно преобразующих условий местного литературного процесса.

Факт, к изложению которого мы приступаем, не нов, в отдельных своих частях достаточно хорошо известен в славяноведении, но, как можно судить по существующим работам, в полном объеме не привлекал к себе внимания и не получил соответствующей своему значению оценки.

В несомненной связи с интересом Петра Великого к южным славянам как потенциальным союзникам в его внешнеполитических планах¹² около середины 1710-х годов был предпринят перевод на русский язык известной в то время книги хорватского ученого, бенедиктинского аббата Мауро Орбини «Storia sul regno degli slavi, hoggi corrottamente detti schiavoni» («История царства славян, ныне неправильно называемых скьявонами». Pesaro, 1601).¹³

Мауро Орбини (или Орбинич) (середина XVI в.—1618) — поздний представитель далматинской образованности. Увлеченный идеей прошлого величия славянских народов и с горечью переживавший политическую несамостоятельность и тяжелую судьбу балканских славян, находившихся под властью турок, Мауро Орбини собрал в своей книге обширные материалы из разных источников и свел воедино разбросанные сведения обо всех тех племенах и народностях, которые действительно были славянского происхождения или представлялись автору славянами. Хотя в итальянском заглавии своего труда Орбини указывал, что в книге, «в частности, рассматриваются доблестные деяния царей, которые в древности правили Далмацией, Кроацией, Боснией, Сербией, Россией и Болгарией», однако он много места уделил тем племенам, которые жили либо раньше, либо позже на территориях, которые упоминались в истории славян, но сами никакого отношения к последним не имели. Такое неправомерно расширительное понимание объекта изучения вместе с характерным, впрочем для той эпохи некритическим, отношением к источникам сильно ослабило позицию М. Орбини как историка, и книга его впоследствии утратила научное значение.

Русский перевод вышел под длинным заглавием, дающим достаточно представление о содержании труда Мауро Орбини: «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. Собрана из многих книг исторических чрез господина Мавроурбина архимандрита рагужского. В которой описуется початие, и дела всех народов,

бывших языка славенского, и единого отечества, хотя ныне во многих царствиях рассеялся чрез многие войны, которые имели в Европе, во Азии, и во Африке. Расширения их империи, и древних обычаев, в разных временах, и познание веры, Христа Спасителя, под многими владетельми. Переведена со италианского на руссийской язык и напечатана повелением и во время счастливого владения Петра Великого, императора всероссийского, и протчая, и протчая. В Санктпетербургской типографии, 1722 году, августа в 20 день».

История этого перевода еще недостаточно выяснена. На основании одной рукописной копии этого перевода, хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Q.IV.98) и содержащей известие, что книга Орбини переведена «на российский язык от некоторого доброжелателя в С.-Петербурге, 1714 г.»,¹⁴ можно заключить, что, во-первых, переводчик — не русский, а иностранец (доброжелатель) и, во-вторых, что по каким-то причинам выход этой книги в свет задержался на восемь лет.

Вопрос о переводчике сейчас решен точно: в письме Петра Великого в Синод от 18 октября 1722 г. содержится просьба прислать ему новинку — «книгу, которую переводил Сава Рагузинской, о славянском народе с италианского языка». Это письмо было опубликовано только в середине XIX в.; однако литературная традиция XVIII в. и без документальных данных приписывала перевод книги М. Орбини далматинцу Савве Лукичу Владиславичу, графу Рагузинскому, одному из деятелей Петровского времени.¹⁵ Инициативу же перевода, редактирование его и послесловие к книге традиция приписывала Феофану Прокоповичу, однако на этот раз, кажется, без достаточных оснований. В известном труде И. Чистовича «Феофан Прокопович и его время» приведен отрывок из письма Феофилакта Лопатинского от 27 июля 1716 г., где говорится о том, что ему была прислана И. А. Мусиным-Пушкиным, ведавшим в то время вопросами печатного дела в России, выписка из книги Мавроурбина и что он написал ответ «на повесть ложную о славенских наших апостолах — Мефодии и Кирилле».¹⁶ По-видимому, этот ответ и есть послесловие, напечатанное с особой пагинацией в «Книге историографии» после перевода текста (несколько сокращенного) М. Орбини. Если учесть, что перевод был сделан в 1714 г., возражение Феофилакта Лопатинского было написано в конце июля 1716 г., а Феофан Прокопович прибыл в Петербург из Киева 14 октября 1716 г., то станет ясно, что он едва ли мог быть инициатором перевода, осуществленного до его приезда в Петербург. Однако не исключена все же возможность, что перевод он редактировал и что, хотя Феофилакт Лопатинский и сочинил послесловие-опровержение, Феофан мог признать его неудачным и написать новое. Этим, может быть, и объясняется традиция, иду-

щая из XVIII в. и приписывающая Феофану редактирование перевода и написание послесловия. Кстати сказать, очень заманчива идея путем стилистического анализа решить вопрос об авторе послесловия.

Однако вопрос этот менее существен, чем самый факт необходимости сопроводить книгу Мавроурбина послесловием, опровергающим «ложную повесть» о Кирилле и Мефодии. Чем был вызван ответ Феофилакта Лопатинского или Феофана Прокоповича?

Дело в том, что М. Орбини, хотя и был страстным поклонником идеи единства и величия славянства, все же был и оставался католическим монахом и под влиянием своих религиозных убеждений тенденциозно изложил историю христианизации славян, утверждая, что просветительская деятельность Кирилла и Мефодия осуществлялась с санкции Ватикана. Именно против этих страниц книги М. Орбини и написано послесловие. Оно построено на ссылках из авторитетных писателей восточной церкви и тем самым парализовало в сознании православных читателей католическую тенденциозность хорватского монаха. И именно антикатолическое послесловие помогло последующим читателям в России и на Балканах отделить полезное в книге М. Орбини от неприемлемого для них, враждебного и чуждого в религиозном отношении.

Незадолго до выхода в свет русского перевода книги М. Орбини в Москве была напечатана «Церковная история», или «Церковные летописи», кардинала Чезаре Бароньо (латинизированная форма: Цезарь Бароний; 1538—1607), называвшаяся в русском переводе «Деяния церковная и гражданская».¹⁷ Труд Барония, написанный по-латыни и изданный в 12 томах, был проконспектирован польским церковным писателем иезуитом Петром Скаргой, затем этот конспект был переведен на польский язык и напечатан в одном томе (Краков, 1603). Русский перевод был сделан не непосредственно с оригинала, а с польской обработки П. Скарги. Подобно книге Орбини, «Церковные летописи» Барония из-за своей католической тенденции подверглись в России редактированию, сокращениям и некоторым дополнениям в виде предисловия, предупреждавшего православного читателя об особенностях переведенного труда, и стихотворного заключения («Пристежения»), вновь напоминавшего о необходимости осторожного («опасного») отношения к переводу книги Барония—Скарги.

На долю этих двух книг, вышедших из русских типографий и оказавшихся в середине XVIII в. на Балканском полуострове, выпала великая честь послужить побудительным толчком к национальному возрождению — непосредственно болгарской и посредственно сербской литературы.

Во второй половине 50-х годов XVIII в. в руках болгарского иеромонаха, проигумена Хилendarского монастыря (Афон) Паисия

оказались книги М. Орбини и Барония в русских переводах. Благодаря своему языку они были совершенно доступны и балканскому читателю. С помощью этих трудов Паисий, еще ранее задумавший написать книгу по истории родного народа, получил возможность осуществить свое намерение. В 1762 г. он закончил «Исторію славено-българскую о народахъ и царѣхъ и святыхъ българскихъ и о всехъ дѣяніяхъ българскихъ», которая в рукописном виде получила широкое распространение в болгарской среде. Несмотря на явные недочеты названной «Истории», эта книга, по словам А. Н. Пыпина, «замечательное произведение, с которого начинают теперь историю болгарского Возрождения».¹⁸ Эту оценку труда Паисия разделяют все историки новоболгарской литературы, включая и самых новейших. Так, например, в статье «Паисий Хилендарски в развитието на българската литература» проф. П. Динев пишет, что «История славено-болгарская» Паисия — «новое явление в истории болгарской литературы . . . начало нашего литературного возрождения . . . первое значительное произведение новоболгарской литературы».¹⁹

«История славено-болгарская» представляет для науки интерес и как начало новоболгарской литературы, и как памятник общеславянского литературно-идеологического движения середины XVIII в., и, наконец, как произведение, опирающееся на ряд источников, о которых Паисий упоминает в своем труде. Для целей настоящей работы, рассматривающей связи русской литературы XVIII в. со славянскими литературами, именно этот третий аспект представляет специальный интерес. Теме отношений Паисия к его источникам — М. Орбини и Баронию—Скарге — посвящен ряд работ: болгарского литературоведа Велчо Велчева и итальянских славистов — А. Кронна и Риккардо Пиккио.²⁰ Однако преимущественное внимание этих исследователей привлекали вопросы языка Паисия и языка его источников и в меньшей мере та идеологическая концепция, которая легла в основу «Истории славено-болгарской», и ее отношение к русским переводам М. Орбини и Барония—Скарги.

Между тем как раз эта идеологическая сторона, по нашему мнению, особенно важна и по своему национально-воспитательному воздействию на болгарских читателей XVIII—XIX вв., и потому, что «лингвистико-культурный фонд православной Славии», о котором говорит проф. Р. Пиккио в своей работе 1958 г., существовал не сам по себе, а как языковое и стилистическое выражение определенной национально-прогрессивной идеологии. Только с такой точки зрения и должно подходить к изучению отношения «Истории славено-болгарской» Паисия к ее источникам.

Однако на «Истории славено-болгарской» Паисия Хилендарского не кончаются контакты «Книги историографии» Мауро Орбини со славянскими литературами. Как раз в то самое время,

когда Паисий создавал свой труд по истории Болгарии, в Хилендарском монастыре появился серб Йован Раич (1726—1801), позднее ставший архимандритом одного из сербских монастырей. Из его биографии известно, что он последовательно учился в нижней школе у иезуитов, в средней — у лютеран и в высшей — в православных Киево-Могилянской и Московской академиях. Впоследствии Раич вторично побывал в Киеве и там, под влиянием своих местных друзей, задумал, подобно болгарину Паисию, написать историю своего народа. Весьма возможно, что до него каким-то образом дошли сведения о том, что кто-то в Хилендарском монастыре пишет историю болгар, и он, очевидно, пожелал познакомиться поближе с автором подобного труда. Во всяком случае, как уже сказано было выше, в 1758 г. Й. Раич прибыл в Хилендарский монастырь, «чтобы собрать, — как пишет А. Н. Пыпин, — источники, но невежественные и подозрительные монахи не дали ему свободно пользоваться библиотекой».²¹ Можно, однако, думать, что причиной неприязненного отношения хилендарских иноков к пришельцу было не невежество, а понятное опасение, что Раич опередит в своей истории сербов проигумена Паисия, воспользовавшись теми же самыми источниками, на которые опирался болгарский историк. Когда писалась и была закончена «История разных славянских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов» Йована Раича, мы точно не знаем,²² напечатана она была в Вене в 1794—1795 гг. (в 4 частях). Она имела большой успех у сербских читателей конца XVIII и первой половины XIX в. и, по словам Пыпина, даже в последней четверти прошлого столетия «по некоторым подробностям» сохраняла цену.²³ Вполне понятно, что книга Паисия Хилендарского была Раичу известна, а через нее, а может быть, и независимо от нее, — и «Книга историография» Мауро Орбини.

Таким образом, русские переводы итальянской книги хорватского бенедиктинца XVI—XVII вв. и польской переделки «Церковных летописей» Барония оказались «первым толчком болгарского возрождения» и определенную роль сыграли и в деле возрождения сербской литературы.

Нам могут возразить, что русской литературе XVIII в. в данном эпизоде принадлежит очень скромная роль литературы-посредницы и что видеть в «Историях» Паисия Хилендарского и Й. Раича результат воздействия русской литературы XVIII в. нельзя, не впадая в преувеличения. Мы, однако, и не думаем утверждать, во-первых, что перевод «Книги историографии» Мауро Орбини может рассматриваться в качестве оригинального произведения русской литературы XVIII в. и, во-вторых, что перед нами факт «влияния» или «воздействия» русской литературы на славянские. Гораздо существеннее другое — то, что не итальянский ори-

гинал, не доступный ни болгарину Паисию, ни сербу Раичу, а именно русский перевод оказался важным элементом литературного возрождения этих народов. Конечно, то случайное обстоятельство, что Паисий во время своего путешествия по Австрии нашел русский перевод книги М. Орбини, не сыграло роль побудительного импульса в истории создания трудов хилендарского проигумена и — косвенно — архимандрита Й. Раича. Однако несомненным фактом остается то, что «Книга историография» М. Орбини, один из основных, хотя и сильно критически переработанных источников Паисия, оказалась доступной ему только благодаря своему славяно-русскому языку. Не учитывать этого факта никак нельзя.

А главное, как мы уже указывали, русские переводы Орбини и Барония—Скарги были обработками, отвечавшими потребностям русской культуры начала XVIII в., и поэтому, в определенном смысле, они являются все же фактами если не русской литературы, то русской литературной жизни.

Приведенный нами пример характерен еще в одном отношении: судьба «*Storia sul regno degli slavi*» М. Орбини показывает, что процесс общения славян на почве изучения собственного и родственного исторического прошлого — процесс длительный и подверженный прихотливым закономерностям, поражающий своими зигзагообразными движениями во времени и в пространстве: русский перевод появляется почти через 125 лет по выходе оригинала и печатается на севере далеко от Пезаро, где впервые увидела свет «*Storia*» М. Орбини; экземпляр русского перевода болгарин Паисий «обретает», как он пишет в предисловии к своему труду, в Австрии; свое сочинение он пускает в обращение через сорок лет после выхода из печати «Книги историографии»; наконец, «История» Й. Раича публикуется в Вене в конце XVIII в., почти через двести лет со дня издания произведения хорватского монаха. И все же это несомненные звенья одного и того же процесса.

Можно было бы считать судьбу русского перевода книг М. Орбини и Барония—Скарги в славянских литературах не заслуживающей внимания, если бы это был единичный и случайный эпизод в истории общения балканских славян с русской литературой в XVIII в. Между тем давно известно, какой оживленный обмен в области педагогической и тем самым литературной между русскими и сербами имел место в XVIII в.²⁴ Достаточно напомнить так называемую русскую школу в Сербии во второй трети XVIII в.²⁵ и приглашение большой группы сербских педагогов (Ф. И. Янкович де Мириево, Г. И. Терлаич и др.) в Россию.²⁶ Довольно подробно освещены в научной литературе, как русской, так и сербской, вопросы собственно литературных взаимоотношений между сербами и русскими в XVIII в.²⁷

Я останавливался до сих пор на материалах, относящихся к болгарской и сербской литературам XVIII—начала XIX в. В специальной работе, изданной к IV Международному съезду славистов, я рассмотрел русско-польские связи в XVIII в. Существуют также данные о связях русской литературы XVIII в. с другими славянскими литературами как в XVIII в., так и позднее, — характерна в этом отношении книга В. А. Францева «Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст.» (Прага, 1925), в которой собран обширный, ценный и интересный материал, почерпнутый почти из всех славянских литератур (за исключением надднепрянско-украинской и белорусской).

Все это дает нам основание полагать, что выдвигаемая нами тема «русская литература XVIII в. и славянские литературы XVIII—XX вв.» законна и если на первых порах своей новизной может показаться неожиданной и даже непропорциональной, то это не может и не должно служить препятствием к изучению соответствующих материалов. Опыт изучения русско-польских литературных отношений в XVIII—начале XIX в. является достаточным основанием и серьезной порукой для постановки более широкой темы. Важнее всего сейчас говорить не о том, нужно ли и можно ли изучать эти взаимоотношения, а условиться о том, как изучать их.

Не в меньшей мере, чем при изучении русско-польских литературных отношений XVIII—начала XIX в., успешный ход работы по исследованию взаимоотношений русской литературы XVIII в. и славянских литератур в XVIII—XX вв. зависит от участия в ней как историков русской литературы XVIII в., так и литературоведов-славистов в СССР и специалистов по отдельным славянским литературам в соответствующих славянских странах. Время таких славяноведов-универсалистов, как А. Н. Пыпин, И. В. Ягич, даже В. А. Францев, прошло. В. А. Францев мог еще около 50 лет назад (его книга о Державине у славян была написана в 1916, но напечатана в 1924 г.) создать обобщающее исследование об одном, правда очень крупном, русском поэте XVIII в. в отражении почти всех славянских литератур. Сейчас, при колоссально разросшемся материале, такая задача едва ли по силам кому-либо из современных ученых-славистов. Только совместный труд большого коллектива со строгим и четким разграничением участков работы в состоянии исчерпывающе охватить все известные и обнаружить неизвестные факты, подлежащие изучению. Необходимо для достижения этой цели объединить вокруг данной работы всех заинтересованных литературоведов как в СССР, так и в славянских странах, предоставив им возможность публиковать результаты своих исследований в различных литературоведческих изданиях, и

прежде всего в сборнике «XVIII век», издаваемом Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР. Необходимо уже сейчас понять, что не могло бы осуществиться такое основательное знакомство и глубокое восприятие в славянских странах русской классической, а затем и советской литературы, если бы им не предшествовало или не шло рядом ознакомление с русской литературой XVIII в., хотя неравномерное, запоздалое, во многом зависевшее от индивидуальных интересов тех славянских авторов преимущественно XIX—XX вв., которые своими переводами или историко-литературными статьями знакомили своих единомышленников с деятельностью Ломоносова, Державина, Фонвизина, Богдановича, Капниста и т. д.

Предлагая приступить к изучению намеченной темы, мы должны также указать, что в совокупности проблем, входящих в нее, в особом положении находится исследование русско-украинских и русско-белорусских литературных отношений в XVIII в., и вот почему. Изучение этой группы вопросов входит в состав двух самостоятельных разделов советского литературоведения — истории литературы народов СССР и истории славянских литератур.

Такое двойственное положение взаимоотношений и взаимосвязей русской литературы и литератур украинской и белорусской не должно смущать исследователей; при кажущемся совпадении исходных точек зрения и конечных итогов в обоих случаях, а также материалов, подлежащих анализу, на самом деле перед ними встают разные задачи — определить, с одной стороны, связи русской литературы и данных литератур в процессе формирования единой многонациональной советской литературы и, с другой — охарактеризовать их взаимоотношения, рассматриваемые не в плане политической, а этнической общности, в разные исторические периоды.

Приходится сразу отметить, что так как XVIII век является наиболее печальной эпохой в развитии белорусской культуры,²⁸ никакие факты русско-белорусских литературных контактов до сих пор не обнаружены. Можно, однако, полагать, что вхождение части Белоруссии в состав Российской империи послужило почвой для более близких культурных контактов между русскими и белорусами. Не исключена возможность, что в дальнейшем будут обнаружены конкретные данные и о литературных контактах. Во всяком случае, в настоящее время история русско-белорусских связей в XVIII в. совершенно не исследована, и поэтому на них мы не можем сейчас останавливаться. Отношения же русско-украинские более или менее основательно изучаемы.²⁹

Не следует забывать, что до конца XVIII в., когда появляется «Еней» И. П. Котляревского, написанный на народном языке, украинская литература создавалась на том славяно-украинско-рус-

ском языке, который был очень хорошо понятен и жителям Украины, и жителям Великодержавии, хотя самые тексты фонетически читались не вполне одинаково. Поэтому и стихотворец XVII в. Симеон Полоцкий, белорус по происхождению, обучавшийся в Киево-Могилянской академии и затем живший в Москве в качестве придворного поэта царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, и украинцы Стефан Яворский, Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский, даже Г. С. Сковорода являются авторами как русскими, так и украинскими, а первый из них — и белорусским. Литературное единение русских и украинцев в XVIII в., подкреплявшееся единством литературного языка или во всяком случае исключительной близостью литературных языков, было культурным фактом чрезвычайного значения. Этим объясняется наличие на севере России, даже в кругах старообрядцев, списков произведений Ивана Вишенского и Григория Сковороды и на Украине — произведений Кантемира и Ломоносова, переводы которого из Псалтыри пелись еще в XIX в. украинцами-слепцами. Характерно, что одним из первых последователей реформы Тредиаковского в области русской версификации оказался преподаватель Харьковского коллегіума Стефан Витынский. Заметными деятелями русской литературы середины и второй половины XVIII в. были украинцы Кириак Кондратович, племянник Гавриила Бужинского, Иван Голеневский, В. Г. Рубан и в особенности В. В. Капнист, кстати сказать, переведший на русский язык одно из стихотворений Г. Сковороды «Ой ты, птичко желтобоко»,³⁰ не указав, правда, при этом своего источника.

Кроме того, существенное методологическое ограничение состоит в том, что при изучении русско-украинских литературных связей и взаимоотношений в XVIII в. надо отделять контакты надднепрянских и слободских украинцев и русских, жителей одного государства, от контактов галицийско-буковинских и закарпатских украинцев, живших в Польше и Австро-Венгрии, и русских, т. е. народов, разделенных политическими границами. Изучение последней группы вопросов началось в самое недавнее время. Однако и здесь накопились небезытересные материалы. Так, профессор Ужгородского университета П. В. Линтур пишет: «Знакомясь с книжными фондами Ужгородской университетской библиотеки (б. епархиальной), Областного краеведческого музея, Мукачевской монастырской библиотеки и др., мы встретились с множеством московских, петербургских, киевских и других изданий восемнадцатого столетия. Эти издания свидетельствуют о том факте, что литература русского классицизма была хорошо известна в Закарпатье. Здесь читались не только произведения Ломоносова, Сумарокова, Новикова, Державина, Хераскова, но и Татищева, Крашенинникова, Курганова и др.»³¹ Слова П. В. Линтура подтвер-

ждаются описью книг библиотеки Ужгородского университета, недавно вышедшей в свет.³²

Таким образом, и самые отдаленные от северной России украинцы — закарпатские — не остались в стороне от контактов с русской литературой XVIII в., хотя эти литературные отношения в основном приходятся не на XVIII, а на XIX в. Впрочем, подобное «запоздание» наблюдается и в болгарской, и в ряде других славянских литератур. Поэтому тема наша сформулирована именно с учетом того, что в значительном числе случаев знакомство славянских народов с русской литературой XVIII в. хронологически запаздывает, что переводы и подражания делались в XIX и XX вв., а изучения, за единичным исключением,³³ приходятся на XX в.

Тема «русская литература XVIII в. и славянские литературы XVIII—XX вв.» имеет ряд аспектов, у каждого из которых есть свое особое право на специальное внимание исследователей.

Прежде всего должны быть поставлены вопросы о том, каковы были сведения у русских о славянах и у славян о русских, существовали ли в XVIII в. какие-либо отражения славянских литератур в русской и русской в славянских, наличествовали ли какие-либо связи между русской литературой того времени и современными же литературами славян, каков бы ни был характер и уровень их развития, имелось ли хотя бы элементарное знакомство в России с литературами других славянских народов, а у других славянских народов — с русской литературой.³⁴

Следующая группа вопросов хронологически выходит за рамки позапрошлого столетия и относится уже к XIX—XX вв., когда русская литература XVIII в. перестала быть «современной», злободневно-актуальной и постепенно превратилась в культурное прошлое русского народа. Собственно только с XIX в. и можно говорить о знакомстве славянских народов с русской литературой XVIII в. — сначала в форме большей частью случайных переводов,³⁵ переделок и подражаний,³⁶ а затем и в виде популярных критических статей и историко-литературных обзоров. Необходимо при этом, конечно, помнить, что эволюция отношения самого русского общества к собственной литературе XVIII в. в значительной мере сказалась и сказывается на интенсивности и характере восприятия славянскими народами русского литературного наследия того столетия. Вопрос о знакомстве русских читателей XIX в. со славянскими литературами XVIII в. входит в пределы нашей темы на правах самостоятельного экскурса.

Наконец, следует поставить вопрос о вкладе славянских литературоведов в научную разработку истории русской литературы XVIII в. Здесь имеется в виду вся та совокупность многочисленных фактов, падающих преимущественно на XX в. и главным образом на время после второй мировой войны, которые свиде-

тельствуют о том, что в славянских литературах постепенно возникает живой исследовательский интерес к истории русской литературы XVIII в. Начиная с 20-х годов текущего столетия различные славянские литературоведы, опираясь на архивные и печатные источники своих стран, вносят ценный вклад в изучение русской литературы XVIII в. как публикацией первоисточников (например, профессор Загребского университета И. Бадалич своими работами по истории русского театра при Петре Великом и в ближайшие десятилетия),³⁷ так и анализом отдельных сторон тогдашнего литературного процесса в России. Среди современных славянских историков русской литературы XVIII в. необходимо назвать имена профессора Софийского университета Велчо Велчева,³⁸ Евдокию Метеву (София),³⁹ профессора Ягеллонского университета Виктора Якубовского (Краков),⁴⁰ профессора Варшавского университета Самуэля Фишмана,⁴¹ профессора Вроцлавского университета Марьяна Якубца,⁴² профессора Варшавского университета Анатолия Мировича,⁴³ д-ра Рышарда Лужного (Краков),⁴⁴ д-ра Францишка Селицкого (Вроцлав),⁴⁵ д-ра Юлиана Леваньского (Варшава),⁴⁶ Целину Бобиньску (Варшава),⁴⁷ Паулину Левин (Варшава),⁴⁸ Ярослава Вавру (Прага),⁴⁹ Светлу Матхаузерову (Прага),⁵⁰ Ярослава Мандата (Брно),⁵¹ Марию Коутну (Брно)⁵² и др.

Нельзя здесь не выразить прискорбия о преждевременной смерти выдающегося знатока истории польской литературы эпохи Просвещения, профессора Тадеуша Микульского (Вроцлав), который проявлял живой интерес к аналогичным явлениям русской литературы XVIII в. и предполагал выступить с докладом на тему о русско-польских литературных отношениях в XVIII в. на IV Международном съезде славистов в 1958 г. Его статья «Жизнь Игнатия Быковского» осталась единственным, насколько мне известно, документом интереса к русско-польским литературным контактам.⁵³

Большой интерес для анализа нашей проблемы представляют многочисленные работы известного специалиста в области русско-чешских отношений, правда главным образом несколько более ранней поры, профессора-историка А. В. Флоровского (Прага).⁵⁴

Естественно встает вопрос, в какой мере способствуют развитию наших знаний о русской литературе XVIII в. сведения о том, как она воспринималась в славянских литературах в XVIII—XX вв. и как изучается славянскими литературоведами в настоящее время. На него следует ответить так: литература каждого народа является не только отражением его собственной жизни в тот или иной момент, но также в какой-то мере и отражением жизни человеческого общества в целом, поэтому переводы, переделки и подражания литературе данного народа в любой иноязыч-

ной представляют интерес как раскрытие новых, иногда неожиданных сторон в этом национальном материале. Такое же значение имеют и научные исследования славянских литературоведов по истории русской литературы XVIII в.: выросшие на традициях своей национальной культуры, они подходят к исследуемому материалу с иных, хотя, может быть, и близких к нашим, позиций, и это в принципе делает их работы полезными и ценными для исторически точного и научно объективного понимания русского литературного процесса XVIII в.

Если такой ответ не удовлетворит критиков-утилитаристов, нам придется сослаться на близкое по характеру и далекое по материалу заключение в статье профессора Калифорнийского университета (США) Г. Френкель-Конрата «Вирусы — на границе живого и мертвого». Этот выдающийся вирусолог, которому удалось осуществить ресинтез расщепленных вирусов, завершает свою статью вопросом: «Что же это дает людям?» — и отвечает: «Исследуя тайны природы, многие ученые не задумываются над практическим значением результатов исследования, руководствуются желанием узнать тайны природы. Но они никогда не сомневаются, что открытые ими истины будут полезны человечеству».⁵⁵

Литературоведение не может сравниваться с вирусологией и какими-либо другими экспериментальными или точными науками. У него своя область изучения, своя методология, свои приемы изучения, свои задачи и цели. Но открываемые им истины также полезны человечеству, полезны хотя бы тем, что правильно познанное прошлое позволяет понять настоящее, помогает угадывать тенденцию движения вперед, в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассматривая настоящую статью как программу большого исследования, довести которое до конца (если вообще в науке можно что-либо «довести до конца») можно будет только дружными совместными усилиями большого числа литературоведов-славистов СССР и славянских стран в первую очередь, — и не в очень короткое время, — я счел целесообразным придать примечаниям к моей работе несколько более широкий характер, чем это принято для обычных подстрочных ссылок, а именно — характер подготовительных библиографических и историко-литературных (фактических) материалов, которые могут и должны облегчить отдельным будущим исследователям собрание первоначальных сведений по разным аспектам данной темы. Подобное понимание задачи по необходимости привело к тому, что наряду с простыми библиографическими примечаниями-ссылками возникли маленькие исследовательские экскурсы разного содержания, иногда представляющие самостоятельные справки-разыскания (например, прим. 11 — о путях проникновения русской книги на Балканы в XVIII в.), иногда — только библиографические

«заготовки» для них. По этой причине примечания в большей части случаев очень разрослись, и помещение их сразу же под строкой могло бы оказаться неудобным для некоторой части читателей, так как чтение столь пространных сносок нарушало бы последовательность в восприятии текста статьи. Безусловно трудным было бы в результате этого также и типографское ее оформление. Поэтому я предпочел поместить примечания в конце настоящей работы, хотя сознаю, что для другой части читателей это может оказаться также неудобным. В примечаниях указывается большое количество литературных материалов; считаю, однако, нужным предупредить читателей, что мною учитывалась преимущественно литература последнего пятилетия.

¹ Перечислить здесь работы советских ученых на частные темы, например по вопросу о Пушкине, Л. Толстом, Чехове, Горьком, Маяковском и о других русских писателях в славянских литературах, не представляется просто возможным и целесообразным. Укажу только на многочисленные работы Н. И. Кравцова, А. Л. Григорьева, К. А. Копержинского и других, на ряд изданий Института славяноведения АН СССР («Краткие сообщения», «Литература славянских народов», «Славянский архив» и т. д.). Из специальных работ, посвященных общим обзорам, следует особенно отметить значительную по объему статью Н. И. Кравцова «Русско-югославские литературные связи» в сборнике «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии» (М., 1957, стр. 200—289) с обширной библиографией вопроса. См. также статьи общ исторического характера в «Славянском сборнике» (М., 1947) — М. Н. Тихомирова «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.» (стр. 125—201) и С. К. Богоявленского «Связи между сербами и русскими в XVII—XVIII вв.» (стр. 241—261).

² Из огромного числа общих работ, посвященных данной теме, отмечу только наиболее существенные, вышедшие преимущественно в последние пять лет. а) **Болгария:** В. Велчев и С. Русакиев. Изучаване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години. — «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет», т. LIV, 2, 1959, стр. 87—131; отд. оттиск, София, 1960; Георги Веселинов. Петнадесет години нова филологическа наука. — Там же, стр. XX—XXI; отд. оттиск, София, 1960; В. Велчев. Воздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX век. София, 1958, 115 стр.; С. Русакиев. Традициите на руската советска литература в развитието на българската литература. — Славистичен сборник, т. II, София, 1958, стр. 213—264; Боньо Ст. Ангелов. Материали за проникване на руската книга в България (XV—XVIII в.). — «Известия за 1959 г. Народна библиотека „Васил Коларов“. Библиотека при Софийския държ. университет», т. I (VII), София, 1961, стр. 262—273 (предыдущие работы Б. С. Ангелова см.: В. Велчев и С. Русакиев, ук. соч., стр. 95). б) **Польша:** Marian Jakóbiec. Literatura rosyjska wśród polaków w okresie pozytywizmu. — «Pozytywizm», cz. I, Wrocław, 1950, стр. 259—345; Samuel Fiszman (Warszawa). Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830. — Z polskich studiów slawistycznych. Prace historycznoliterackie na IV Międzynarodowy Kongres slawistów w Moskwie 1958, Warszawa, 1958, стр. 101—120; Marian Jakóbiec (Wrocław). Kluczowe problemy stosunków literackich polsko-rosyjskich w latach trzydziestych-czterdziestych wieku XIX. — Там же стр. 121—143. в) **Чехословакия:** Josef Jirásek. Rusko a my, t. I—IV. Druhé vydání. Praha—Brno, 1946; Jan Jiša. Česko-ruské literární vztahe v minulosti. — «Praha—Moskva», 1955, № 11, стр. 15—28; Andrej Mraz. Z ruskej literatury a jej ohlasov u slovakov. Bratislava, 1955, 213 стр.; E. Panová. Klasické ruské literatura na slovensku od oslobodenia. — «Sovětská literatura», 1955, № 3—4, стр. 303—309; Ján Stanislav. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a L'udevíta Stura. Brati-

slava, 1957, 130 стр.; Ivan Pfaff, Vladimír Zavadský. Tradice československých vztahů v dějinách (Projevy a doklady). Praha, 1958; Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství. Kapitoly z česko-ruských literárních styků do konce 17. století. Praha, 1959, 164 стр. r) **Югославия:** Josip Badalić. 1) Ruski pisci u književnosti hrvatskoga preporoda. — Hrvatsko Kolo (Matica Hrvatska), 1946, стр. 330—376; отд. оттиск с дополнительным текстом, Zagreb, 1946; 2) Русские писатели в литературе хорватского Возрождения. — «Slavia», 1947, ч. XVIII, стр. 316—342; 3) Ruski pisci u hrvatske književnosti. Odrzi i utjecaji. — «Јужнословенски филолог», XXIII кн., 1—4, Београд, 1958, стр. 121—139; Mate Ujević (red.). Bibliografija rasprava, članaka i književnosti radova. I. Nauka o književnosti. A—K. Zagreb, 1956, XIII, 859 стр.; L—Z. 1957, [IV], 771 стр.; Bratko Kreft. Fragmenti o slovenskoruskih stikih. — «Slavisticna revija», 1958, r. 11, стр. 90—108; Радован Лалић. Копитањ у руског утицаја на књижевност српског реализма. — «Летопис Матице Српске», кн. 386, св. 2—3, 1960, стр. 155—166. — Ценный обзор представляет статья А. Л. Григорьева: Изучение русской классической литературы в славянских странах. — «Русская литература», 1958, № 3, стр. 196—214. Ср. также: К. И. Ровда. Литературоведы стран народной демократии о русско-славянских литературных связях. — Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г., М., 1961, стр. 384—387; Л. С. Кишкин. Больше внимания изучению связей славянских литератур. — Там же, стр. 380—384.

³ Начало изучения этих связей было положено несколько раньше. В 1950 г. Ц. Бобиньска опубликовала статью «St. Staszic i A. Radiszczew», в 1953 г. ряд интересных статей был помещен в «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», № 2—3, посвященном 250-летию со дня смерти Радищева (подробнее об этом см. ниже). Работал в этом направлении и покойный проф. Тадеуш Микульский, крупнейший специалист в области польской литературы эпохи Просвещения. Однако все это были только отдельные, от случая к случаю написанные работы. Систематическое изучение проблемы началось, как сказано выше, перед IV Международным съездом славистов. См.: Julian Levański (Warszawa). Związki literackie polsko-ruskie w dziedzinie dramatu wieku XVII i XVIII. — Z polskich studiów slawistycznych. Prace historycznoliterackie na IV Międzynarodowy kongres slawistów w Moskwie 1958. Warszawa, 1958, стр. 63—88; Samuel Fiszman (Warszawa). Z polskorosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830. — Там же, стр. 101—120; П. Н. Берков. 1) Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, 63 стр. (IV Международный съезд славистов. Доклады); 2) Русско-польские литературные связи в XVIII веке. [Сокращенная редакция предыдущей работы]. — Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. Доклады советских ученых к IV Международному съезду славистов. М., 1960, стр. 77—105; Ruszard Łuźny (Kraków). Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII w. — «Slavia orientalis», 1960, № 3, стр. 499—502; O. Spiridowicz. Z problematyki stosunków literackich polsko-rosyjskich w XVIII wieku. — «Język rosyjski», 1960, № 1, стр. 1—6.

⁴ Ср. мою статью «Проблемы изучения межнациональных литературных отношений (литературный обмен, национальные традиции, литературное новаторство и национальная специфика литературы)» — в сб. «Материалы Первой научной сессии, посвященной литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов» (Тбилиси, 1962, стр. 8—22). — Ср. также сборник Института мировой литературы им. Горького: Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г. М., 1961, 439 стр.

⁵ Н. П. Верховский. Тема «мировой литературы» в эстетических взглядах позднего Гете. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1939, серия филологич. наук, вып. 3, стр. 122—150; Fernand

Baldensperger and Werner P. Friedrich. *Bibliography of Comparative Literature*. New York, 1960, стр. 10 (библиография западных работ об отношении Гете к теме «Weltliteratur», 16 работ с 1835 по 1946 г.).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Сочинения, т. IV, 2-е изд., стр. 328; Г. М. Фридендер. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., 1962, стр. 323—332. Из старых работ можно указать книгу А. И. Белецкого: К. Маркс, Ф. Энгельс и история литературы. М., 1934, 116 стр. (I. Мировая литература в сочинениях Маркса и Энгельса; II. Литературная критика и литературная политика Маркса и Энгельса).

⁷ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Сочинения, т. VII, М.—Л., 1926, стр. 212.

^{7a} История изменений понятия «перевод» и методов работы переводчиков хорошо освещена в последнее время в советской литературоведческой науке. Для целей нашей статьи нет необходимости входить в подробности — достаточно иметь в виду два исторически сменявшихся главных типа перевода, охарактеризованные в тексте.

⁸ К. М. Колобова. Разговор М. В. Ломоносова с Анакреоном. — «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 2, стр. 89—99; П. Н. Берков. 1) Ранние русские переводчики Горация (К 2000-летию со дня рождения Горация). — «Известия АН СССР. Отдел. обществ. наук», 1935, № 10, стр. 1039—1056; 2) Литературные интересы Ломоносова. — Литературное творчество М. В. Ломоносова, М.—Л., 1962, стр. 14—68; Г. А. Галиашвили и И. Наследуя идеи великого мыслителя. О роли Ломоносова в развитии грузинской общественной мысли. — «Вечерний Тбилиси», 1961, 20 ноября, № 268, стр. 3.

⁹ Т. О. Рухадзе. Из истории грузинско-русских литературных связей (XVI—XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1962, 41 стр.; Л. С. Шепелева. 1) Из истории русско-грузинских культурных связей в XVIII веке («Ефигения» Давида Чолокашвили). — «XVIII век», сб. 4, М.—Л., 1959, стр. 355—371; 2) Георгий Авалишвили — переводчик Сумарокова. — Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, стр. 353—359.

¹⁰ Русет Оганнисян. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, 1952, стр. 16—17 и 211—214; К. Н. Григорьян. 1) Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII в. — «Известия АН АрмССР», 1953, № 9, стр. 53—74; 2) Русские печатные источники конца XVIII—начала XIX в. об Армении. — Там же, 1955, № 6, стр. 79—94; 3) Из истории русско-армянских литературных отношений X—начала XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1955, 36 стр.

¹¹ P. Van-Tieghem. *La littérature comparée*. Paris, 1931, стр. 152—167 («Les Intermédiaires»). Изд. 3-е (1946) мне было недоступно. Подробную библиографию вопроса см.: F. Baldensperger and W. P. Friedrich. *Bibliography of Comparative Literature*. New York, 1960, стр. 32—54. Здесь рассматривается «посредническая» роль переводчиков, путешественников, политических и религиозных эмигрантов, колонистов, журналистов и газет, университетов, школ, библиотек, ученых, студентов, дипломатов, авторов, пишущих на двух языках, и т. д. В изучении славяно-русских культурных отношений мы сталкиваемся с такими типами «посредников», которые, насколько можно судить по доступным нам материалам, неизвестны в компаративистском литературоведении, а именно правительство и книгопродавцы. В работах по связям балканских славян с русскими постоянно приходится сталкиваться с тем, что приезжавшие в Россию представители православных славян обращались к московским царям с просьбой выдать им потребные для богослужения церковные книги на славянском языке (см. статью С. К. Богоявленского, указан-

ную в прим. 1). В дальнейшем, в конце XVII—начале XVIII в., русское правительство по своей уже инициативе посылало богослужебные книги сербам, как находившимся под австрийским, так и турецким владычеством. Подобные посылки имели не просто благотворительный, но и чисто политический характер, так как способствовали борьбе сербов против политики австрийского правительства, ставившего своею целью окатоличение всего славянского населения империи. В 1728 г. при императоре Карле VI венское правительство запретило ввоз любых книг из России, тем не менее славяне продолжали получать печатные издания на славянском и русском языках. Несколько ранее этого времени крепостные крестьяне помещика Бутурлина из села Палех вели обширный торг иконами со славянами, проживавшими в Турции. И, по-видимому, они торговали также и книгами. Несмотря на запрещение турецких властей, торговля эта продолжалась и в дальнейшем. В дополнение к сведениям, сообщенным в упомянутой выше статье С. К. Богоявленского, можно указать, что в рецензии проф. Н. М. Петровского на книгу П. А. Заболотского «Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, 1. Русская струя в литературе сербского Возрождения» (Варшава, 1908) приведена чрезвычайно интересная и важная выписка из старинной книги, проливающая свет на пути проникновения русских печатных изданий в XVIII в. в Болгарию, Сербию, Карпатскую Украину, Галицию, Молдавию и Валахию и пр. Интересно, что речь здесь идет опять-таки о крестьянах Бутурлина и других соседних помещику («Журнал министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 427—429). Материалы, на которые указал в своей рецензии Н. М. Петровский, позволяют понять казавшийся ранее не совсем ясным и даже правдоподобным факт привоза русских книг «многими подводами» в Закарпатье (ср.: А. Л. Петров. К истории «русских интриг» в Угрии в XVIII в. — Карпаторусский сборник, Ужгород, 1931, стр. 123—136). Сохранились сведения и о том, что предприимчивые книгопродавцы из сербов наладили получение книг из России и в таком количестве, что для них имело смысл даже издать в 1804 г. печатный каталог продаваемых русских книг и журналов. Подробнее об этом см. в статье Н. А. Попова «Заметка о торговле русскими книгами между австрийскими сербами в начале сего столетия» («Русский архив», ч. I, № 2, 1873, стб. 159—163); здесь приведены сведения о «Каталоге разных церковных, молитвенных, исторических и школьных славяно-сербских и славянских (т. е. русских) книг, которые находятся у г. Дамиана Каулицы, книгопродавца в Новом Саде» (В Будине, 1804, 39 стр.). Весьма возможно, если судить по составу книжного ассортимента у Каулицы, он получал книги из Москвы от Н. И. Новикова. Продажа русских изданий в Новом Саде продолжалась до 20-х годов XIX в. (см.: В. А. Францев. Державин у славян. Прага, 1925, стр. 53). Дополнительные сведения по этому вопросу см.: Др. Мита Костић. Рускосерпска књижевна трговина Терезијанског доба. — «Извештај српске прав. велике гимназије Карловачке за школ. годину 1911/12». Књига 53, година 60, Карловцы, 1912, стр. 1—18; Ј. Скерлић. Историја нове српске књижевности. Изд. потпуно. Београд, 1914, стр. 133; Евгений Недзельский. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932, стр. 81—82.

¹² А. А. Кочубинский. 1) Сношение России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872 (отд. оттиск из «Чтений в имп. Московск. общ. истории и древностей российских», 1872, кн. 2, стр. 1—98); 2) Сношения румынов и юго-славян при Петре. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1872, ч. 162, июль, стр. 52—140; С. К. Богоявленский. Из русско-сербских отношений при Петре Первом. — «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 19—41; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. Под ред. Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко, М., 1954, стр. 529—530.

¹³ Об этой книге см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1955, стр. 384—386.—Книга Л. Рави (L. Rava. Mauro Orbini. 1913) осталась мне недоступна. Литература о Мауро Орбини на русском языке невелика: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 331—332; В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867, стр. 97—100; А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. СПб., 1879, стр. 187; И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 9; Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 43 (1897), стр. 91; Новый энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 29 (1916), стлб. 609.—Ср. также: М. Решетар. Орбини Мавар. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, III књига. Н.—Р. Загреб, 1928, стр. 212; Arturo Gronia. Il «Regno degli slavi» di Mauro Orbini (1601) e la «Istoria slavenobolgarskaja» del monaco Paisi (1762).—«Bulgaria», I, n. 1—2, 1939, стр. 45—48; п. 3, стр. 138—152; отд. изд.: Roma, 1940; Arturo Gronia. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Bilancio bibliografico di un millennio. Padova, 1950, стр. 228—230 (с небольшой библиографией).

¹⁴ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 577.

¹⁵ Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1955, стр. 384. О Савве Лукиче Владиславиче—Рагузинском см.: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 252—255; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. Изд. 3-е, «Общественная польза». СПб., б. г., см. по «Указателю к Истории России с древнейших времен Сергея Михайловича Соловьева» (составил С. М. Соловьев. СПб., б. г., стлб. 429—430). Письмо Петра I о переводе книги Орбини С. Л. Владиславичем—Рагузинским приведено (в отрывке) в «Истории России» С. М. Соловьева (кн. II, стлб. 802).

¹⁶ И. А. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 30, прим. 4.

¹⁷ Полное заглавие: «Деяния церковная и гражданская от рождества господа нашего Иисуса Христа. Из летописи Кесаря Барония собранная, переведенная с польского языка на славенски, кроме явных с церковию православную восточную противностей римских у Барония и Скарги обретающихся, повелением же его царского пресветлого величества всероссийского Петра Первого напечатанная. В царствующем граде Москве, первое: лета господня 1719». Подробнее об этом издании см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958, стр. 208—211; П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 327—328; т. II, стр. 446—447.

¹⁸ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 105.

¹⁹ Проф. Петър Динев. Възрожденски писатели. София, 1962, стр. 31.

²⁰ Велчо Велчев. Отец Паисий Хилендарски и Цезарь Бароний. Принос към изследване изворите на пансиевата история. София, 1943; A. Gronia. Il «Regno degli slavi» di Mauro Orbini (1601) e la «Istoria slavenobolgarskaja» del monaco Paisi (1762).—«Bulgaria» (Roma), 1939, I, n. 1—2, стр. 45—48; п. 3, стр. 138—152; R. Picchio. Gli annali del Baronio—Skarga e la Storia di Paisij Hilendarski.—«Ricerche slavistiche», t. III, 1954, стр. 211—233; R. Picchio. La «Istoriija slavenobolgarskaja» sullo sfondo linguistico-culturale della Slavia ortodossa. Roma, 1958, 16 стр. (Associazione

italiana di filologia slava. Comunicazioni al IV congresso internazionale degli slavisti. Mosca, Settembre, 1958).

²¹ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 204.

²² И. В. Ягич в «Истории славянской филологии» (стр. 184) указывает как дату завершения работы И. Раича 1768 г.

²³ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1879, стр. 205.

²⁴ Основной материал см.: П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. I, 1. Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908, 431 стр. Эта книга вызвала разные нападки со стороны Н. М. Петровского (см. его рецензию в «Журнале Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 417—437) и В. Н. Перетца («Известия Отделения русского языка и словесности», т. XIV, кн. 4, 1909, стр. 282—304; отд. отт.: Новый труд о сербско-русских литературных отношениях. СПб., 1910, 23 стр.). Ср. ответ П. А. Заболотского: К вопросу о русской струе в литературе сербского возрождения. (Ответ на рецензию проф. В. Н. Перетца). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XV, кн. 3, 1910, стр. 229—269. Хотя рецензенты во многом были правы, но все же нельзя не согласиться с оценкой, данной книге П. А. Заболотского проф. В. А. Францевым, как исследованию, которое «заключает весьма интересный и обильный материал для характеристики русско-сербских литературных отношений первой половины XIX ст.» (В. А. Францев. Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1925, стр. 54). Можно только прибавить — и для характеристики русско-сербских отношений в XVIII в.

²⁵ П. А. Кулаковский. Начало русской школы сербов в XVIII в. Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 246—311; кн. 3, стр. 190—297; отд. отт., СПб., 1903. Очень ценна анонимная статья «Суворов, Максим Терентьевич» в «Русском биографическом словаре» («Суворова—Ткачев», СПб., 1912, стр. 94—96), не привлекавшая внимания исследователей и содержащая дополнительные сведения об одном из крупнейших деятелей русской школы в Сербии. Ср. о нем также в рецензии Н. М. Петровского («Журнал Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 428) и в статье С. К. Богоявленского «Связи между сербами и русскими в XVII—XVIII вв.» («Славянский сборник», М., 1947, стр. 254—257). В книге 49 «Споменика Српске краљевске Академије» (1910) напечатаны Письма Максима Суворова (стр. 74—95; 103—115).

²⁶ В. И. Григорович. Об участии сербов в наших общественных отношениях. Одесса, 1876; Н. И. Петров. 1) Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе. Киев, 1876; 2) Воспитанники Киевской академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721—1762 гг.). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IX, кн. 2, 1904, стр. 227—255; А. С. Воронов. Ф. И. Янкович де Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858, 168 стр.; анонимная статья «Янкович де Мириево, Федор Иванович» в «Русском биографическом словаре» («Яблоновский—Фомин»; СПб., 1913, стр. 135—139); Большая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. 49, 1957, стр. 567—568; Josef Matl. Die Leistungen der thesianisch-josefinischen Schulreform für den Kulturfortschritt der Südslaven. — «Österreich in Geschichte und Literatur. Sonderheft—200 Jahre Österreichische Unterrichtsverwaltung», Wien, 1960, стр. 20—21.

²⁷ См. указанную в прим. 24 книгу П. А. Заболотского и рецензии на нее Н. М. Петровского и В. Н. Перетца, а также рецензии, перечисленные

в ответе П. А. Заболотского. — Полезны также следующие труды: М. Н. Сперанский. 1) Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. — «Русский филологический вестник», 1896, № 3—4, стр. 193—223; отд. отт., Варшава, 1896, 31 стр.; 2) К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства). — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXVI, 1921, стр. 143—206; 3) К вопросу о русском влиянии в сербской литературе XVIII в. — Труды Института славяноведения, т. II, 1934, стр. 27—33; J. Скерлић. Историја нове српске књижевности. Београд, 1914, стр. 37—40 («Руско-словенски писци. I. Руски утицаји код Срба у XVIII веку»); Јаша Продановић. Утицаји руске књижевности на српску књижевност (у XVIII и XIX в.). — «Живот и рад», 1940, т. XXX, стр. 32—39 и 129—135. Последняя работа была мне недоступна. Ср. также упомянутую в прим. 1 статью Н. И. Кравцова.

²⁸ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III. Очерк словесности белорусского племени. З. Художественная литература на народном языке. Пгр., 1922, стр. 3—4; М. К. Дабрынін. Белоруская літаратура. Старажытны перыяд. Мінск, 1952, стр. 300; Віталі Вольскі. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры эпохі феадалізма. Мінск, 1958, стр. 157—159 («Заняпад кніжнай культуры у XVIII стагоддзі»).

²⁹ Л. Ф. Стеценко. Українська література в боротьбі за воз'єднання і зміцнення дружби України з Росією. — «Єднання братніх літератур». Київ, 1954, стр. 18—21; Ф. Я. Шолом. 1) Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття. I. Сатири А. Д. Кантеміра та українські сатиричні вірші XVIII століття. II. Шоста сатира А. Д. Кантеміра «На состоянні віка (свѣта) сего. К солнуу» за новознайденим київським списком середини XVIII століття». — «Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка», т. XI, вип. IX, Філологічний збірник, № 4, Київ, 1952, стр. 125—151; 2) Російсько-українські літературні зв'язки після воз'єднання України з Росією в 1654 році. Нариси з історії російсько-українського літературного єднання у другій половині XVII—XVIII ст. — «Наукові записки...», т. XIII, вип. II. Збірник Філологічного факультету, № 5, Київ, 1954, стр. 27—60; 3) Общественно-политическая поэзия XVIII века на Украине. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1950, 16 стр.; ср. также: сб. «Російсько-українське літературне єднання. Збірник статей за загальною редакцією О. І. Білецького та М. К. Гудзія», Вип. перший, Київ, 1954, 461 стр., Н. Є. Крутікова. Російсько-українські літературні зв'язки та їх значення для української літератури XIX століття — «Доповіді наукової сесії Інституту української літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії наук Української РСР (17—22 червня 1950 р.)», Київ, 1950, стр. 107—126; Н. Е. Крутікова. Литературные связи русского и украинского народов. Материалы в помощь учителю. М., 1954, 52 стр.; С. Ф. Елеонский. Из истории русско-украинских отношений в русской литературе XVIII—первой половины XIX вв. — «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. XLVIII, вып. 5, 1955, стр. 47—80.

³⁰ D. S uzěv'skij. Literarische Lesefrüchte. V, 44. V. Karpnit and Skovododa. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1937, H. 3—4, стр. 337—346.

³¹ П. В. Линтур. Ломоносов и традиции русского классицизма в литературе Закарпаття XIX ст. — «Доклады и сообщения, посвященные 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Серия филологическая, № 8», Ужгород, 1962, стр. 33 (Ужгородський держ. університет).

³² В. Л. Микитась. Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, 95 стр. (Ужгородський держ. університет. Бібліотека).

³³ V. Jagić. Ruska književnost u osmaestom stoljecu. Zagreb, 1895, 281 стр.

³⁴ Рассмотрение этого круга материалов целесообразно начать с предисловия к «Лексикону трехязычному» Федора Поликарпова (М., 1704). Объясняя читателям построение своего славяно-греко-латинского словаря и напомнив, что, по преданию, на кресте, на котором якобы был распят Иисус Христос, была надпись на трех языках — древнееврейском, греческом и латинском, — предопределившая мировое значение этих трех языков, Федор Поликарпов продолжал: «Два убо языка, сиречь греческий и латинский, сами собою суть креста Христова начертания. Вместо же языка еврейского наш предпоставихом славенский, яко поистине отца многих языков благоплоднейша. Понеже от него аки от источника неисчерпаема, прочним многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссиискому и иным множайшим всем есть явно. Не малую же и отсюда наш язык славенский имеет почесть, яко начало восприял от самыя Славы. Ибо еже греком есть *δοξα*, латином *gloria*, сие нам есть слава. Отнюду же чрез имене производство от славы, славенский и род, и язык преславное свое начало восприяша. Тем же убо, юже древле божественное писание воспе похвалу Вифлеемскому граду: И ты (рече) Вифлееме, земле Иудова ничим же менши еси в владыках Иудовых, тую похвалу, мало нечто измениши, о языке нашем славенском, славе соименитом, можем проповедати: И ты, роде и языке славенский, ничим же менши еси в начальных родех и языцех. Сей убо язык наш славы Сына или паче рещи Отца...». Далее необходимо привлечь материалы из всех русских трудов XVIII в. по истории России (в особенности Татищев, Ломоносов, Ф. Эмин, Елагин), где говорится о генеалогии русских славян. В этой связи специальный интерес приобретает статья в «Новом санктпетербургском вестнике» «Перечень [конспект] письма г. Говеля и грамота Александра Великого, данная славянам» (1786, кн. II, стр. 145—146). О грамоте Александра Македонского славянам см.: F. Pfister. Das Privilegium Slavicum Alexanders des Großen. — «Zeitschrift für Slawistik», В. VI, Н. 3, 1961, стр. 323—345. Имеют значение и географические представления русских людей XVIII в. о западных и южных славянах, а также данные о знании в России языков западных и южных славян. О славянской тематике в русской журналистике XVIII в. см.: А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому розысканию о них. СПб., 1898 (под словами: «Славяне», стр. 627; «Язык», стр. 797; «Народы», стр. 422; «Богемия», стр. 58; «Польша», стр. 510—512, и т. д.).

³⁵ Очень существенную помощь могут оказать в этом отношении библиографические работы, к сожалению немногочисленные, о переводах на разные славянские языки с других языков, в том числе и с русского, включая переводы произведений XVIII в. Укажу некоторые библиографии подобного рода. **Болгария:** Маньо Ст. Манев. Руската книга в България до Освобождението. — «Известия за 1953 г. Държавна библиотека „Васил Коларов“. Юбилеен сборник». София, 1955, стр. 193—219. Существующие в литературе указания, будто в Кишиневе в 1895 г. была напечатана работа П. Д. Драганова «Русские ученые, писатели и публицисты в болгарском переводе с возникновения новоболгарской литературы до нашего времени» (см.: Новый сборник по славяноведению. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905, Приложение, стр. XLIV; В. А. Францев. Державин у славян. Прага, 1925, стр. 67), не верны: очевидно, работа П. Д. Драганова не была напечатана — ее нет ни в одной ленинградской библиотеке, не упомянута она и в «Списке изданий, вышедших в России» в 1894—1896 гг.; ср. об этом в моей книге: Библиографическая эвристика. (К теории и методике библиографических разысканий). М., 1960, стр. 103; **Чехословакия:** Josef Večeka a druhí. Slavica v české řeči. I. České překlady ze slovanských jazyků do r. 1860. Praha, 1955, стр. 83—112 (переводы с русского учтены: Державин,

стр. 87; Херасков, стр. 90; Кантемир, стр. 92; Карамзин, стр. 92—94; Ломоносов, стр. 97. Ряд переводов учтен в качестве анонимных; возможно, что среди них есть и переводы произведений XVIII в., например «Rajský pták», стр. 105, № 1774, может быть «Райская птичка» Карамзина); *So čist z literatur slovanských?* Praha, 1957, стр. 49 (Радищев); N. Andrić. *Prijevodna beletristika u Srbâ od god 1777—1847*. Književna studija, Zagreb, 1892; для более позднего времени см.: Доц. Г. Чу и ч. Русская литература на сербском языке. (Отдельный оттиск из «Трудов Воронежского гос. университета», т. III, 1926). Воронеж, 1926, 25 стр. (учтены: Фонвизин. Всеобщая придворная грамматика, стр. 6; Карамзин. Марфа-посадница, стр. 8). П. А. Заболотский в не раз называвшихся выше «Очерках русского влияния в славянских литературах нового времени» указывает, что в сербской литературе конца XVIII и первой половины XIX в. ему не удалось найти ни переводов, ни упоминаний передовых русских писателей XVIII в. — Кантемира, Радищева, Новикова (стр. 376—377). В рецензии на книгу Заболотского В. Н. Перетц, опираясь на данные «Каталога рукописей и старопечатных книг Сербской академии наук» Л. Стояновича, отметил, что сохранился список «Сатир» Кантемира, сделанный Й. Раичем (Новый труд о сербско-русских литературных отношениях. СПб., 1910, стр. 11). Желательно было бы выяснить, с какого текста была сделана эта копия, если она сохранилась. О знакомстве сербских читателей с Новиковым — по крайней мере с его «Опытом исторического словаря о российских писателях» — см. следующее примечание. Кроме того, о связях сербского книгопродавца Д. Каулици с Новиковым см. выше, прим. 11.

В «Каталоге» Каулици отмечены «Живописец» Новикова и другие его издания. — Полезный материал содержится в несколько раз цитировавшейся книге В. А. Францева «Державин у славян» (Прага, 1925). Отмечу, что на стр. 15 В. А. Францев упоминает «некоего Литынского» и прибавляет, что «о нем мы, к сожалению, не имеем никаких других сведений». Тад. Н. Литынский принадлежит пять томов «Pisma góžne wierszem i prozą» (Wilno, 1808—1817), где есть ряд переводов с русского. — Необходимо пересмотреть истории славянских литератур и выбрать (хотя бы по указателю имен) все упоминания о встречающихся в славянских литературах переводах, подражаниях, переделках и т. д. произведений русских писателей XVIII в. См., например, у Пыпина и Спасовича и у Скерлица о переводе «Нумы Помпилия» Хераскова Г. Терлаичем, у Е. Недзельского упоминания о Фонвизине в связи с комедией И. И. Даниловича «Семейное празднество» и т. д. Нельзя забывать и того, что многие переводы, сделанные на славянские языки якобы с европейских, на самом деле являлись переработками русских переводов.

³⁶ П. А. Заболотский в «Очерках русского влияния в славянских литературах нового времени» приводит любопытные сведения о том, что сербский литератор П. Стаматович «почти буквально» перевел державинскую «Оду на смерть князя Мещерского» и, несколько видоизменив текст, напечатал как «Плач на смерть преосвященного г. Иосифа Путника» на страницах своего альманаха «Сербская пчела» (1832, стр. 145, прим. 2). Подробнее см. об этом в книге В. Францева «Державин у славян» (стр. 60—61). На стр. 282—283 П. А. Заболотский указывает, что другой сербский литератор Н. Шимич также совершил плагиат, напечатав ломоносовский «Псалом 26. Утешение благочестивого человека» как собственное произведение под заглавием: «У Турецкой Сербіаномъ утѣшеніе по XXVI псалму Н. Шимичемъ предложенное». Наконец, в рецензии на книгу П. А. Заболотского Н. М. Петровский приводит установленный им самим факт «обработок сербами русских стихотворений»: «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина», помещенные в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и, по всей вероятности, им и сочиненные, были переделаны в 1800 г. каким-то сербским автором в стихотворение «В память Петра, епископа Темишварского» («Жур-

нал Министерства народного просвещения», 1909, февраль, отд. 2, стр. 431—432).

³⁷ Работы проф. И. Бадалича по истории русского театра XVIII в.: *Spomenici ruske drame XVIII vijeka u zagrebačkoj sveučilišnoj knjižnici*. — *Ljetopis Jugoslavenske akademije znanostii i umjetnosti u Zagrebu za god 1922*, Zagreb, 1923, sv. 37, стр. 85—95; *Iz ruske dramatikke epohe Petra Velikoga «Strašnoje izobrazjenje...»* — «Споменик Српске Академије наука», кн. 62, 1925, стр. 1—61; Русские интерлюдии первой половины XVIII века. — «Slavia», IV, сеѣ. 3, 1925, стр. 523—537; Об одном драматическом памятнике Петровского времени. Акт или действие о Петре Златых Ключах. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXXI, 1926, стр. 231—266; Споменици руске школске драме Јеласаветинскога времена. — «Споменик Српској АН», кн. 67, 1927, стр. 7—57; *Dvije sumarokovljeve tragedije u rukopisima Zagrebačke sveučilišne knjižnice. Dve tragedije Sumarokova среди рукописей Университетской библиотеки в Загребе*. — *Zbornik radova. Filozofski fakultet. Sveučilište u Zagrebu*, Knjiga I, God. 1951, стр. 287—310; Комическая опера «Матросские шутки» и ее автор. — «XVIII век», сб. 4, 1959, стр. 422—425. (Совместно с П. Н. Берковым).

³⁸ Руска литература в образци и очерки, ч. II, XVIII век. София, 1955, 457 стр. (Литографир. издание).

³⁹ Евдокии Метевой принадлежит «специальная и обширная работа о проникновении и воздействии Фонвизина в Болгарии (В. Велчев и С. Русакиев. Изучване на руско-българските литературни връзки за петнадесет години. Отделен отпечатък, София, 1960, стр. 97). Называется работа «Фонвизин у нас». Опубликована она в 1958 г.

⁴⁰ *Nieznane polonicum Radiszczewa*. — *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*, t. LI, № 1, 1950, стр. 21; также в журнале: «Pamiętnik Słowiański», t. II, 1950, стр. 121—126. — *Alexander Radiszczew. Podróż z Petersburga do Moskwy (Wybór)*. Przełożył Seweryn Pollak. Opracował i wstępem opatrzył Wiktor Jakubowski. «Księżka i Wiedza», Warszawa, 1951; *Alexander Radiczczew*. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 13—25; *Alexander Radiszczew. Podróż z Petersburga do Moskwy*. Przełożył Seweryn Pollak. Opracował Wiktor Jakubowski, Professor Uniw. Jagiell. Wrocław, 1954, CXIII, 289 стр. (стр. CIII—CIX: V. Radiszczew w Polsce). *Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część pierwsza. 1700—1760. Teksty*. Warszawa, 1954, 113 стр.; *Przypisy*, 76 стр.; *Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część druga. 1760—1800. Teksty*. Warszawa, 1957, 194 стр.; *Przypisy*, 100 стр.; *Antologia literatury rosyjskiej XVIII wieku. Część trzecia*. Warszawa, 1959, *Teksty*, 258 стр.; *Przypisy*, 108 стр.

⁴¹ *Z polsko-rosyjskich stosunków literackich w okresie 1800—1830 r.* — «Z polskich studiów slawistycznych», t. II, Warszawa, 1958, стр. 101—120; *Zoriana Dołęgi-Chodakowskiego «Notacje o Łomonosowie»*. — «Slavia orientalis», 1962, № 2, стр. 153—158.

⁴² *Kilka sądów polskich o Radiszczewie*. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 40—51.

⁴³ *O języku Radiszczewa*. — «Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego», 1953, № 2—3, стр. 52—58.

⁴⁴ «Historia» Ignacego Krasickiego po rosyjsku (Z dziejów powiązań kulturalnych polsko-rosyjskich okresu Oświecenia). — «Slavia orientalis», 1960, № 2, стр. 329—342; *Uwagi o kontaktach kulturalnych polsko-rosyjskich w XVIII st.* — «Slavia orientalis», 1960, № 3, стр. 499—502; *Monografia «Jabiedy» Kapnisty*. — «Slavia orientalis», 1960, № 4, стр. 155—160. — *Rosyjskie czasopiśmiennictwo satyryczne XVIII w. (Wybór źródeł)*. Przełożył i opracował Ryszard Łużny. Wrocław—Kraków, 1960, CLX, 347 стр. (Biblioteka narodowa, Seria II, № 120). — *Z badań nad rosyjskim czasopiśmiennictwem satyrycznym okresu Oświecenia*. Warszawa—Kraków, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1962, 163 стр.

⁴⁵ Łomonosow w Polsce. — «Slavia orientalis», 1962, № 2, стр. 159—182.

⁴⁶ Związki literackie polsko-ruskie w dziedzinie dramatu wieku XVII XVIII. — «Z polskich studiów slawistycznych». Warszawa, 1958, стр. 63—88.

⁴⁷ St. Staszic i A. Radiszczew wobec kwestii społeczno-gospodarczych (Próba porównania historycznego). — «Przegląd historyczny», t. XL, Warszawa, 1950 стр. 210—252.

⁴⁸ Перу Паулины Левин принадлежит ряд содержательных рецензий и отчетов, связанных с историей русско-польских литературных отношений с древнейших времен и до XVIII в. включительно; они печатаются в «Slavia orientalis» и в «Pamiętniki literackim».

⁴⁹ K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzájemnosti u 18 a na počátku 19. století. — «Historický časopis», 1960, № 2—3, стр. 238—242. Ср. там же: Anna Horáková-Gašparíková. Poznámka o slavensko-ruských vztáchoch v 18. stor. (стр. 242—243). Обе статьи представляют собой выступления авторов по докладу Яна Тибенского (Ján Tibenskij). Predstavy o slovanstve na Slovensku v 17. a 18. storočí, там же, стр. 198—224). Как материал для истории словацко-русских литературных отношений укажу факт, насколько мне известно, не учтенный исследователями. В журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1773, ч. II, лист 4) помещена «Надпись к реке Волге, сочиненная в Вене на латинском языке г. Колларом, библиотекарем книгохранительницы цесарской, 1772» (см.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. ст. и комментарии П. Н. Беркова, М.—Л., 1951, стр. 392; прим., стр. 579). Речь идет о словацком просветителе Франтишке Адаме Колларе (1718—1783), о котором известно, что в его библиотеке был произведение Ломоносова на русском языке (Ján Mišianik, Josef Minárik, Milena Michalcová, Andrej Melicherčík. Dejiny staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1958, стр. 263—266); из более ранней литературы о Ф. А. Колларе см.: Dr. Constant v. Wurzbach. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, XII. Th. Wien, 1864, стр. 324—325. Вурдбах считает Коллара не то венгром, не то немцем. — В своем выступлении Я. Вавра правильно обратил внимание на отношение славянских ученых XVIII в. к Петербургской Академии наук. Следовало бы вообще поставить вопрос о роли нашей Академии наук в развитии русско-славянских литературных и научных контактов в XVIII в. Попутно отмечу, что в Архиве АН СССР имеются письма Матея Беля (см. статью Е. С. Кулябко в настоящем сборнике, стр. 168—171).

⁵⁰ Ruský «Roman ve veršich» XVIII století. — «Československá rusistika», 1959, № 1, стр. 1—14 и 64; Ruský zdroj monologické románové formy (M. D. Čulkov). Praha, 1961, 123 стр. и 4 табл. (Rozpravy Československé Akademie věd, 1961, seš. 1, r. 71).

⁵¹ M. D. Čulkow — předchůdce Herderův na Rusi (Nástin života a tvorby). — Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací, Praha, 1958, стр. 428—440; Lidová pohádka v ruském vývoji literárním. Praha, 1960, 150 стр. (Spisy university v Brně. Filosofická fakulta, svazek 69).

⁵² Satirik Antioch Kantemir. — Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací, Praha, 1958, стр. 88—99.

⁵³ Zycie Ignacego Bykowskiego. — «Pamiętnik literacki», 1950, № 3—4, стр. 1045—1071; также в кн.: Ze studiów nad Oświeceniem. Zagadnienia i fakty. Warszawa, 1956, стр. 463—503. — Dodatek z korespondencji Bykowskiego. — Ze studiów nad Oświeceniem. Zagadnienia i fakty. Warszawa, 1956, стр. 504—516.

⁵⁴ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I. Прага, 1935, XVI, 527 стр.; Vliv staré české literatury v oblasti ruské. — Co daly naši země Evropě a lidstvu? Praha, 1939, стр. 136—143; Чешские элементы в старорусской литературной традиции. (Тезисы). — «Саопштења и реферати [III конгресса сла-

вистов]». Београд, 1939, стр. 100—102; К вопросу о чешском элементе в развитии русского театра. — «Slavia», 1940, seš. 4, стр. 549—557; Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. II. Прага, 1947, VIII, 548 стр.; Чехи и восточные славяне в X—XVIII веках. Автореферат. — «Вопросы истории», 1947, № 8, стр. 66—73; Чешские струи в истории русского литературного развития. — Славянская филология. Сборник статей, III, М., 1958, стр. 211—251. — Для истории русско-закарпатско-украинских культурных отношений большое значение имеют статьи А. В. Флоровского: «Карпаторосс И. А. Зейкан — наставник императора Петра II-го» (Карпаторусский сборник, Ужгород, 1930; отд. отт., Ужгород, 1930, 11 стр.) и печатающаяся в настоящем сборнике «И. А. Зейкан — педагог из Закарпатья».

⁵⁵ Г. Френкель-Конрат. Вирусы — на границе живого и мертвого. — «Техника молодежи», 1961, № 11, стр. 18.

И. Э. СЕРМАН

**М. В. ЛОМОНОСОВ, Г. С. СКОВОРОДА И БОРЬБА
НАПРАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРАХ XVIII в.**

В украинской литературе XVIII в. нет более значительного писателя, чем Григорий Савич Сковорода, оригинальный мыслитель и талантливый поэт, в деятельности которого осуществился переход от словесности, связанной еще с бурсой и церковностью, к литературе общенациональной, к свободному философствованию и вольному поэтическому творчеству. Именно потому, что так интересна роль Григория Сковороды в создании новой украинской литературы, было бы очень важно изучить его отношения к русской литературе XVIII в., к борьбе направлений в ней и тем самым хотя бы предварительно установить характер соотношений между литературным развитием Украины XVII—первой половины XVIII в., итоги которому подвел Григорий Сковорода, и тем же периодом развития русской литературы, с наибольшей полнотой и художественной силой выразившимся в поэзии Ломоносова. Такое сравнительное изучение двух родственных и связанных иногда очень тесными отношениями литератур может оказаться плодотворным и для понимания специфичности развития каждой из них.

Разумеется, изучение русско-украинских отношений, связей, синхронных явлений в масштабе всего периода — дело длительного времени. В данной работе нам хотелось подойти к этой проблеме с той стороны, с какой ею меньше всего занимались (особенно для литературы XVIII в.), — с точки зрения формирования и судеб творческих направлений в обеих литературах, их связи и взаимообусловленности.

1

Русско-украинские литературные отношения в XVIII в. изучены с разной степенью полноты.

Обстоятельнее всего исследована та эпоха русско-украинского литературного общения, когда в силу исторически сложившихся условий целые поколения украинских писателей и публицистов приняли деятельное и непосредственное участие в строительстве общерусской культуры, а некоторые из них, как Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский, оказались в самой гуще борьбы за создание новой русской культуры и литературы. Их биография, как правило, делится на два периода — украинский и общерусский, между которыми сохраняется только внешняя связь.

Будучи в большинстве своем церковными иерархами и высокоучеными богословами, украинские деятели конца XVII—первой половины XVIII в. вносили, однако, в русскую культуру различные идеологические веяния.

Уже в творчестве Симеона Полоцкого появляются гуманистические мысли и робко заявляет о себе идея терпимости. В Петровскую эпоху те из них, кто в наибольшей степени проникся идеями «просвещенного абсолютизма», склоняются к различным формам философского рационализма, с опорой на протестантское богословие и картезианскую методологию. Позднее, во второй четверти XVIII в., через питомцев Киево-Могилянской академии в Московскую славяно-греко-латинскую академию проникают идеи вольфианства, привнесенные молодыми преподавателями в конце 1740-х годов. Как утверждал Н. Петров: «То, чего недоставало в философском курсе Г. Конисского или засорено схоластическим сметьем, Сковорода мог узнать от молодых киевских ученых, закончивших свое образование за границей и познакомившихся здесь с новыми системами и методами преподавания наук, именно В. Лашевского и особенно Д. Нащинского. Последний является учителем грамматики в Киевской академии в 1747/8 учебном году, когда Сковорода, вероятно, учился в школе риторики».¹

Таким образом, украинское влияние, вернее — украинское посредничество, могло способствовать прогрессу философского образования и русской философской мысли в первой половине XVIII в.

Порфирий Крайский, у которого слушал и записывал риторику Ломоносов в 1733/34 учебном году, знаком был если не с деизмом, то, во всяком случае, с элементами этой философской методологии, с помощью которой при достаточной последовательности и смелости мысли можно было прийти и к деизму.

Конечно, все это не только было облечено в традиционную оболочку православной богословской «науки», но и не побуждало к выходу за ее пределы — на широкие просторы социологической или эстетической мысли эпохи. Поэтому и Третьяковскому и Ло-

¹ Н. Петров. Первый (малороссийский) период жизни и научно-философского развития Григория Савича Сковороды. — «Труды Киевской духовной академии», 1902, № 11, стр. 612.

моносову оказалось необходимым более непосредственное сближение с передовой идеологией эпохи, чем то, какое им было доступно в стенах академии, через посредство украинцев-преподавателей.

С украинским влиянием исследователи связывают и появление в эту эпоху в русской литературе тех явлений, к которым они не очень охотно применяют вызывающий столько споров термин «барокко». «Стихи Симеона Полоцкого, — писал А. И. Белецкий, — наиболее яркое и полноценное выражение школьного „барокко“ в русской литературе XVII в. В его стихах налицо все характерные признаки этого стиля: аллегоризм, интерес к греко-римской мифологии, большое развитие разных стилистических „украшений“, имеющих чисто орнаментальное назначение, нарочито-затрудненная речь в результате необычной расстановки слов и т. п.»² В работах последних лет³ эпитет «школьный» уже к термину «барокко» не применяется. Д. С. Лихачев считает, что термин «барокко» к русской литературе может быть применен только с очень большими оговорками. Он полагает, что в «высокой» литературе XVII в. «определяется свой стиль изображения человека — стиль, который не совсем точно принято называть „стилем барокко“. Неточность этого определения объясняется тем, что барокко в России не имело тех социальных корней, которые оно имело на Западе. Речь может идти только о некотором сходстве форм, отчасти заимствованных, при решительном различии в содержании. То, что принято называть барокко, в России в известной мере продолжало „высокие“ стили предшествующей литературы, развивало их формы, вносило в них отдельные новые элементы, отчасти привнесенные с Запада непосредственно, а также через Украину и Белоруссию».⁴

Таким образом, поэзия Полоцкого и его учеников (Сильвестра Медведева, Кариона Истомина) все-таки входит в сферу воздействия стилевых принципов барокко, хотя вопреки мнению И. П. Еремина Д. С. Лихачев считает, что нового в так называемом русском барокко очень немного и оно является лишь «продолжением» тех форм витийственного стиля, какие существовали ранее в русской литературе.

Среди советских исследователей украинской литературы преобладает осторожное, скептическое отношение к проблеме барокко.

² История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 345.

³ И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VI, 1948, стр. 137; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 162—167.

⁴ Там же, стр. 162.

А. П. Белецкий⁵ в одной из последних своих работ, полемизируя с Чижевским, присоединился к точке зрения П. Н. Беркова, который в ходе дискуссии перед IV Международным съездом славистов писал: «Сомнительно, объясняет ли термин „барокко“ всю сложность явлений украинской литературы XVII—XVIII вв.»⁶

В своих критических замечаниях П. Н. Берков безусловно прав в одном: нельзя, как он пишет, подводить под термин «барокко» «факты различного общественно-политического, идейно-эстетического, стилистико-языкового порядка. Применение одного и того же термина к явлениям разного национального, исторического и социального происхождения с неизбежностью ослабляет интерес к специфическим особенностям этих литературных явлений и сосредоточивает внимание на якобы общих моментах, которые не всегда представляют результат одних и тех же условий развития».⁷ А именно так смотрит Чижевский на украинскую литературу XVII—XVIII вв., «подводя» все ее разнообразные и во многом несходные явления под термин «барокко».⁸

Следует ли из такого неразборчивого отношения к специфике украинской литературы, что в ней совсем не было явлений барочного стиля?

И. П. Еремин думает, что «Барокко в странах восточнославянских — важный и несомненно прогрессивный этап литературного развития. Направление это ускорило здесь процесс становления „новой“ литературы, обогатило литературу новыми темами, сюжетами, способами художественного изображения, привило ей новые, ранее неизвестные жанры и виды художественного творчества — поэзию и драматургию... На Украине и в Белоруссии направление это дожило до конца XVIII в., вплоть до того момента, когда на рубеже XVIII—XIX вв. здесь стала формироваться национальная литература на народном языке».⁹

Нам кажется, что суждения И. П. Еремина наиболее конкретны и направлены именно на изучение национальной специфики украинской литературы XVII—XVIII вв., где одним из характернейших проявлений этой специфики было длительное существование и интенсивное развитие барочных форм и жанров.

Сравнительное изучение русской и украинской литератур данной эпохи может способствовать решению ряда спорных или

⁵ О. І. Білецький. Сучасний стан і проблеми вивчення давньої української літератури. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. «Радянська школа», Київ, 1959, стр. 57—59.

⁶ Сборник ответов на вопросы по литературоведению, посвященный IV Международному съезду славистов. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 84.

⁷ Там же, стр. 83.

⁸ См. раздел «Барокко» в кн.: Д. Чижевський. Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956, стр. 248—318.

⁹ Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 84—85.

невьясненных вопросов, среди которых проблема барокко в последнее время приобрела особый интерес именно потому, что правильный, исторически обоснованный подход к ней может облегчить постижение существа и своеобразия развития художественного сознания в обеих литературах — и русской, и украинской.

Осторожность, с которой Д. С. Лихачев высказывает свое отношение к правомерности употребления термина «барокко» к русской литературе, понятна и естественна.

В европейском литературоведении за последние годы появилось стремление подвести под понятие «барокко» все этапы развития культуры человечества от Возрождения до романтизма.¹⁰

«Барокко» превращается в некое универсальное определение, поглощающее совершенно даже такую, казалось бы, устойчивую историко-литературную категорию, как классицизм. В результате такого неправомерного расширения хронологических рамок существования и развития барокко его конкретная, исторически определяемая сущность, его художественно-стилевая специфика исчезает, растворяется в туманном философствовании и вместо научного понятия, помогающего отграничить определенную группу литературных явлений от смежных с ним, но имеющих другую эстетическую природу, «барокко» как термин превращается в научную фикцию, а история литературы приобретает еще одну независимую переменную величину.

Д. С. Лихачев прав в своих сомнениях, в своем скептицизме, так как необходимость введения еще одного и для истории русской литературы «нового» термина должна быть по возможности строго научно обоснована.

Вопрос о барокко в славянских литературах обсуждался перед IV Международным съездом славистов и на самом съезде. В этом споре выяснилось, что не только специфика барокко в русской литературе, но и даже самое его наличие среди прочих направлений русской литературы отрицается некоторыми исследователями, например П. Н. Берковым, который уже после IV съезда славистов писал: «То, что Чижевский, Андиял и другие исследователи, в частности И. П. Еремин, относят в русской литературе XVII—XVIII вв. к „барокко“, в действительности представляет собой общую для европейского, латински мыслившего и писавшего средневековья (вплоть до XVIII в. включительно) трактовку античной литературы».¹¹ И далее развивая это утверждение, П. Н. Берков

¹⁰ См.: А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века. (Состояние вопроса и задачи изучения). — «Русская литература», 1962, № 3, стр. 8—13.

¹¹ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. — В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 25.

определяет русскую литературу второй половины XVII—первой четверти XVIII в. как «предклассицизм», различные явления которого «исходили, с одной стороны, из европейского средневеково-латинского понимания античной литературы, с другой — опирались на традиции древнерусской литературы и, с третьей — учитывали идеологические и общеэстетические потребности современности».¹²

И. П. Еремин, А. А. Морозов считают вполне правомерным применение термина «барокко» к русской литературе, но расходятся в конкретном определении распространенности барочного стиля. И. П. Еремин считает, что в русской литературе барокко «просуществовало сравнительно недолго и уступило место классицизму, проложив ему путь в русской литературе. В XVII в. в России в лучших произведениях своего крупнейшего представителя — Симеона Полоцкого — „барокко“ приобрело отчетливо просветительский характер в духе наступающей Петровской эпохи. В первой четверти XVIII в., в „петербургский“ период своего развития, „барокко“ (в творчестве Феофана Прокоповича) стало активно служить делу петровских реформ... в школьном обиходе, сосуществуя некоторое время с классицизмом, „барокко“ в рецепции Феофана даже оказало известное воздействие на поэзию Ломоносова».¹³ Осторожность и сдержанность И. П. Еремина выглядят гораздо более убедительно, чем утверждения А. А. Морозова, что «в русской литературе черты барокко (с различным социальным значением) можно проследить от Симеона Полоцкого до М. Ломоносова, В. Петрова и отчасти Г. Державина».¹⁴

2

Спор о барокко в русской литературе, как и некоторые наши споры о других литературных стилях, нельзя разрешить ни чисто терминологическим путем — заменив этот термин другим, более подходящим и более близким к сути дела, ни произвольной подстановкой тех или иных имен литературных деятелей. В конечном счете важен не термин, а явление, о котором идет спор, важно научное, исторически обоснованное определение его эстетической природы, а не перестановка писателей с одной литературной полочки на другую.

Ошибка, которую мы часто делаем в наших спорах, кажется как будто бы и не очень существенной, когда для «удобства» рассмотрения вопроса мы исследуем классицизм или реализм в русской литературе так, как будто, кроме них, никаких других проявлений художественного сознания, никаких других рядом стоящих

¹² Там же, стр. 26.

¹³ Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 85.

¹⁴ Там же, стр. 90.

стилей не было. Такая искусственная изоляция одного литературного направления, признаваемого ведущим, создает огромные и часто непреодолимые затруднения при исследовании конкретных явлений литературного творчества. Более того, только в соотношении со своим литературным антагонистом определяются и самоопределяются стили в литературе.

Для многих эпох литературного развития такое сосуществование взаимно борющихся направлений не требует пространных доказательств. Таковы соотношения романтизма и реализма в русской литературе 1820—1840-х годов или натурализма и символизма в 1880—1890-е годы, равно как классицизма и сентиментализма в последней четверти XVIII в. Но как только мы обращаемся к более ранней эпохе, особенно к тому времени, которое предшествует в русской литературе оформлению классицизма, ко второй половине XVII—первой четверти XVIII в., то здесь мы вообще не находим никаких литературных направлений, не замечаем никакого эстетического пафоса в груде литературных явлений и, в лучшем случае, устанавливаем общественную функцию данного явления, выводя его из пределов истории литературы в сферу истории общественной мысли.

И все же, понимая всю условность отнесения к «литературе» тех или иных фактов и учитывая характерное для эпохи появление таких видов художественного творчества, которые занимают промежуточное, срединное положение между «книжностью», «литературой» и фольклором — вроде духовных стихов и так называемых петровских повестей, — все же можно попытаться обнаружить рядом с классицизмом существование других эстетических систем или тенденций.

При этом сопоставление русской литературы с украинской может оказаться особенно плодотворным для определения существа развития обеих литератур именно в силу их близости, их внутреннего родства и тесного взаимопроникновения.

Как же сложилась литературная ситуация в России второй половины XVII в.? Как определяется общий характер литературы и составляющих ее направлений? Имеет ли историко-литературный смысл обычное противопоставление антифеодальной, демократической литературы литературе «высокой»? Не оперируем ли мы в этом случае несопоставимыми терминами из совершенно различных сфер идеологии и истории.

Термины «демократический», «антифеодальный» имеют свой социолого-исторический смысл, во всяком случае поддаются какой-то, хотя и приблизительной, социологической интерпретации и конкретизации. Термин «высокий» принадлежит к сфере эстетической и определяет особую литературную позицию в вопросах поэтики и стиля. Разумеется, антифеодальная литература (если

принять такое определение) не может не иметь своей эстетической платформы, в той же мере, как литература «высокая» выражает общественные интересы ее создателей, но, противопоставляя антифеодальное — высокому, мы сами себе закрываем путь к определению действительного характера литературного движения эпохи, в свою очередь отражающего ее истинное историческое содержание. По-видимому, следует искать в самой литературе эпохи общий эстетический принцип разделения или группировки ее явлений.

Таким критерием оценки литературных явлений эпохи может быть отношение к человеку и метод его изображения.¹⁵ В литературном сознании второй половины XVII в. представление о человеке двоится: он или жалкая игрушка в руках над ним стоящих универсальных космических сил — бога, демонов, смерти, или дерзкий плут, смелый пройдоха, творец собственной судьбы, не верящий ни в сон, ни в чох, существо по ту сторону добра и зла.

С наибольшей художественной силой и смелостью первое отношение к человеку проявилось в «Повести о Горе-Злочастии», второе — в «Повести о Фроле Скобееве».

Принципиальную новизну первой повести очень точно охарактеризовал Д. С. Лихачев: «Резко разойдясь с многовековой традицией русской литературы, „Повесть о Горе-Злочастии“ повествует не о единичном факте, стремясь к созданию обобщающего повествования. . . Все в повести обобщено и суммировано до крайних пределов, сосредоточено на одном: на судьбе молодца, его внутренней жизни. Это своеобразная монодрама, в которой окружающие молодца лица играют подсобную, эпизодическую роль, оттеняя драматическую судьбу одинокого безвестного человека, лица собирательного, подчеркнуто вымышленного. . . Тема повести — жизнь человека вообще. . . Судьба безымянного молодца изображается как частное проявление общей судьбы человечества. . .»¹⁶

Действие «Повести о Горе-Злочастии» происходит на земле и на небе, в нем участвуют силы добра и зла, неба и ада, и именно такое усиленное вмешательство этих сил является основной движущей идеей литературного сознания, выразившегося в барочном стиле. Средневековое сознание воспринимало земную жизнь как малую составную часть великого целого, какой представлялась Вселенная незатронутому рационалистическим скепсисом и рефлексией человеку русского средневековья. Барочная литература живет сознанием резкого контраста между землей и небом, между миром греха и бедствий и царством покоя и вечного блаженства. Именно

¹⁵ См., например: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси; Е. Н. Куприянова. К вопросу о классицизме. — «XVIII век», сб. 4, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959.

¹⁶ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 217—218.

это сознание непроходимой пропасти этих сфер бытия — реального и идеального — породило антиномичность стиля барокко, сделало дисгармонию и контрасты его основными стилистическими чертами. Смерть становится в литературе барокко не просто отдыхом и моментом успокоения, но величайшим, хотя и трагическим, моментом в жизни человека, началом его приобщения к миру вечных ценностей и вечной красоты. Поэтому такое значительное место занимает тема смерти как избавления от всех горестей и заблуждений в «Повести о Горе-Злочастии», в духовных стихах, в творчестве Симеона Полоцкого и Петра Буслаева. Заметим, что в поэзии Ломоносова темы смерти нет вовсе, а вмешательство бога в земные дела в его одах обосновано философией оптимизма, в категориях которой воспринимал поэт ход истории.

3

Остановлюсь на одном примере связи поэзии Симеона Полоцкого, «барочность» которой не отрицает большинство исследователей, с духовными стихами. Еще А. С. Орлов отметил, что стихи Полоцкого «Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща», приложенные к отредактированному им печатному изданию «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1680), «легли в основу устных русских духовных стихов о прекрасной матери-пустыне». ¹⁷ Именно это стихотворение Полоцкого, а не стихи на эту же тему, приложенные к предшествующему изданию «Истории о Варлааме и Иоасафе» (1637), ¹⁸ стали источником для духовного стиха о матери-пустыне. Неравносложные, досиллабические, неупорядоченные стихи издания 1637 г., очень кратко излагавшие обращение царевича Иоасафа к «пустыне», не могли дать поэтического импульса, который, очевидно, содержало в себе стихотворение Полоцкого.

Стихи издания 1637 г. — это вопль, просьба человека о спасении, на которую он не получает ответа:

Прийми мя, пустыни,
 Яко мати чадо свое,
 Во тихое и безмолвное
 Недро свое,
 Отбегшаго от лукавыя,
 Блудницы — мира сего!
 О прекрасная пустыни!
 Возлюбих бо тя
 Паче царских чертог
 И позлащенных полат.

¹⁷ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 76.

¹⁸ Гистория, албо правдивое выписание святого Иоанна Дамаскина о житии святых преподобных отец Варлаама и Осафа и о наверненю индиян. 1637.

Не брани, пустыни,
 Страшилищы своими!
 Ветви твое зеленое,
 Движащееся от воздуха
 Малых ветров,
 И пойду в лузе,
 По красному твоему винограду,
 И буду яко дивий звер,
 Един скитаяся
 И бегая человек,
 И многомятежныя сея жизни,
 Седя. плача и рыдая,
 Во глубоком и диком
 Недре твоём.
 О Христе, всех царю!
 Не лиши мене
 Небесного царствия твоего.¹⁹

Здесь звучит не только призыв отчаявшегося аскета, которого ужасает «греховность» мира; «дикое недра» пустыни его страшит, обещая спасение, но не обещая радости и сердечного веселья.

Полоцкий сухую канву своего предшественника превратил в пространный монолог, проникнутый лиризмом и более сложным сплетением чувств, чем мрачное отрицание «сего» мира в стихах издания 1637 г. Монолог Иоасафа у Полоцкого делится на три части. Первая (строки 1—43) обращена к богу, вторая (строки 44—90) — к пустыне, и концовка (строки 91—97) — заключительное обращение к Христу. В первой части излагаются психологические мотивы, заставляющие Иоасафа порвать с миром, отказаться от царской власти:

Честный венец мне в ничтоже,
 Тебе ради, Христе боже.
 Несть ми воля царствовать,
 Много богатств содержат:
 Во уметы²⁰ вся вменяю,
 Тебе, Христе, подражаю.
 Нищъ и убог хошу быти,
 Да с тобою могу жити.²¹

Отвращение к богатству и власти, предпочтение нищеты и убожества во имя жизни праведной и счастливой получают здесь иной смысл. Иоасаф у Полоцкого бежит не вообще от «многомятежныя» жизни, как в стихах его предшественника, а от жизни общественных верхов, которой противопоставляется идиллия пустынножи-

¹⁹ П. Бессонов. Калеки переходные. Сборник стихов и исследование, вып. 1, М., 1861, стр. 249—250.

²⁰ Умет — навоз.

²¹ П. Бессонов, ук. соч., стр. 266.

тельства, прекрасная утопия жизни среди мирной, цветущей и благосклонной к человеку природы.

Эта идея, только намеченная у Полоцкого, стала основной в духовном стихе о матери-пустыне. В различных вариантах этого стиха с особенной любовью и обилием подробностей излагается «спор» между «пустыней» и Иоасафом о том, согласится ли он, сможет ли существовать на той скудной пище, которую найдет в «пустыне»?

Во многих вариантах стиха этот спор излагается так:

Отвещает мать-пустыня
 О ко младому ко царевичу Ясахвию:
 «Чада ль мое любимыя,
 О молодой царевич Ясахвий!
 Еда у мене — гнилая колода,
 Пойла — теплая вода болотная.
 Вотвещает молодой царевич
 Младой царевич Ясахвий:
 «Прекрасная мать-пустыня,
 Во любимыя моё мати!
 О я рад на тебе, мать, работати,
 Сы — небесную волю творити,
 Болотныя воды испивати,
 Есть и сгнилую колоду искушати».²²

В других вариантах взамен «царского ества» «пустыня» предлагает Иоасафу «еловую кору», а царевич отвечает:

«Гнилая колода
 Мне паче сладкого меда».²³

Всех этих художественно расцвеченных подробностей у Полоцкого нет. У него «блато» имеет чисто риторическое значение в антитезе —

Мира славу, сребро, злато,
 Ценно имам яко блато.²⁴

Авторы стиха о «пустыне» необыкновенно усилили конкретность образов и точность определений, сообщая им одновременно и большую поэтическую глубину. Особенной убедительности достигает в стихе картина весеннего расцвета природы, под влиянием которого, как думает «пустыня», Иоасаф покинет ее и вернется в мир, к богатству и роскоши своей прежней жизни:

Как придет весна красная,
 Все луга, болота разольются,
 Древы лесом оденутся,

²² Там же, стр. 210.

²³ Там же, стр. 211.

²⁴ Там же, стр. 264.

На деревьях запоет птица райская
 Архангельскими голосами,
 Но ты из пустыни вон изойдешь,
 Меня, мать, прекрасную пустыню позабудешь.²⁵

В некоторых вариантах стиха царевич возражает на это, заявляя о своей глубокой, интимной связи с жизнью природы:

Во зеленой во дубраве
 Есть частые древа —
 Со мной будут думу думати;
 На деревьях есть мелкие листья,
 Со мной станут говорити;
 Прилетят птицы райские,
 Станут распевати,
 Меня будут потешати,
 Христа бога прославляти...²⁶

Развивая мотивы, у Полоцкого только намеченные, отбрасывая многое совсем, стих о «пустыне» все же остается верным основному принципу барочного стиля — его антиномичности. Контрастность, полярность, несводимые противоречия бытия отражаются и в антиномичности стиля. Мир — пустыня, роскошь — нищета, веселье — тишина, гнилая колода — сладкий мед и т. д. — так выражает духовный стих мировоззрение человека эпохи великого идеологического кризиса, предшествовавшего в России петровской реформе, которая одной из своих задач ставила преодоление этого кризиса средствами науки нового времени.

Поэты русского барокко еще не могут вырваться за пределы религии, они пытаются в ее внутренних ресурсах найти ответ на поставленные временем вопросы, чем обрекают себя в условиях эпохи на повторение и варьирование многого, завещанного средневековой литературной традицией, и, по мнению Д. С. Лихачева, продолжают «высокие» стили предшествующей литературы.

Стиль барокко был порожден стремлением восстановить первоначальную цельность религиозного мировосприятия; это была грандиозная попытка реставрации уже пройденного европейской культурой этапа духовного развития. Поэтому вместо единства мирского и «небесного» источником эстетического стали разлад между ними, разорванность сознания, и в самую природу поэтического мироощущения проникло чувство контраста, а стиль стал антиномичен.

Ко второй половине XVII в. Россия настолько тесно была связана с умственной жизнью своих славянских соседей, а через них и с общеевропейскими идеологическими явлениями, что в появле-

²⁵ Там же, стр. 207.

²⁶ Там же, стр. 221.

нии «барочных» настроений и переживаний в русской литературе не было уже ничего удивительного и неожиданного. Обширный репертуар переводов (с польского, например) знакомил русского читателя с литературой польского барокко²⁷ и одновременно свидетельствовал об устойчивом интересе к литературе этого направления.

Каким образом и по каким причинам могли появиться в русской жизни настроения и чувства, потребовавшие для своего выражения той художественной манеры, которую мы, вслед за И. П. Ереминым, считаем возможным определить как особое литературное направление, во многом родственное барокко в других славянских и неславянских странах?

Маркс отметил в 1843 г. очень интересную особенность немецкой истории: «Да, немецкая история кичится таким движением, которого ни один народ не совершил на историческом горизонте до нее и которому ни один народ не станет подражать в будущем. Ведь мы разделяли с современными народами реставрации, не разделяя с ними их революций».²⁸

Он имел в виду историю Германии от 1789 г. до 1840-х годов, но замечание это имеет и более общий смысл, оно помогает нам объяснить себе возможность появления в Германии и с таким же правом в России идеологических образований, для появления которых как будто нет предпосылок в собственном историческом развитии данной нации.

Однако нас не удивляет появление романтизма в Германии или России, не переживших своей революции, подобной революции во Франции. Почему же мы заранее готовы отрицать существование в России барокко? Только потому, что ни реформации в ее чистом, «классическом» виде, ни, следовательно, контрреформации у нас не было?

4

Литературе барокко во второй половине XVII в. противостояли два других направления, из которых одно уже заявило о себе в это время очень решительно, а другое еще только намечалось, с трудом пробиваясь сквозь господствующие в литературе принципы эстетики. Первое направление воплощено было в плутовской новелле и пародийной сатире, второе — выразилось в появлении первых ростков русского классицизма и проявлялось в творчестве Симеона Полоцкого.

²⁷ См. обзор изучений этого вопроса: П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 5—12.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, изд. 2-е, стр. 416.

О создателях плутовской повести Ю. М. Лотман пишет: «Отбросив церковную мораль жертвенности, авторы ставили на ее место интересы отдельного, конкретно данного человека. Вместо церковного идеала страдания на земле, подчинения реальной личности господству абстракций литература выдвигала мысль о борьбе за земное счастье и отказ от любых отвлеченностей. Абстракцией объявлялась не только церковная мораль, но и сама мысль о морали».²⁹

Впервые, следовательно, в русской литературе отношение к миру и человеку обосновывалось внерелигиозно, антропологически, а не теистически.

В творчестве Симеона Полоцкого действительно намечались те тенденции, которые П. Н. Берков предлагал называть «предклассицизмом». Одно из проявлений этого нового духа — его стремление, еще очень робкое, к умиротворению борющихся религиозных партий, звучащее в его наиболее популярной книге — «Псалтыри рифмовторной».³⁰

Характерно, что эти новые тенденции в творчестве Симеона Полоцкого появляются только после его укоренения на московской почве.

Украинские или белорусские литераторы, переезжая в Москву или Петербург, меняли не только физический климат, они попадали в другую среду, вокруг них действовали другие общественные интересы, и этим литераторам вольно или невольно приходилось меняться в соответствии с новыми требованиями.

Из провинциального Полоцка, где «домашние» дела братства и семинарии составляли главный интерес и учителей и учащихся,³¹ Полоцкий в Москве попал в самую гущу религиозно-политических споров, сотрясавших огромное государство, он стал свидетелем жизни богатейшего двора русских царей и огромной столицы колоссального государства. Тут-то, казалось, и должен был развернуться во всю поэт барокко, каким обычно представляют Полоцкого. И действительно, в своих стихах и поэмах, собственно посвященных прославлению царей и царской власти, Полоцкий широко использует традиционную поэтику барокко. Но рядом с этой поэзией безудержной гиперболы и неумеренного метафоризма в творчестве Полоцкого дают себя знать иные тенденции: помимо гуманистических нот в переложениях псалмов, проявлением новизны

²⁹ Ю. М. Лотман. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века. — В кн.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века, стр. 82.

³⁰ И. З. Серман. «Псалтырь рифмовторная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XVIII, 1962, стр. 216—218.

³¹ И. Татарский. Симеон Полоцкий. М., 1886, стр. 46—55.

были бытовая сатира и защита просвещения в стихотворениях, собранных в «Вертограде многоцветном».³²

Феофан Прокопович, автор «Поэтики» и «Риторики», создатель трагедокомедии «Владимир» и «Епиникиона», произведений, отвечающих всем правилам украинского барочного искусства, уехав с Украины и став ближайшим сотрудником Петра I в его реформе положения церкви, сменил свою литературную манеру, забросил «старые», «привычные» для украинской литературы жанры и занялся откровенной публицистической пропагандой идеей «просвещенного абсолютизма» в жанре церковной проповеди, им совершенно внутренне перестроенной. От сатирической публицистики Феофана к стихотворным сатирам Кантемира идет прямая дорога, но Феофан, уже отказавшись от поэзии барокко, не стал поэтом-сатириком по образцу Буало. А Кантемир политические идеи Феофана и сатирическую соль его проповедей выразил в поэтической форме нового для русской литературы стихотворного вида — сатиры, осмысленного им в жанровой системе классицизма.

Свои поэтические творения петербургского периода Прокопович не рассматривает как «литературу», на них всех лежит отпечаток какой-то домашности, шуточности. И даже его стихи царям не выходят за рамки поэзии «на случай» в буквальном ее определении.

«Внедрение» в русскую литературу классицизма как определенной системы эстетических представлений идет в 1720-е годы со все возрастающей силой. Однако оно проходит совсем не беспрепятственно, а в борьбе с сильными литературными противниками, из которых главным является стиль барокко, представленный и в русской поэзии и в русской прозе первой половины XVIII в. еще очень устойчивыми и популярными формами.

В повествовательной литературе эпохи преобладание барочно-прециозных явлений особенно заметно, если не ограничиваться при ее изучении так называемой петровской повестью, а привлечь по возможности широко весь круг переводной повествовательной романистики.

Тогда обнаруживается любопытная и характерная черта литературного движения эпохи — переводы эти являются отрывками или переделками французских или немецких прециозных маньеристских, короче барочных, романов,³³ вызывавших такую яркую ненависть Буало и высмеянных в его «Поэтическом искусстве»:

³² О. І. Білецький. Симеон Полоцький та українське письменство XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. І. «Радянська школа», Київ, 1959, стр. 321—323.

³³ И. З. Серман. Зарождение романа в русской литературе XVIII века. — В кн.: История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 49—50.

Примеру «Клелии» вам следовать не гоже:
 Париж и древний Рим между собой не схожи,
 Герои древности пусть облик свой хранят:
 Не волокита Брут, Катон не мелкий фат.
 Несообразности с романом неразлучны,
 И мы приемлем их — лишь были бы нескучны!³⁴

На связь стилистики русской повести и стихотворных вставок в ней с этой романистикой давно указал В. Н. Перетц: «Все, чем богат *style grésieux*, нашло себе применение... часто непосредственным источником для знакомства русских подражателей с романами, выше характеризованного типа, была не итальянская и не французская, а пожалуй — не всегда и немецкая литература; и здесь, как и в других областях, где сказалось культурное воздействие Запада на Россию, — должна была неизбежно сыграть заметную роль Польша и польская литература...»³⁵

Основателям русского классицизма (Кантемиру, Тредиаковскому) приходилось действовать не в безвоздушном пространстве, не вне литературной жизни, а в напряженной и нелегкой борьбе с мощной и разнообразно активной литературой барокко, заявлявшей себя не только в прозе (где она бесспорно главенствовала), но и в поэзии. Очень характерное явление в борьбе классицизма и барокко в 1730-е годы — поэма Петра Буслаева,³⁶ появившаяся в начале 1734 г., за несколько месяцев до выхода из печати «Оды торжественной о сдаче города Гданска» В. К. Тредиаковского и в то время, когда уже несколько лет ходили в списках пять сатир Кантемира.

При очень существенных принципиальных расхождениях между Буслаевым, с одной стороны, и Кантемиром и Тредиаковским — с другой, в их отношении к литературной работе есть общая черта — все они понимают, что литература, вернее поэзия, перестала быть школьным упражнением или зарифмованным прощением на имя. Они ясно представляют себе расширение круга читателей и превращение поэзии из профессионального упражнения немногих в общенациональное дело. Поэтому и Кантемир, и Буслаев, и Тредиаковский снабжают свои стихи подробными прозаическими примечаниями, разъясняющими литературную позицию автора, его отношение к поэтическому слову, к принципам поэтического словоупотребления.

³⁴ Буало. Поэтическое искусство. Перевод Э. Л. Линецкой, М., 1957, стр. 81.

³⁵ В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.), вып. V—VIII. СПб., 1907, стр. 11.

³⁶ П. Буслаев. Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоановой. СПб., 1734.

Сопоставив эти примечания между собой, можно получить представление о том, где проходила демаркационная линия литературной борьбы, как в конкретных стилистических решениях проявлялось различное отношение к важнейшим эстетическим проблемам эпохи.

Поэма Буслаева в первой части изображает смерть Строгановой и прощание с нею ее родных и близких и «восшествие души ее в небо со следующими (сопровождающими, — И. С.) добродетелями» — во второй. Сюжет, если можно о нем говорить применительно к вещи лирической по своему характеру, развивается только «по вертикали», движение идет с земли на небо. И в соответствии с такой динамикой меняется стилистика поэмы. Более конкретная в первой части, она как бы «развеществляется», спиритуализируется — во второй.

В первой части поэмы Буслаев в примечаниях объясняет аллегорический смысл некоторых стихов, у него примечания образуют свой, особый, независимый ряд значений, а собственно стихи могут восприниматься и независимо от объяснений. Появление Девы Марии он в стихах изображает так:

... пришла небесна царица:

Оболченна вся в солнце, луна под ногами.
На главе же корона царская со звездами.

К этому двустигию следует примечание: «Солнцем кажет славу, от бога ей данную, луною же мир весь, звезды ж в короне разумеются о сей пророчества и похвалы святых».³⁷

Связи, которые устанавливаются между предметом и его поэтическим значением, у Буслаева совершенно произвольны, основаны на приемах школьно-схоластического толкования текстов и не являются собственно поэтическими, они не вытекают из семантических возможностей слова, а привносятся извне, и потому Буслаеву как бы тесно в пределах живого слова, и он охотно покидает его для установления иных связей и отношений.

Во второй части поэмы, где описывается триумфальное «восшествие» души на небо, религиозно символическое толкование в его примечаниях окончательно отрывается от «содержания» самой поэмы. Строка, описывающая, как «любовь Христова» «дерзновенно на перси припала до Христа», сопровождается таким примечанием: «Персями Христовыми zde полагается близость к богу сея добродетели, паче прочих добрых дел, яже радость во умном зрении на Христа подает душам блаженным».³⁸

«Припала на перси» толкуется как метафорическое изображение отвлеченного понятия («добродетели»), т. е. в метафору у него

³⁷ Там же, стр. 5.

³⁸ Там же, стр. 37.

превращается такое словосочетание, в котором совершенно не содержится возможности толкования в переносном смысле.

Буслаев как бы хочет оторвать читателя от действительности, основного значения слов, от предметного мира действительных отношений и связей для того, чтобы заставить его (читателя) прозреть, увидеть за обманчивой внешней оболочкой истинную, духовную сущность мира.

5

Сатиры Кантемира так же систематично, как поэма Буслаева, прокомментированы самим автором, но в подавляющем большинстве это, так сказать, «добавочный материал», распространение или фактическое разъяснение того, что содержится в тексте сатиры. Реже Кантемир вынужден объяснять поэтический смысл или стилистическую структуру того или иного оборота. Так он объясняет мифологические имена, когда вводит их как заместителей, как символы реальных понятий или предметов: «Сила речения сего „предпочту Бахусу Минерву“ есть что: тогда не стану пить да стану учиться».³⁹

Чаще всего объясняется все то, что выходит за рамки прямого «делового» называния предмета или явления. Поэтому, когда о былой независимости знатного феодала говорится во второй сатире «прапрадеда прадед мой сам владел собою»,⁴⁰ то Кантемир считает необходимым сделать к этой строке примечание: «Свое имел государство или княжение и был никому подвластен».⁴¹ Объясняет Кантемир и метафоры, когда опасается, что их реальное содержание может от читателя ускользнуть. Строки о сохранности дворянских грамот во второй сатире —

Да что в сем собрании славы непслезной,
Коли ничто показать можешь в поднебесной?
Разве ссохший пергамент, который чрез лета
Долгие от червей мог избежать навета, —⁴²

он сопровождает примечанием: «То есть которого черви не грызли, но уцелел чрез много лет».⁴³

Метафорические обозначения психологических состояний, например строку о лицемере в третьей сатире

Кто не знает внутренний строй притворного мужа, —

³⁹ А. Кантемир. Собрание стихотворений. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 504. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: Кантемир.

⁴⁰ Кантемир, стр. 370.

⁴¹ Кантемир, стр. 505.

⁴² Кантемир, стр. 372.

⁴³ Кантемир, стр. 507.

Кантемир разъясняет сходным образом: «Обычаи и нравы его, или, лучше сказать, намерения его сердца».⁴⁴

Характерно, что все эти выражения, требовавшие, с точки зрения Кантемира, примечаний и разъяснений, не попали в окончательную редакцию сатир в связи с общей их переделкой.⁴⁵ Но и в этой последней редакции Кантемир разъясняет читателям те поэтические обороты, в которых он «не уверен», опасаясь, что их прямой смысл (их «содержание») может не дойти до читателя полностью. Как он говорит в «Письме стихотворца к приятелю» (1743): «Приложенные под всяким стихом примечанийцы нужны для тех, кои в стихотворстве никакого знания не имеют, и, кроме того, к совершенному понятию моего намерения служат».⁴⁶

В первой сатире окончательной редакции он объясняет «жителей парнасских»,⁴⁷ «для мертвых друзей»,⁴⁸ «лезть на бумажные горы»,⁴⁹ «деревню взденешь»,⁵⁰ «медное сердце».⁵¹

Кантемир видел смысл своей поэтической работы в познании природы человека, в постижении его психического механизма, во всем многообразии страстей, определяющих его поведение и общественную ценность. Примечания у Кантемира как бы «возвращают» читателя к реальному соотношению «слов» и «вещей», которое в его поэзии получает дополнительные значения, помогающие заместить отвлеченное — конкретным, логическую связь — переносно-метафорической, увидеть в парадоксальном словосочетании *мертвые друзья* — вечную жизнь человеческого слова, овеществленного на страницах книги.

П. Буслаев видит в реальном «содержании» слова, в его социальном и историческом обусловленном диапазоне значений главное «препятствие» для своей поэтической работы. Он ставит задачу — «убить» в слове его связи с миром вещей и человеческих отношений. Поэтому в примечаниях к «Умозрительству душевному» он последовательно превращает каждое слово своей поэмы в символ, знак, иероглиф, устанавливая при этом совершенно про-

⁴⁴ Кантемир, стр. 572.

⁴⁵ См.: З. И. Гершкович. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира (Проблема девятой сатиры). — В кн.: «XVIII век», сб. 3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 59—64.

⁴⁶ Кантемир, стр. 434.

⁴⁷ «Ученые люди фигурально парнасскими жителями называются» (Кантемир, стр. 63).

⁴⁸ «Для книг» (Кантемир, стр. 65).

⁴⁹ «Шевелить, читать такое множество книг» (Кантемир, стр. 67).

⁵⁰ «Взденешь кафтан пребогатый, который стал тебе в целую деревню. Видали мы таких, которые деревни свои продавали, чтобы себе шить уборный кафтан» (Кантемир, стр. 82).

⁵¹ «Жестокое, отважное, несломимое сердце против всякого страху» (Кантемир, стр. 85).

извольную связь между словом и его толкованием, связь, так сказать, сверхразумную, интуитивно-мистическую.

Такое расхождение позиций поэтов в 1730-е годы связано с началом в это время борьбы двух эстетик, двух литературных направлений — классицизма и барокко, борьбы, в которой барочные поэты опирались на почти вековую традицию украинского и русского барокко, а зачинатели классицизма — на новую эстетику, созданную развитием европейского искусства эпохи утверждения абсолютизма и побед философского рационализма.

В следующее десятилетие положение в литературе изменилось, решительное торжество классицизма, подкрепленное введением новой стиховой системы, сопровождалось переоценкой национальных поэтических традиций и органическим усвоением некоторых стилевых возможностей, введенных в русскую литературу барочными поэтами XVII в. При этом функция и направленность как будто бы сходных стилистических решений оказываются совершенно различными.

Наиболее последовательным из поэтов 1740-х годов в своей борьбе с барокко был Ломоносов.

Ограничусь одним примером. П. А. Бессонов опубликовал интересное стихотворение.⁵² Кто бы ни был его автор,⁵³ оно, во всяком случае, превосходный образец стилистики русской барочной поэзии в том ее варианте, который у нас иногда называется «школьным» барокко. Стихотворение это представляет собой переработку библейского рассказа об Иосифе, вернее известного эпизода из этой истории — его столкновения с женой Пантефрия. Стихотворение все строится на игре значениями слова *красный* (в значении — *прекрасный*); привожу его начало:

*Красное имя Иаков нарече,
Красным бо зраком соня⁵⁴ протече
Красен бе телом, краснейши душею;
Красно да поет догмою мою.
Имя жены блудной на красоту бесит,
Красные слова во мерзости месит;
Красный очима сугубо внимают,
Красоте обе цело соблюдает.*

Тема *красоты душевной*, привлекавшая автора стихотворения, противостоит у него всем другим проявлениям красоты в человеке и в природе и в конце концов отрицается совсем — «Красота плоти в чистоте обаче»:

⁵² П. Бессонов. Калекы перехожие, вып. 3, стр. 732—733.

⁵³ См.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки Московского заочного педагогического института», т. I, М., 1958, стр. 21—24.

⁵⁴ Соня — сновидение.

Прекрасно бо зрится и в души целомудр,
Красно сияет и в целости премудр.

Премудрость, равно как и чистота (душевная), приравнивается к красоте и даже может ее заменить.

Сама же словесная тема *красоты*, несмотря на частое ее повторение, приобретает «орнаментальное» значение в стиле и композиции стихотворения. Не *красота* является подлинной темой стихотворения, а духовное превосходство Иосифа над миром греха и соблазнов. *Красота физическая* — лишь слабый отблеск веры:

Красоту жены *Красный* презирает,
Душу *красную* паче сотворяет.

Сходный интерес к построению целого стихотворения на основе одного слова и производных от него отмечен мною у Ломоносова в его переложениях псалмов. Как пример построения целого стихотворения вокруг темы *зла* я привожу⁵⁵ переложение псалма 34, в котором можно найти разнообразные производные слова от основного понятия *зло*:

Гонители да постыдятся,
Что ищут *зла* душе моей...
Да сильный гнев твой *злых* восхитит...
Сие гонение ужасно
Да оскорбит за *злобу* их,
Что *зляся* на меня напрасно,
Скрывали мрежу *зlob* своих...
Глубокий мрачный ров *злодею*
В пути да будет сокровен...⁵⁶

Здесь *зло* не только словесное оформление какой-то другой темы, — как *красота* в стихотворении об Иосифе Прекрасном, — а оно само и является темой переложения, *зло* выражает его поэтическую идею. В одах Ломоносов достигает внутреннего единства таким же способом, он как бы выстраивает весь материал по одному-двум тематическим направлениям. Так, в оде 1750 г. развиваются в сложном взаимопереплетении темы *красоты* и *пользы*, причем ведение первой темы может быть образцом принципиальной новизны стилистического решения этой темы у Ломоносова по сравнению с тем, как ее разрабатывали поэты барокко. Центральные строфы этой оды, с четвертой по четырнадцатую, Ломоносов отводит описанию Царского Села и всех в нем соз-

⁵⁵ И. З. Серман. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII века, стр. 226—227.

⁵⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 375—376.

данных «чудес» архитектуры, садово-паркового искусства и т. д., а уже следующие строфы, начиная с пятнадцатой и до конца, он заполняет только темой пользы, программой развития наук.

Для строф, посвященных описанию Царского Села, ему нужна была какая-то точка зрения, какой-нибудь персонаж, восприятие которого могло бы мотивировать это описание. Таким персонажем не мог быть человек. С первой строфы Ломоносов так высоко «поднялся» над землей в сферу божественной красоты и величия, что и «персонажей» для оды надо было искать только особенных, среди существ поэтических по самой своей природе. Так появляется в оде нимфа царсосельских лесов. Красота в ее монологе — основная тема:

Тебя и ныне красит новым
Рачением Елисавет

Мои источники венчает
Эдемской равна красота

Елисаветиным добротам
Везде подобна красота

И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь

Как если зданием прекрасным
Умножить должно звезд число

Се зиждет здесь Елисавета
Красу приличну небесам

Великолепными верьхами
Восходят храмы к небесам.

Последний пример — это уже синонимическое замещение слова красота.

В концовке этой оды каждая строфа отведена одной из наук, ее практическим возможностям, ее вкладу в созидание красоты, ее служению пользе.

Так, перечисляя в девятнадцатой строфе многочисленные сферы применения тех отраслей науки и техники, которые он называет механикой, Ломоносов на первом месте ставит скульптуру:

Из гор иссечены колоссы,
Механика, ты в честь возвысь
Монархам, от которых россы
Под солнцем славою вознеслись...

А уже вслед за этим прямым служением красоте он говорит о строительстве флота («Наполни воды кораблями») и соединительных судоходных систем («моря соедини реками»), мелиоративных работах («И рвами блата иссуши»), усовершенствованиях

артиллерийского оружия («военны облегчи громады») и заканчивает обращением к архитектуре, т. е. к такой области «механики», где органически сливаются практическая, повседневная польза, служение насущным материальным потребностям человека с воплощением в камне самых смелых представлений человека о красоте и гармонии.

В следующей строфе (двадцатой) эта идея синтеза пользы и красоты уже прямо названа как одна из двух основных задач химии — как воссоздание соединенными силами науки и искусств преходящей, непрочной природной красоты.

Спешу за хитрым естеством,
Подобным облакаясь цветом,
И что прекрасно только летом,
Ты сделай вечно мастерством.

Последние строки содержат прямое указание на работу Ломоносова над получением цветного стекла для создания в России мозаичного искусства — наиболее стойкого вида изображений.

Слово для Ломоносова — это не игрушка поэтического произвола, не знак, не иероглиф, не символ, а идеальное выражение реального, поэтическое зеркало Вселенной. Поэтика барочного стиля с его «развеществлением» слова, дематериализацией была для него неприемлема по принципиально-эстетическим соображениям. Для Ломоносова за словом всегда стояло нечто имеющее непосредственное отношение к миру явлений жизни общественной или природной, тогда как в книжной поэзии барокко, с которой соотносил свое творчество Ломоносов, слово воспринималось чисто словесно, оно само превращалось в вещь, уже вынутую из общей мировой связи явлений. Вот почему в поэзии Ломоносова нет словесной «игры», примеры которой он еще приводит в «Риторике»: мир — Рим и т. п.

6

Какое место в борьбе направлений в поэзии XVIII в. занимает творчество Сковороды? Как определяется его отношение к драматургии и поэзии украинского барокко, на традициях которых он вырос и воспитался в Киево-Могилянской академии?

В его философских прозаических сочинениях очень часты вставки из чужих и собственных стихов. Он цитирует Георгия Конисского, Варлаама Лашевского, Феофана Прокоповича, поэтов — преподавателей Киево-Могилянской академии, характерных представителей украинского барокко. Но Сковорода не только приводит нужные ему или нравящиеся цитаты для подтверждения своих мыслей и рассуждений, он вносит в эти стихотворные ци-

таты небольшие, но характерные изменения, которые иногда очень заметно меняют смысл чужих стихов. В диалоге «Беседа, нареченная двое» (1772) Сковорода приводит первые четыре строки (выделенные нами курсивом) из стихотворения Георгия Конисского, написанного на тему «Чистое сердце есть седалище святого духа»:

*Чиста птица голубица таков нрав имеет,
Буде место, где не чисто, тамо не почитет.
Разве травы и дубравы и сень есть от зноя,
Там приятно и прохладно место ей покоя.
Не иначе, бо и паче чистоты виновный
Дух гонзает в коем знает сердцу гной греховный.
Кую ж душу, как злак сушу, покры добродетель,
Та присенна, вожделенна духова обитель.⁵⁷*

Сковорода приводит только те строки из стихотворения Конисского, в которых он находит созвучие некоторым мотивам собственного своего творчества — поэтически понятое изображение природы как сферы чистого, незлобивого, счастливого существования. Следующие четыре строки Сковорода отбрасывает, а именно в них-то, с точки зрения автора (Конисского) и по законам поэтики барокко, выражен подлинный смысл стихотворения, в котором *голубица* должна пониматься метафорически, как иносказательное обозначение человеческого духа, исполненного стремления удостоиться «благодати». Сковороде не нужны оказались ни *гной греховный*, ни другие метафоры и сравнения Конисского, и он их просто опустил, а в процитированном четверостишии он сделал только одну замену; но эта незначительная перемена (*дух* вместо *нрав*) была для Сковороды необыкновенно важна, именно из-за нее он, как нам кажется, и вспомнил стихи Конисского, ибо они с этим словом *дух* входят в весь ход рассуждений «Беседы» о чистоте духа, о том, как ее надо понимать и каким путем она достигается.

Чистый дух человек может обрести в любом звании и на любом поприще, от царя («Дух правды он-то есть сердце царево») ⁵⁸ до нищего странника. Для этого, говорит Сковорода: «Бегай молвы, объеми уединение, люби нищету, целуй целомудренность, дружься со терпеливостью, водворися со смирением, ревнуй по господае вседержителе».⁵⁹

⁵⁷ Цит. по кн.: Н. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. — «Труды Киевской духовной академии», 1866, № 7, стр. 329. В первой строке Сковорода вместо «нрав» пишет «дух».

⁵⁸ Григорій Сковорода, Твори в двох томах, т. I, Вид. АН УРСР, Київ, 1961, стр. 180.

⁵⁹ Там же, стр. 180.

В этой «борьбе» за чистоту духа человеческого голубица, вылетевшая из ковчега, обозначает то состояние духа человеческого, во имя которого проповедует Сковорода. Вместо метафизического противопоставления греха — добродетели, как сделано в стихотворении у Конисского, Сковорода реализацию своего этического идеала изображает как приобщение человека одновременно к миру добра и красоты, где «голубица» превращается в живое воплощение стремлений человека к самому себе, к своей собственной человеческой сущности, а не разрыва с «земным» и приобщения к небесному — как у Конисского.

С нужными для его целей изменениями приводит Сковорода в другом сочинении стихи Ф. Прокоповича из «Епиникиона»:

Воспоим господев! О боже всемогущий!
 Еще наш приял еси вопль и плач умильный:
 Еще нас не судиши в конец отринуты.
 Победихом! Падеся супостат наш лютый.
 И антихрист приял казнь, домашний враг велий.⁶⁰
 Ко нам же возвратився, грядет мир веселей.
 Он безбедно здравие ведет за собою.
 Ныне и день лучшею красен добротюю.
 И солнце сильнейшии лучы испущает,
 И лице краснейшее цвет полний являет.⁶¹

Как видно из примечания, Сковорода изменил только одну строку в цитате, но эта перемена совершенно изменила весь смысл отрывка. «Епиникион» Прокоповича посвящен важному событию в истории России и Украины — Полтавской битве, а в приведенных Сковородою строках речь идет об изменнике Мазепе. Сковорода «перевел» весь «чужой» стихотворный отрывок в другой смысловой план; из политического и злободневного по жанру и содержанию стихотворения Сковорода сделал философско-нравоучительный отрывок, естественно включающийся в его собственное стихотворение «Антифон», смонтированное из переложения отрывка из 143-го псалма, стихов Прокоповича и части народной песни («Зима преjde, Солнце ясно...»), о которой он в примечании сообщает: «Сия песнь есть из древних малороссийских...».⁶²

Используя по-разному стихи своих предшественников, украинских поэтов, цитируя их целиком или с изменениями, Сковорода создает новые стихотворения, в которых он по-своему разрабатывает тематику и образность киевских поэтов.

Из утраченной трагедокомедии Варлаама Лещевского «Гонимая церковь» Сковорода приводит песню-жалобу, в которой, по

⁶⁰ В печатном тексте «Епиникиона» (1709) иначе:

И отступник приять казнь, отечества враг велий.

⁶¹ Григорий Сковорода, Твори, т. I, стр. 467.

⁶² Там же.

словам Сковороды, «жена апокалипсая... гонима змием, поет песнь сию, или хор. Есть сие малое творение Варлаама Лашевского».⁶³ Песня начинается и оканчивается двустихиями, выдержанными в вопросительной интонации:

Кто даст мне криле ныне? Кто даст посеребренны?
Кто даст мне рама ныне? Кто даст восперенны?

Кто даст мне крила ныне? Кто даст голубины?
Да выпрь парю от сея адския глубины...⁶⁴

Как собственную вариацию на тему этих строк Сковорода написал стихотворение, развивающее совершенно иную тему. У Лашевского «жена» рыдает и жалуется на преследования внешнего врага, на козни «ада», «ехидна лютого», в стихотворении Сковороды главный «враг» человека — его собственные страсти, препятствующие ему обрести внутренний мир через нравственный катарсис:

Кто мнѣ дасть слези, кто дасть мнѣ ныне дождевны?
Кто мнѣ дасть моря? Кто дасть мнѣ рѣкы плачевны?

Да грѣх ридаю
И омиваю.
Во многоводних
Слезах несходних
Не почивши.

Изушил очы адскій грѣхов моих пламень,
Сердце ожесточенно, как адамант камень.

Нѣсть мнѣ ток слезній,
Дабы болѣзны,
Жжущы внутр уду,
Можно оттуду
Изблевати.

Ты, источников в горах развергшій проходы
И повѣсивій горѣ превиспрежны воды,

Зрак вод наполни,
Да льет доволны,
Сердцу коснися,
Да ошутися,
Утѣх отче!

Аще же буду богат на токи мнѣ слезны,
Будут мнѣ оны одни утѣхы любезны.

Твоя и дурность
Над міра мудрость,
И плач над смѣхы —
Его утѣхы,
Чудній боже!⁶⁵

Сковорода порвал с традиционно-церковным толкованием человека как жалкой марионетки, покоряющейся то богу, то дьяволу.

⁶³ Там же, стр. 462.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Григорий Сковорода, Твори, т. II, Киев, 1962, стр. 81.

Он в самом человеке, в его душевном мире впервые в украинской литературе «открыл» неизмеримое богатство и сложность и поэтически его воспроизвел. Метафизической антиномистике барокко он противопоставил диалектику внутренней жизни сознания, воплощенную в новых художественных средствах, материал для которых он черпал из хорошо знакомой ему и его читателям литературы украинско-русского барокко.

Некоторые произведения Сковороды по своему содержанию восходят одновременно и к русской и к украинской литературным традициям XVII—первой половины XVIII в.

Так, его философский диалог «Брань архистратига Михаила со сатанюю о сем: легко быть благим» (1783) в своих исходных моментах связан с одним очень своеобразным произведением, распространенным в русской литературе на рубеже XVII—XVIII вв. Оно известно под следующим названием: «Против человека всечестного божия творения завистное суждение и злое поведение проклятого демона». На него впервые обратил внимание Кирпичников, напечатавший сообщение с пересказом содержания и с публикацией предисловия переводчика и заключительной главы.⁶⁶

Кирпичников изучил найденный им список и обследовал списки «Завистного суждения», указанные ему И. А. Бычковым в ГПБ: Погодинский 1108; Погодинский 1109; Q, I, 232; Q, I, 1022 и установил их тождественность.⁶⁷ К настоящему времени известны еще следующие списки: ГИМ, Собрание Титова;⁶⁸ ГПБ, Собрание Титова № 2285 — последняя рукопись датирована 1722 г.⁶⁹ Один список указан И. Шляпкиным,⁷⁰ один числился в «Каталоге славяно-русских рукописей Баузе»,⁷¹ погибших в 1812 г.; еще один указан у Калайдовича и Строева.⁷² Сравнительно недавно два списка обнаружены археографическими экспедициями сотрудников Сектора древнерусской литературы ИРЛИ.⁷³

Такое количество списков, восходящих к одному переводу, говорит и об устойчивости интереса к этому произведению в конце XVII—XVIII в.

⁶⁶ А. И. Кирпичников. Суждение дьявола против рода человеческого. — Памятники древней письменности, вып. CV, СПб., 1894.

⁶⁷ Там же, стр. 17—18.

⁶⁸ Отчет ГИМ за 1912 год. М., 1913, стр. 5.

⁶⁹ Краткий отчет Рукописного отдела ГПБ за 1914—1938 гг. Л., 1940, стр. 59.

⁷⁰ И. Шляпкин. Дмитрий Ростовский. СПб., 1891, стр. 91.

⁷¹ Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1862, апрель—июнь, кн. 2, стр. 52.

⁷² К. Калайдович и П. Строев. Описание славяно-русских рукописей Ф. А. Толстого. М., 1825, стр. 429.

⁷³ ИРЛИ, Рукописный отдел, Усть-Цилемское собрание, № 265, и Мезенское собрание, 1962, № 2.

Польский оригинал «Завистного суждения» указан Ягичем.⁷⁴ Это изданная в Брест-Литовске в 1570 г. книга под названием «Postępek prawa szartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu»,⁷⁵ в конечном счете восходящая к средневековому латинскому сочинению, излагавшему с полным сохранением всех норм и правил тогдашнего судопроизводства спор о человеке между Велиалом (представителем Сатаны и Ада) и Михаилом архангелом, выступавшим в роли адвоката рода человеческого. Печатное издание этого сочинения появилось только в конце XV в;⁷⁶ с него, по-видимому, и был сделан польский перевод 1570 г.

Судьба этого произведения характерна для истории многих средневековых литературных памятников Востока и Запада, которые, возникнув в какой-нибудь определенной среде, довольно быстро затем начинали свое странствие из одной литературы в другую, приспосабливаясь к новым условиям и новым национальным и общественным потребностям.

Так и у «Суждения» есть своя очень любопытная и показательная судьба. Возникшее как искусная контаминация апокрифических евангельских сказаний и судебно-бытового материала церковного католического процесса, оно сразу получило огромную читательскую популярность и разошлось по всей Европе как в латинском оригинале, так и в переводе на новые языки.

7

Действие в «Суждении» происходит в аду и на небе. В аду Сатана и его приспешники обсуждают свои «адские» планы, на небе, перед лицом бога, они пытаются их осуществить.

Основной сюжетный мотив — посольство из ада на небо для ведения судебного процесса — в «Суждении» повторяется: дважды ад посылает своих представителей судиться на небо. Первый раз после грехопадения Адама и Евы, второй — после того, как Христос освобождает из ада всех в нем заключенных грешников. Движение в обоих эпизодах происходит только «по вертикали» — из ада на небо и обратно.

Переводчик в предисловии указывал, что эта борьба «за человека» адских и небесных сил, начавшаяся еще «издревле», продолжается и «доселе». Своими космическими вселенскими масштабами, конфликтом, включающим в себя судьбу всего рода человеческого, «Суждение» совпадало с основными тенденциями бароч-

⁷⁴ V. Jagič. Slavische Beiträge. Wien, 1893, стр. 79—80.

⁷⁵ Я пользовался перепечаткой в издании: Biblioteka pisarzów polskich, № 22. W Krakowie, 1892, стр. 7—121.

⁷⁶ Jacobi de Teramo compendium perbreve, consolatorio peccatorum nuncupatum et apud nonnullos Belial vocatum. Augsburg, 1472.

ной литературы, и потому именно в конце XVII в. оно было переведено на русский и в течение первой четверти XVIII в. получило распространение.

Русский переводчик «Суждения» был в общем верен польскому оригиналу, хотя и опускал кое-что, руководствуясь соображениями цензурности, с одной стороны, и стремлением оживить, «беллетризировать» изложение — с другой. Поэтому, очевидно, выпущено в переводе рассуждение об инкубах и суккубах,⁷⁷ цитаты из Апокалипсиса с толкованием и др. Переводчик заботился также о том, чтобы сделать «Суждение» доступным русскому читателю. Латинские тексты или опущены совсем, или переведены. Так, в описании первого судебного состязания адских сил с архангелом Михаилом перед лицом бога его реплика передана по-русски и соответственно возражению Веллала «Nie rozumiem po łacinie, mów ludzkim językiem!»⁷⁸ — не только переведена, но и переделана: «Не разумею странноречия твоего, глаголи простым языком».⁷⁹ И бог в переводе сам «повелеши обоим странам говорить простым языком, дабы один другого разумел».

Переводчик русифицировал также некоторые выражения польского оригинала, подбирая для них соответствующие фразеологические эквиваленты. В оригинале Сатана говорит: смелого Фортуна поддержит.⁸⁰ В переводе эта фраза звучит так: «А смелому и бог помогает»,⁸¹ — как это ни странно слышать от Сатаны!

Русский читатель мог найти в «Суждении» очень ему знакомые образы и мысли не только апокрифического происхождения, но такие, которые распространены были и в поэзии второй половины XVII в.

Еще Кирпичников отметил известное сходство мотивов между жалобой в «Суждении» на то, что правда всюду в загоне и ее нельзя добиться даже у бога, с известным духовным стихом. Это сходство интересно именно тем, что говорит, каким запросам русского общества отвечал перевод «Суждения».

Обильно уснащенное различными апокрифическими мотивами, «Суждение» развивает мысль об «усмотрении» божием, которым предопределено спасение рода человеческого в целом. Переводчика «Суждения», по-видимому, пленило в его оригинале твердое убеждение в торжестве правды и благодати над злом, воплощенным в силах ада.

Сюжет, близкий к сюжету «Суждения дьявола против человека», разрабатывался и в киевских школьных драмах и трагедокомедиях.

⁷⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, Мезенское собрание, 1962, № 2, л. 15 об.

⁷⁸ Biblioteka pisarzy polskich, № 22, стр. 35.

⁷⁹ ИРЛИ, Рукописный отдел, Мезенское собрание, 1962, № 2, л. 29.

⁸⁰ Biblioteka pisarzy polskich, № 22, стр. 68.

⁸¹ ИРЛИ, Рукописный отдел, Мезенское собрание, 1962, № 2, л. 60 об.

Одна из них — «Царство природы людской, прелестью, ею же смерть царства над непогрешившими, разоренное, благодатию же Христа царя славы, терновым венцем увязанного, паки составленное и венчанное...»⁸² (1698), другая, во многом являющаяся подражанием первой, — «Трагедокомедия, изданная в Академии Киевской честным иеромонахом Сильвестром Ляскоронским, учителем поэтики, 1729 года».⁸³ Сюжетное сходство обеих драм и «Суждения» в том, что и в «Царстве природы» и «Трагедокомедии» Сильвестра Ляскоронского повторяется мотив адской интриги, рассчитанной на то, чтобы соблазнить первых людей «вкусить от запретного плода» и тем самым обречь весь род человеческий во власть Люцифера. Но в «Суждении» нет мотива «гордости», из-за которой человек так легко становится жертвой дьявольского соблазна. Внешние злые силы, а не внутренняя испорченность подстрекают Адама и Еву нарушить запрет и заслужить изгнание из рая. Люди здесь только жертвы соблазна, тогда как в киевских драмах они и сами заражены духом своеволия.

Слабое мерцание гуманистической веры в человека, все-таки заметное в «Суждении», несмотря на обилие демонологических суеверий и предрассудков его составителей, могло привлечь внимание Сковороды. По своему стремлению к оправданию человека «Суждение» могло быть более приемлемым для Сковороды, чем киевские драматические разработки этой темы. В каком виде он с ним познакомился — установить трудно. Скорей всего, до него мог дойти польский текст, но не исключена возможность его знакомства с русским переводом.

В «Суждении» в ответ на гневные слова архангела Михаила, что он хочет «делати... против дьявольского навета, и нападка, и слов ложных, хульных, завистных и во всем стати за человека против льстецов блудных и осужденных»,⁸⁴ следует реплика Велиара, жалующегося богу на грубость адвоката рода человеческого, архангела Михаила: «Велиар, выслушав, перерва речь, глаголет: „... мене бесчестя, называет лживцем, блудным, льстивым. Не доведеши мене сего судом. А паче сего дерзостию не учествовал правосудный престол твой боже“».⁸⁵ Опомнившись, Михаил «зада вины на диявола, яко ему речь перерва, над устав купный, и извинися от слов челобитна демонска».⁸⁶

⁸² Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев, 1911, стр. 87—92; текст: В. И. Резанов. Памятники русской драматической литературы. Нежин, 1907, стр. 121—166.

⁸³ Там же, стр. 270—277; текст: Труды Киевской духовной академии, 1877, № 9.

⁸⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, Мезенское собрание, 1962, № 2, л. 31 об.

⁸⁵ Там же, лл. 31 об.—32.

⁸⁶ Там же, л. 32.

Сходная реплика Сатаны («Не подобает небесных воинств архистратигу быть сварливу, но тиху, кротку и...») звучит как прямой намек на «Суждение», как напоминание читателю об известном произведении. Ограничившись этим «напоминанием», Скворода коренным образом перестраивает самую суть «спора», изображенного в «Суждении». Там спор шел главным образом о человеке, за него. Человек в «Суждении» представлен слабым, бессильным существом, из-за которого идет борьба между могучими силами добра и зла. Роль самого человека в решении своей судьбы ничтожна. Его участь — пассивно ждать исхода борьбы космических сил.

Скворода считает полем битвы добра и зла душу человеческую. Он переносит спор в область индивидуальной психологии. И самое зло у него приняло гораздо более конкретную форму, чем в его источнике.

Мир — «раб сатане», мир и все люди покорны внешней необходимости, силе корыстолюбия, денежному мешку, себялюбию и стяжательству. В традиционно-религиозной форме Скворода излагает учение о победе добра над злом, правды над обманом, любви над стяжательством, какими-то чертами перекликающееся с учением Руссо и некоторых теоретиков уравниательства.

Вместо внешних могучих сил, распоряжающихся человеком по собственной воле, у него борьба переносится во внутреннюю сферу человеческого сознания. Отсюда лирический, лирико-психологический характер всего творчества Сквороды и, в частности, «Брани архистратига Михаила».

В основе философии и поэзии Сквороды лежит представление о человеке, об индивидуальности как зеркале вселенной, как микрокосмосе, отражающем в себе весь макрокосмический мир.⁸⁷

В сущности, у Сквороды человек приравнен всему миру по своему значению, по разнообразию и сложности своей природы. Борьба бога и дьявола, добра и зла за человека — характерная черта всей литературы барокко — перенесена Сквородой во внутренний мир человека.

«Мырик» («мирок») человеческой души, по мнению Сквороды, только размерами отличается от всей вселенной. Его человек очень сходен с тем поэтическим апофеозом человека, приравненного к богу, который создан современником Сквороды, Державиным в оде «Бог»:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества...

⁸⁷ См.: Н. Мелешенко. Философия Г. С. Сквороды. — В кн.: Философия. Ученые записки ЛГУ, № 168, Серия философ. наук, вып. 5, Л., 1955, стр. 261—262.

В соответствии с тем, что главенствующей темой его творчества стал человек, понятый как сложное единство страстей и чувств, Сковорода выработал новое отношение к поэтическому слову, создал свою эстетику, принципиально иную, чем поэтика украинского барокко. И в его отношении к стилю Библии выразился этот новый взгляд на поэтический стиль вообще.

В его философском диалоге «Асхань» (1767) излагается спор между Лукой и Памвой о природе библейского стиля. Лука высказывает сомнения в правомерности библейского метафорического стиля, в его внутренней обоснованности. Он говорит: «Священное писание есть фонарь, божим светом блистающий для нас, путников. Верую, что так оно есть, а только дивлюся, что речь его отличным течет образом, несходным с прочими писателями».⁸⁸ И как пример такого «отличного образца» Лука ссылается на выражение из Библии: «Но для чего *аппетит* означает *ногою*? Чудесный штиль...».

Луке отвечает защитник библейского стиля Памва: «Приобучай вкус твой к пище библейной... Сколько она снаружи неказиста и презренна, столько внутри важна и великолепна. Она заимствует от тебе слова, подлую твою okolичность значащи, например: ноги, руки, очи, уши, голову, одежду, хлеб, сосуды, дом, грунта, скот, землю, воду, воздух, огонь. Но сама она никогда не бродит по окружности, а поражает в самую тончайшую и главнейшую всего окружая точку, до которой и привести тебе единственно намерилась. Она твоими только словами говорит, а не твое».⁸⁹

И далее от общего определения поэтической природы библейского языка Памва переходит к разъяснению предложенного Лукою примера употребления слова *нога* в метафорическом значении: «Досадно тебе показалось, что Библия называет человеческое желание ногою. Но она же человека называет и деревом, как фиником, так и смоковницею. И если развужешь и ражжужешь, то увидишь, что называемая тобою нога не что иное, как только голый верхний прах, будто деревной сук, из земли вылепленный, как болван скудельный, и будто сапог твоя нога, свидетельствующий своею наружностью о пребывании ея в корени сердца твоего сокровенном и весь прах, как сапог свой, надетой на ногу носящем».⁹⁰ Чувствуя сложность и темноту данной мысли, Сковорода, устами Памвы, дает следующее разъяснение того, что такое «корень сердца». Он цитирует Иова и Исая и поясняет приведенные им места: «„Положил еси ногу мою в возбранение, сохра-

⁸⁸ Григорий Сковорода, Твори, т. I, стр. 134.

⁸⁹ Там же, стр. 135.

⁹⁰ Там же, стр. 136.

нил же еси дела моя вся, в кореня же ног моих пришел еси“. О сем корене и Исаяя: „Корень их яко персть будет“. А что он коренем сердца называет, так послушай его ж: „Увеждь, яко пепел, сердце их, и прельщаются“. Приметь: там корень называется перстью, а тут сердце пепелом. Сердце есть корень. В нем-то живет самая твоя нога, а наружный прах есть башмак ея. Так вот почему Библия называет сердечное желание ногою... И Давид сердце, гордостью тщеславия надменное, весьма прилично называет ногою. „Да не придет мне нога гордыни“». ⁹¹

За библейскими метафорами Сковорода учит видеть философский смысл и глубину мысли, соответствующей его собственному, а не догматическому толкованию положений и образов наиболее поэтических книг Библии — Псалтыри и Пророков. Все в том же монологе Памвы говорится: «Разбери сам себе получше! И не будь нагл в оуждении библейного штиля! Она одним смиренным своим любовникам открывается... И не удивишься, что Давидово сердце имеет у себе уста, и говорит — язык его радуется, а нога веселится. Кто видал, что язык радуется? Тот кто узнал себе... Если сердце может тайно говорить, можно ему тайно и смеяться... Вот и Давидова улыбка: „В скорби распространил мя еси, расширил еси сердце мое“. Но то дивно, что и самыи его следы расширяются: „Уширил еси стопы моя“. Будто и самыи его следы расширяются и его ступни смеются с ним»». ⁹²

Сковорода, как он сам об этом сообщает, начал изучать и осмыслять Библию по-своему «около тридцати лет рождения моего», ⁹³ т. е. примерно в начале 1750-х годов. Возможно, что его особый интерес к поэтическому элементу библейского стиля возник и оформился под влиянием русских поэтов, опубликовавших именно в начале 1750-х годов свои поэтические переложения и переработки библейских текстов — я имею в виду «Собрание разных сочинений» (1751) Ломоносова и «Сочинения» (1752) Тредиаковского.

О знакомстве его с творчеством и теоретическими трудами вышеназванных русских поэтов имеется косвенное свидетельство, связанное с одним из не дошедших до нас ранних произведений Сковороды. По свидетельству Ковалинского, ⁹⁴ для своих учеников в Переяславской семинарии Сковорода написал «Рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной» (1753—1754), проник-

⁹¹ Там же, стр. 136—137.

⁹² Там же, стр. 138—139.

⁹³ Там же, стр. 246.

⁹⁴ М. К о в а л и н с к и й. Житие Григория Сковороды. — В кн.: Сочинения Григория Савича Сковороды, Харьков, 1894, стр. 3—4. См. также: Н. П е т р о в. Первый (малороссийский) период жизни и научно-философского развития Григория Савича Сковороды. — «Труды Киевской духовной академии», 1902, № 12, стр. 593.

нудое идеями теоретических трактатов и руководств Ломоносова и Тредиаковского и потому не одобренное епископом Иоанном Козловичем.

Ломоносов, а в какой-то степени и Тредиаковский, в библейском стиле выбирал именно те черты поэтической образности, которые с таким увлечением разъясняет и превозносит Сковорода.

В свое переложение 143-го псалма Ломоносов вставляет в последнюю строфу одну строку, для которой нет соответствия в тексте этого псалма:

Счастлива жизнь моих врагов!
Но, те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

Введенная Ломоносовым в его переложение тема веселья— радости настойчиво и последовательно повторяется в других его стихах. «Утреннее размышление» открывается «весельем»:

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли,
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудясь ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам, —

а завершается «радостью»:

От светлости твоих очей
Летится радость твари всей.

Тема «веселья» как особого состояния человеческого духа, уверенного в своей идейной правоте, в своем достоинстве, в своей силе, в своей способности противостоять «врагам», клеветникам, интриганам, корыстным себялюбцам и злобствующим завистникам таланта, присутствует у Ломоносова и в таких произведениях, где ее появление кажется неожиданным и резким контрастом всему содержанию. Она у него заявляет о себе и в таких переложениях псалмов (26, 34, 70), в которых с необыкновенной поэтической силой и разнообразием развита тема борьбы со злом и его носителями. Однако и здесь рядом с этой темой звучит тема «веселья» как могучего утверждения духовной силы человека, побеждающего зло:

Я только от творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

Конечно, здесь и слово *храм* не следует понимать буквально, в значении *церковь*, оно (храм) обозначает нечто гораздо более:

широкое, оно значит и убежище, и ограду, и мир добра, красоты и нравственности, противостоящий миру злобы, вражды и корысти, где властвуют враги поэта. В таком контексте *веселье* также приобретает менее определенное, но зато более богатое и разнообразное содержание, оно превращается в выражение всей радости жизни, всего прекрасного, доброго и благородного в ней.

В переложении псалма 34 тема *веселья* у Ломоносова получает двойное значение. Он знает *веселье* двоякого рода. Одно *всселье* — это неблагородное мелкое чувство злорадства, которое проявляют враги поэта, его гонители и преследователи, при виде постигших его несчастий, в предвкушении его гибели:

Они, однако, *веселяются*,
Как видят близ меня напасть;
И на меня согласно злятся,
Готова ров, где мне упасть.

Поэт просит бога не позволить врагам торжествовать и «веселиться» его несчастьями:

Не дай врагам *возвеселиться*
Неправедной враждой своей
.....
Не дай им в злобе похвалиться,
И мне в ругательстве сказать:
О, как в нас сердце *веселится*,
Что мы могли его пожрать.

И для того чтобы низкий характер этого «веселья врагов» был совершенно ясен читателю, Ломоносов низводит его до простого глумления, до смеха над побежденным и пострадавшим:

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем лъстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрипя.
.....
Мне пагубы конечно чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
Нам радостно на то взирать!

Этому злобному смеху Ломоносов противопоставляет идущее из глубины души *веселье*, подлинное чувство радости, сопричастности человека миру добра и красоты:

Во храме возведу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою.

Этой строфе в псалме соответствует другой текст: «Исповемся тебе в церкви мнозе, в людях тяжцех восхваляю тя», в котором темы веселья нету. Ломоносов усилил ее звучание в стихотворении, по сравнению с псалмом, более глубокой разработкой, тем разделением веселья на низкое и высокое, которое только и дает ему возможность определить истинное веселье.

В стихотворениях Сковороды 1750—1760 гг. тема веселья разрабатывается в том же духе, что и в ломоносовских переложениях псалмов. Веселье в ломоносовском поэтическом значении, как символ особого, радостного состояния духа, просветления — результата победы над страстями и злом, появляется у Сковороды в 16-й песни:

Пройшли облака. Радостна дуга сияет.
 Пройшла вся тоска. Свет наш блистает.
 Веселие сердечное есть чистый свет ведра,
 Если миновал мрак и шум мирского ветра.⁹⁵

Здесь почти каждое слово является метафорой или символическим обозначением целого ряда подразумеваемых, за ним стоящих жизненных явлений. Если облака и радуга еще могут восприниматься в их предметном, вещественном значении, то уже слово свет в сочетании *свет наш блистает* приобретает поэтическую многосмысленность (полисемию). *Наш* свет означает, что это не просто свет солнца, просиявшего после дождя, но и нечто относящееся к душевному миру человека, всех людей. *Свет* здесь означает многое — душевный покой, мир и успокоение улегшихся страстей, радость. *Свет* в таком поэтическом его осмыслении подготавливает метафорическое понимание веселья в следующих строках:

Веселие сердечное есть чистый свет ведра,
 Если миновал мрак и шум мирского ветра.

Поэтическое отношение к миру получает у Сковороды особую форму метафорического осмысления вещей и понятий. Реальные предметы, чувства, душевные движения, побуждения и тревоги духа — все приобретает двойное значение. В поэзии Сковороды все имеет смысл не столько вещественный, сколько иной, этой вещи трансцендентный. В «Алфавите мира» Сковорода объясняет свое понимание связи предметного и метафорического смыслов. Он пишет, имея в виду греческую философию эллинистического периода: «Зевали они на мирскую машину, но одну только глинку на ней видели. Глинку меряли, глинку считали, глинку существом называли, так как неискусный зритель взирает на картину, погру-

⁹⁵ Григорий Сковорода, Твори, т. II, стр. 30.

жив свой телесный взор в одну красочную грязцу, но не свой ум в *невещественный образ* носящего краски *рисунка*, или как неграмотный, вперивший тленное око в бумагу и в чернило букв, не разум в разумение *сокровенныя под буквами силы*».⁹⁶

Найти, увидеть невестественный образ за вещественным или сокровенную силу (смысл) слова, составленного из букв, — такую задачу ставит Сковорода перед всяким познанием мира — философским или поэтическим.

Его стремление увидеть «под буквами» глубинное значение слова видно и в 16-й песни. Слово *радуга* он заменяет двумя словами *радостная дуга*, осмысляя первый слог (ра-дуга) как родственное слову *радость*. Более сложно в этом стихотворении соотносятся значения и звуковой строй других слов: *веселие* — *свет* или *сердечное* — *ведра*, хотя наличие связей между ними, осознанных автором, очевидно.

Еще сильнее, чем в 16-й песни, тема веселья как своего рода озарения и душевного мира разработана поэтом в 28-й песни:

Возлети на небеса, хоть в Версальские леса,
Вздень одежду золотую,
Вздень и шапку хоть царскую;
Когда ты не весёл, то все ты нищ и гол.

Завоюй земный весь шар, будь народам многим царь,
Что тебе то помогает,
Аще внутрь душа рыдает?
Когда ты не весёл, то все ты подл и гол.⁹⁷

Общественно-философское кредо Сковороды в этом стихотворении изложено с исчерпывающей полнотой и необыкновенной силой поэтической выразительности. Человек может быть *весел* (в том особом смысле, который поэт в это слово вкладывает), только презрев все внешнее и поборов в себе самом еще более опасные препятствия к достижению истинного душевного мира, истинного *веселья*:

Брось пожалуй думать мне, сколько жителей в луне!
Брось Коперниковски сферы,
Глянь в сердечные пещеры!
В душе твоей глагол, вот будешь с ним весёл!

«Рыдание души» — поэтическая метафора, необыкновенная по своей смелости не только для 1760-х годов, но для более позднего «романтического» времени,⁹⁸ прекрасно выражает «душу» его стиля, поставленного на службу одному стремлению — проникнуть

⁹⁶ Там же, т. I, стр. 334.

⁹⁷ Григорий Сковорода, Твори, т. II, стр. 51.

⁹⁸ В. Э. р. Григорий Саввич Сковорода. М., 1912, стр. 77—92.

за внешнее, за оболочку мира и понять самое сложное в нем — «бездну человеческого духа».

Бездна духа есть в человеке, вод всех ширше и небес.
Не насытишь тем вовеки, что пленяет зрак очес.⁹⁹

В своей устремленности во «внутренний мир души человеческой» (Белинский) Сковорода существенно отличается от Ломоносова, которому такое углубление было чуждо. Поэтому «веселье» у Ломоносова — результат победы над врагами поэта, а у Сковороды — над внутренними бурями, над страстями, влекущими человека в мир корысти и насилия.

Сковорода, таким образом, в отличие от Ломоносова, уже входит в общеевропейское преромантическое движение, противопоставлявшее классицизму углубленную разработку внутренних противоречий индивидуального сознания, в котором поэты-преромантики видели отражение противоречий большого мира со всеми его социальными конфликтами.

Расхождение между Ломоносовым и Сковородой в поэтической проблематике не касается, однако, некоторых исходных принципов их поэтического стиля. И Ломоносов и Сковорода как поэты действовали в ту эпоху, когда и в русской и особенно в украинской литературах еще велика была роль барочной поэзии, с которой в русской литературе успешно вел борьбу Ломоносов, а в украинской — Сковорода.

А. М. Ниженець сопоставляет философскую лирику Г. С. Сковороды с творчеством Хераскова 1760-х годов. Не все в этом сопоставлении бесспорно и убедительно, но само по себе сравнение ранней лирики Хераскова со значительными в ней «предсентименталистскими» мотивами, с поэтическими раздумьями украинского философа вполне оправдано известным внутренним родством между ними, наличием определенного общего интереса к разработке проблем индивидуальной психологии.¹⁰⁰ Но в поэзии Сковороды внутренний человек изображается в борении с самим собой и с миром, в то время как у Хераскова изображение различных психологических состояний души большей частью превращается в анализ душевной способности вообще.

Роль Г. С. Сковороды в борьбе и развитии литературных направлений в украинской литературе его времени в одном отношении подобна роли Ломоносова в русской. Как Ломоносов не просто отбросил весь накопленный поэзией русского барокко поэти-

⁹⁹ Григорий Сковорода, Твори, т. I, стр. 22.

¹⁰⁰ А. М. Ниженець. Поетична творчість Г. С. Сковороди і російська література XVIII ст. — В кн.: Труды Филологического факультета Харківського університета, т. 3, Харків, 1956, стр. 276—287.

ческий опыт, но использовал его в своем творчестве, создав русскую, ломоносовскую оду — особое явление в истории европейской одической поэзии и в то же время одно из наиболее значительных поэтических достижений русского классицизма, так и Сковорода, воспитанник и наследник украинской барочной поэзии, преодолел ее эстетические догмы и идейную отсталость и ограниченность и включил украинскую литературу своего времени в общеевропейское движение преромантизма.

Г. Н. МОИСЕЕВА

М. В. ЛОМОНОСОВ НА УКРАИНЕ

О пребывании М. В. Ломоносова в Киеве впервые стало известно из его биографии, составленной акад. Я. Штелином. Последний записывал со слов Ломоносова рассказы о его жизни. Эти материалы Я. Штелин использовал в конспекте похвального слова, которое он предполагал произнести в Академическом собрании после кончины Ломоносова.

В конспекте похвального слова Ломоносову кратко рассказано о том, что в годы юности он посетил Украину: «Принятый в Спасский монастырь, с жадностью набирался сведений. Обогащенный познаниями, учил детей священника. Предался изучению латинских и греческих авторов и рукописей, писанных на русском языке. В 1733 году отправился в Киев, но не нашел там лекций по физике и философии, которых добивался. Возвратился в Москву и с жаром предался науке».¹

Немного позднее Я. Штелин использовал свои заметки о М. В. Ломоносове в статье, написанной на немецком языке: «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелином». Однако до того как эта статья Я. Штелина была опубликована М. П. Погодиным в 1850 г. в журнале «Москвитянин» (№ 53), она оказалась широко использованной при составлении биографии Ломоносова для первого полного академического издания его сочинений. В примечании Штелина к заглавию тетради отмечено следующее: «Эти анекдоты по приказанию княгини Дашковой, президента Академии наук, были переведены на русский язык, и с исключением некоторых менее важных мест напечатаны под заглавием: Жизнь Ломоносова, при первом томе его сочинений, изданных Академиею, в 4, в 1784 году».²

¹ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова, отв. ред. П. Н. Берков, Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 24.

² «Москвитянин», 1850, № 53, отд. III, стр. 1.

Д. С. Бабкин убедительно показал, что составителем биографии Ломоносова был писатель Михаил Веревкин,³ который проделал большую работу по изысканию всех доступных в его время материалов. В интересующий нас раздел биографии Ломоносова об учебе в Славяно-греко-латинской академии и о поездке в Киев М. Веревкин внес некоторые уточнения:

«Черты и анекдоты для биографии Ломоносова»
Штелина

Академическая биография,
составленная
М. Веревкиным

Так как жажда его (Ломоносова, — Г. М.) к познаниям не могла быть вполне удовлетворена в семинарии, то он просил начальников отослать его на год в Киев для изучения философии, физики и математики. Там нашел он одни сухие бредни вместо философии, но совершенно никаких материалов для физики и математики. А потому не остался и года в этой Академии, где за недостатком других книг прилежно перечитывал он летописи и творения св. отцов.

Зайконоспасская библиотека не могла насытить жадности его (Ломоносова, — Г. М.) к наукам, прибегнул к архимандриту с усиленною просьбою, чтобы послал его на один год в Киев учиться философии, физики и математики; но и в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь в чтении древних летописцев и других книг, написанных на славенском, греческом и латинском языках.⁴

М. Веревкин указал и год пребывания Ломоносова в Киеве — 1734 г. (вместо 1733 г. у Я. Штелина). Но Я. Штелин ошибся и в дате отъезда Ломоносова в Германию, назвав 1734 г. вместо 1736 г. Кроме того, как видно из сравнения, М. Веревкин уточнил предмет интересов Ломоносова в Киеве: «Словопрения Аристотелевой философии», чтение «древних летописцев и других книг, написанных на славенском, греческом и латинском языках». О чтении летописей в Киеве говорит и Я. Штелин, но вместо «других книг» он сообщает о «творениях св. отцов».

³ Д. С. Бабкин. Биографии Ломоносова, составленные его современниками. «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. II, М.—Л., 1946, стр. 5—48. В настоящее время доводы Д. С. Бабкина подтверждаются еще новым неопровержимым фактом. В ЦГАДА хранится «Прошение Михаила Веревкина с объяснением его литературных трудов», адресованное Екатерине II. В этом прошении перечислены начиная с 1763 г. все труды М. Веревкина. Пункт 12 «Жизнь Михайлы Васильевича Ломоносова пред новейшим изданием его сочинений, печатанных в типографии Санктпетербургской Академии наук» (ЦГАДА, ф. 17, № 118, л. 3 об.). Черновой вариант этого прошения, извлеченный из бумаг М. Веревкина, напечатан в «Москвитяине» (1842, вып. VI, стр. 401). Биография Ломоносова там значится в пункте 19 под рубрикой «Переводы». Подавая прошение на имя Екатерины II, М. Веревкин, как видим, переработал его текст.

⁴ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 18—19.

Это уточнение М. Веревкина, которое, как мы увидим далее, полностью подтверждается вновь найденными материалами, свидетельствует о том, что, собирая сведения для биографии Ломоносова, он имел и какие-то новые данные (по сравнению с Я. Штелином) о пребывании Ломоносова в Киеве. Сам М. Веревкин в примечаниях к биографии Ломоносова в некоторых случаях (особенно когда он не соглашается с предшествующими биографами) ссылается на имевшийся в его распоряжении документальный материал. Так, например, в доказательство того, что Ломоносов не в 1734 г. был переведен из Заиконоспасского училища в Петербургскую академию наук, а значительно позднее, М. Веревкин приводит «своеручную расписку» Ломоносова «в приеме жалования за генварскую треть 1735 года трех рублей пятидесяти копеек».⁵ М. Веревкин приводит и документальные данные о преподавателях Славяно-греко-латинской академии времени обучения в ней Ломоносова.⁶

Обстоятельная и наиболее полная биография Ломоносова, написанная М. Веревкиным, в течение долгого времени являлась единственным источником сведений о гениальном ученом и поэте. Так, из этой биографии черпает материалы А. Н. Радищев при создании главы «Слово о Ломоносове», заключающей «Путешествие из Петербурга в Москву».

Академическая биография,
составленная
М. Веревкиным

Через год после того (после поступления в Славяно-греко-латинскую академию, — Г. М.) столько стал он силен в латинском языке, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи. Тогда начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые в оной книги утвердили его в языке славенском...

Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усильною просьбою, чтобы послал его на один год в Киев... но и в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии...⁷

«Слово о Ломоносове»
А. Н. Радищева

Упорное прилежание в учении языков сделало Ломоносова согражданином Афин и Рима... Тако Ломоносов, получивши сведение латинского и греческого языков, пожирал красоты древних витий и стихотворцев...

Представил бы его имущего знания в древних рукописях своего училища и гоняющегося за видом учения, везде где казалось быть его хранилище. Часто обманут бывал в ожидании своем...⁸

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 57.

⁷ Там же, стр. 18—19.

⁸ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 382.

Академическая биография Ломоносова явилась источником для составления «Жизнеописания Ломоносова», опубликованного в 1841 г. Б. М. Федоровым в «Трудах императорской Российской Академии» (ч. IV). Интересующий нас в настоящее время эпизод из жизни Ломоносова о поездке в Киев представлен Б. М. Федоровым так: «Часы, свободные от учения, он проводил в Заиконоспасской библиотеке. Там-то почерпнул он основательное сведение о словенском языке: чтение творений святых отцев, летописей и других книг было светильником ему уму, и более всего послужило к развитию его способностей; но жажда любопытства его еще не была удовлетворена. Он упросил архимандрита отправить его в Киев для изучения философии, математики и физики... Но Ломоносов не нашел в Киеве, чего ожидал; способ преподавания философии, бывший в то время в Киевской академии, наскучил ему; словопрения утомили его, а в математике, и особенно в физике, привлекавшей его любопытство, он не имел возможности там успеть, почему не пробыв и года в Киеве, возвратился в Заиконоспасскую академию».⁹

Известие о пребывании Ломоносова в Киеве (в интерпретации, сообщенной академической биографией) в первой половине XIX в. вошло во все книги, где хоть немного говорилось о его жизни. Так, в 1843 г. о поездке Ломоносова в Киев писал Макарий Булгаков,¹⁰ в 1845 г.¹¹ — Евгений Болховитинов, в 1849 г. — Н. Мизко, автор книги о русской словесности,¹² в 1850 г. — историк г. Киева Н. Закревский,¹³ в 1855 г. — С. Смирнов, историк Славяно-греко-латинской академии.¹⁴

В начале 50-х годов XIX в. известный киевский ученый, историк науки, литературы, философии и религии реакционный писатель В. И. Аскоченский начал работу над большим исследованием: «Киев с древнейшим его училищем Академиею». Аскоченский собрал предварительно ряд документов по истории Киевской академии: «Акты Киево-Братского училищного монастыря», которые позднее были переданы им в Киевский церковно-археоло-

⁹ Труды императорской Российской Академии, т. IV. СПб., 1841, стр. 59—60.

¹⁰ Макарий Булгаков. История Киевской академии. СПб., 1843, стр. 169.

¹¹ Евгений Болховитинов. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших о России, т. II. М., 1845, стр. 15—16.

¹² Н. Мизко. Столетие русской словесности с 1739 по 1839 год. Одесса, 1849, стр. 25—26.

¹³ Н. Закревский. Летопись и описание города Киева, ч. I. Киев, 1850, стр. 50.

¹⁴ С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 251.

гический музей и описаны акад. Н. И. Петровым.¹⁵ Кроме того, им собраны «Материалы для Киева с Академиею» (ГПБ АН УССР, Собр. В. И. Аскоченского, № 13).¹⁶

В 1854 г. Аскоченский закончил задуманный им труд (экземпляр, подготовленный к набору, хранится в ГПБ АН УССР под № 10), и в 1856 г. в Киеве вышло двухтомное издание книги «Киев с древнейшим его училищем Академиею».

Во второй части книги Аскоченского рассказывается о пребывании в Киево-Могилянской академии Ломоносова: «В 1733 году в обители Братской появился знаменитый пришлец, которому суждено было потом сделаться преобразователем русского слова. К ректору академии Амвросию Дубневичу препровожден был при отношении киевского генерал-губернатора Леонтьева Михайло Ломоносов, которому высочайше повелено было здесь продолжать науки, начатые им в Московском Заиконоспасском училище. В короткое время этот человек, полный гениального ума, успел присмотреться к порядку, существовавшему в киевских школах; но, повинувшись высшему призванию, оставил училище, мало соответствовавшее его планам и надеждам».¹⁷

Определяя цель приезда Ломоносова на Украину, Аскоченский полагал, что «Ломоносов имел в виду изучить собственно русский говор, но в Киеве он не мог его услышать, ибо народ говорил наречием малороссийским с примесью польского, а в академических аудиториях слышался малопонятный ему язык латинский».¹⁸

Все это рассуждение Аскоченского вызывает недоумение. Во-первых, киевским генерал-губернатором с 1732 г. был не генерал Леонтьев, который занял эту должность лишь в 1738 г.,¹⁹ а Семен Сукин. И Аскоченский отлично в этом осведомлен, так как на следующей странице своей книги им приведена цитата из именного указа 1737 г., адресованная киевскому генерал-губернатору Семену Сукину.²⁰ Кроме того, Киевская академия в XVIII в. в правовом отношении подчинялась не генерал-губернатору, а киевскому митрополиту. Непонятной также кажется попытка В. И. Аскочен-

¹⁵ Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея, вып. I. Киев, 1875, стр. 214—215.

¹⁶ Архив В. И. Аскоченского в настоящее время хранится в составе собрания Киевской духовной академии в Гос. Публичной библиотеке АН УССР в Киеве. Благодаря большой любезности заведующего Отделом рукописей Н. П. Визиря я имела возможность с ним ознакомиться еще до того, как будет закончено его описание. За большую помощь во время работы в Отделе рукописей ГПБ АН УССР приношу глубокую благодарность Н. П. Визирю и всем сотрудникам Отдела рукописей и старопечатных книг.

¹⁷ В. И. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856, стр. 85.

¹⁸ Там же, стр. 85.

¹⁹ Н. Закревский. Летопись и описание города Киева, стр. 245.

²⁰ В. И. Аскоченский, ук. соч., стр. 86.

ского объяснить поездку Ломоносова в Киев его желанием «изучить собственно русский говор». В. И. Аскоченский представлял, по-видимому, что Ломоносов не знал, прожив до 19 лет в Архангельском крае и обучаясь в Москве, «русского говора» и не представлял себе, что на Украине говорят по-украински. Совсем же нелепым является указание на то, что латинский язык, на котором велось преподавание в Киевской академии, был для Ломоносова «малопонятным». Разве Аскоченский не знал, что и в Московской Славяно-греко-латинской академии преподавание также велось на латинском языке, которым Ломоносов, по сообщению академической биографии, так овладел, что уже на втором году обучения «столько стал он силен в латинском языке, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи».²¹

Известно также, что в период обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов занимался и греческим языком.

В сообщении Аскоченского привлекают внимание две стороны: новая дата поездки Ломоносова в Киев — 1733 г. (в академической биографии, составленной М. Веревкиным, назван 1734 год) и отсутствие указания на документ, которым оперирует Аскоченский. Во всех других подобных случаях Аскоченский называет источники своих сведений.

Нами были предприняты специальные розыски с целью обнаружения документа, на который мог ссылаться Аскоченский, просмотрен de visu весь его архив. Но подобного документа не найдено. Рукопись же Аскоченского, с которой набиралась книга «Киев с древнейшим его училищем Академиею», помогла нам раскрыть приемы его работы.

На л. 228, где Аскоченским описан интересующий нас эпизод пребывания Ломоносова в Киеве, этой же рукою три раза изменена дата приезда Ломоносова в Братский монастырь. Первая дата — 1736 год, вторая — 1734 год, третья — последняя, вошедшая в издание, — 1733 год. Цифра 3 написана «жирно», с большим нажимом. Она гораздо выше трех предшествующих цифр. Это сделано для того, чтобы «перекрыть» два предыдущих написания.

Совершенно очевидно, что если бы Аскоченский имел в руках документ, ему бы не было необходимости трижды менять дату (ибо в документе не может быть трех дат). Следовательно, он не располагал никаким «сопроводительным» письмом киевского генерал-губернатора Леонтьева, тем более, что и Леонтьев не был тогда генерал-губернатором г. Киева.

Еще проф. А. И. Андреев в своем докладе о поездке Ломоносова на Украину (об этом докладе мы специально будем говорить ниже) высказал предположение, что Аскоченский дату поездки

²¹ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 58.

Ломоносова в Киев (1733 г.) почерпнул из публикации М. Н. Погодиным в журнале «Москвитянин» (1850, № 53) записок Я. Штелина «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелином». Выше уже говорилось о том, что Я. Штелин в некоторых случаях перепутал даты событий (так, например, поездку в Германию он отнес к 1734 г., тогда как она состоялась в начале 1736 г.), а М. Веревкин, использовавший записки Я. Штелина для составления академической биографии Ломоносова, во многих случаях внес на основании документов уточнения и исправления.²² Это предположение проф. А. И. Андреева, не видевшего рукописи Аскоченского, полностью подтверждается нашими разысканиями. Аскоченский сначала, видимо, пользовался данными академической биографии (отсюда первоначальная дата 1734 г.), затем появилась дата 1736 г. и, наконец, из записок Я. Штелина — 1733 г.

Уже в XIX в., сразу же после выхода, книга Аскоченского «Киев с его древнейшим училищем Академиею» была отчасти встречена передовой русской наукой того времени. В 1857 г. в «Отечественных записках» появилась рецензия на эту книгу, в которой уже тогда было отмечено, что «сочинитель любит украшать факты за счет их исторической точности», что «поэтическая вольность — лозунг господина сочинителя».²³

Аргументация Аскоченского, не подтвержденная документальными данными о пребывании Ломоносова в Киеве, породила недоверие к самому этому факту. Перед наукой встал вопрос о необходимости установления факта поездки Ломоносова на Украину. Мнение ученых разделилось: некоторые продолжали доверять сведениям, сообщенным в академической биографии Ломоносова, другие требовали документальных доказательств его пребывания в Киеве. Такое положение в науке сложилось уже в конце XIX — начале XX в. Так, Б. Н. Меншуткин в «Жизнеописании Михайла Васильевича Ломоносова», изданном в 1911 г., принял свидетельства академической биографии о поездке в Киев: «В конце 1734 года Ломоносов, перешедший в класс философии, после усиленных просьб у архимандрита, был послан на один год в Киевскую духовную академию, славившуюся тогда своими учеными силами: он надеялся поучиться там математике и физике, но не нашел в Киеве желаемого и вернулся в Москву в 1735 г., еще до истечения года».²⁴ В новых же советских изданиях книги Б. Н. Меншуткина в описании поездки Ломоносова в Киев сказались влияние книги Аскоченского: «По специальному ходатайству Ломоно-

²² Там же, стр. 14—27.

²³ «Отечественные записки», 1857, кн. 1, стр. 39—40.

²⁴ Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание Михайла Васильевича Ломоносова. СПб., 1911, стр. 13.

сова, архимандрит командировал его, после того как он перешел в декабре 1734 г. в класс философии, в Киев, чтобы пробыть год для завершения образования в Киевской духовной академии, в то время считавшейся первым из русских высших учебных заведений».²⁵

А. А. Морозов первый из советских исследователей подверг критике систему доказательств Аскоченского в пользу пребывания Ломоносова в Киеве, не отрицая возможности поездки его на Украину. В книге «Михайло Васильевич Ломоносов» А. А. Морозов выдвинул предположение, что Ломоносов был в Киеве в 1734 г. «в летнее вакационное время».²⁶

В книге «Юность Ломоносова» А. А. Морозов уточнил время пребывания Ломоносова в Киеве: «Скорее всего это могло случиться осенью 1734 г. Это же и объясняет отсутствие имени Ломоносова в сохранившихся списках студентов Киевской академии или каких-либо других документальных упоминаний, подтверждающих эту поездку».²⁷ Более подробно А. А. Морозов изложил свои взгляды на возможность поездки Ломоносова на Украину в последней работе — «М. В. Ломоносов. Путь к зрелости». Исходя из того, что многие факты академической биографии Ломоносова, составленной М. Веревкиным, подтверждаются новыми данными,²⁸ у исследователей не имеется оснований не доверять и этому известию. А. А. Морозов пишет: «Если Ломоносов действительно побывал в Киеве, то произошло это, скорее всего, только после его неудачной попытки принять участие в экспедиции Кирилова, т. е. не ранее осени 1734 г., на пороге класса философии Спасских школ или уже в нем. К этому времени Ломоносов основательно изучил латынь и стал искать путей научиться „философии, физике и математике“, а главное мог должным образом оценить „пустые словопрения Аристотелевой философии“ и получить к ней отвращение. Скорее всего это могло быть либо сразу после инцидента в Ставленническом столе, т. е. в сентябре месяце 1734 г., или летом 1735 г. во время общих вакаций».²⁹

В 1952 г. вышла книга В. В. Данилевского, в которой автор поставил себе задачу собрать все материалы о пребывании Ломоносова на Украине, заново пересмотреть и оценить все источники

²⁵ Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М.—Л., 1947, стр. 24—25.

²⁶ А. А. Морозов. Михайло Васильевич Ломоносов. Л., 1952, стр. 178.

²⁷ А. А. Морозов. Юность Ломоносова. Архангельск, 1958, стр. 522.

²⁸ Так, А. А. Морозову, отыскавшему список книг из библиотеки Г. Бужинского, удалось подтвердить правильность показаний М. Веревкина о том, что во время учения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов читал «малое» количество книг по физике и математике (см.: А. А. Морозов М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. М.—Л., 1962, стр. 171—172).

²⁹ Там же, стр. 172.

и накопившиеся в науке суждения. Книга В. В. Данилевского так и называется: «Ломоносов на Украине». Естественно, что перед исследователем стояли большие трудности, так как по существу, кроме сообщения академической биографии и записок Я. Штелина, он ничем другим не располагал. В. В. Данилевский предпринял поиски в архивах Москвы, Киева и Ленинграда документальных данных о пребывании Ломоносова в Киеве. Но новых материалов найдено не было, и В. В. Данилевский пошел по пути, начатому В. И. Аскоченским, суждения которого он высоко ценит, и весь выдуманный В. И. Аскоченским эпизод с препроводительным письмом к генерал-губернатору г. Киева Леонтьеву им принят как документальный факт.³⁰ В. В. Данилевский мог бы ограничиться анализом отражения темы Украины в литературных, исторических и естественнонаучных трудах Ломоносова. Но В. В. Данилевский не сделал попытки свести воедино даже имевшиеся в его распоряжении отдельные, иногда интересные наблюдения, а приписал Ломоносову работу Г. Ф. Юнкера «О соляном деле», написанную последним, как это показано в исследовании Г. А. Андреевой,³¹ в начале 40-х годов XVIII в.

Книга В. В. Данилевского «Ломоносов на Украине» встретила резко отрицательные отзывы у научной общественности. Следует отметить, что с выходом книги В. В. Данилевского «Ломоносов на Украине» возросло недоверие к самому факту пребывания Ломоносова в Киеве, что нашло непосредственное отражение в докладе А. И. Андреева, прочитанном им в Музее Ломоносова 15 апреля 1954 г.³² В докладе А. И. Андреев говорил о том, что учеными не найдено новых источников, которые бы осветили вопрос о пребывании Ломоносова на Украине. Имеющиеся же источники остаются по-прежнему неизученными. Рассмотрев все эти известия, А. И. Андреев пришел к заключению о том, что Ломоносов не был ни на Украине, ни в Киеве.³³

Наиболее полной и обстоятельной критике книга В. В. Данилевского «Ломоносов на Украине» была подвергнута в статье А. А. Морозова «По неверному пути», опубликованной в 1955 г. в журнале «Звезда». А. А. Морозов, указав на плодотворность постановки самой темы, показал, каким неправильным путем пошел исследователь в решении важных научных вопросов.³⁴

³⁰ В. В. Данилевский. Ломоносов на Украине. Л., 1954, стр. 17—18.

³¹ Г. А. Андреева. М. В. Ломоносов и Г. Ф. Юнкер. — «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. IV, М.—Л., 1960, стр. 141—157.

³² Г. Е. Павлова. Ломоносовские заседания Академии наук СССР в Ленинграде (1947—1956). — «Ломоносов», сборник статей и материалов, т. IV, стр. 392—393.

³³ Там же, стр. 393.

³⁴ А. А. Морозов. По неверному пути. — «Звезда», 1955, № 3, стр. 180—185.

В декабре 1961 г. на заседании Группы XVIII век Пушкинского дома АН СССР В. К. Макаров сделал доклад, где вновь был поставлен вопрос о пребывании Ломоносова в Киеве. Важным аргументом в системе доказательств В. К. Макарова явился показ художественного воздействия киевских мозаик на мозаическое искусство Ломоносова.³⁵ Особенно очевидное влияние оказали на Ломоносова мозаики Михайловско-Златоверхого монастыря. Однако «скептиков» в вопросе о пребывании Ломоносова на Украине (число которых возросло после выхода книги В. В. Данилевского) не могли убедить художественные параллели при отсутствии документальных данных.

Предстояло найти новые пути для решения вопроса о пребывании Ломоносова на Украине.

Моей поездке в Киев предшествовала большая работа над изучением почерка Ломоносова (на протяжении всей его жизни) начиная с 1726 г. по 1765 г. — год его смерти. Кроме того, я выявляла манеру его обращения с книгами: систему пометок, выписок. Основной задачей было определение круга памятников древнерусской литературы, известных Ломоносову. Предварительно, на основе анализа литературных сочинений и исторических трудов Ломоносова, был установлен список использованных им произведений древней Руси.

Результатом всей этой работы было выявление 44 древних рукописей, сохранивших более 3000 пометок и приписок на полях и в тексте. Эти пометы имеют громадное значение для изучения многогранной деятельности и мировоззрения Ломоносова, ибо они касаются самых разнообразных его интересов как историка, поэта, этнографа, фольклориста, естествоиспытателя, астронома, лингвиста и филолога.³⁶

В рукописных собраниях Москвы удалось выяснить тип помет и приемы работы Ломоносова с рукописями во время его учения в Славяно-греко-латинской академии, что имело значение и для выявления круга его интересов, а также для подтверждения достоверности его академической биографии, в которой говорилось, что уже в тот ранний период «в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке».³⁷

³⁵ Вопрос о влиянии киевских мозаик В. К. Макаров впервые поставил в своей книге: *Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики*. М.—Л., 1950, стр. 40—41.

³⁶ Г. Н. Моисеева. Работа М. В. Ломоносова над древними рукописями. — *Русская литература*, 1962, № 1, стр. 181—194.

³⁷ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 58.

Выяснилось также, что Ломоносов является первым русским археографом, подготовившим к изданию древнейшую русскую летопись «Повесть временных лет».

В Киеве передо мной стояли две основные задачи: 1) попытаться найти материалы Аскоченского, опираясь на которые он в своей книге «Киев с его древнейшим училищем Академиею» рассказал о пребывании в Киево-Братском монастыре Ломоносова в 1733 г.; 2) просмотреть рукописи и книги, в первую очередь библиотеки Киево-Братского монастыря (где помещалась Киево-Могилянская академия), а также собрания других киевских монастырей. Естественным хронологическим пределом для просмотра был 1735 год, так как с этого года биография Ломоносова не имеет неясностей: известно, что во второй половине 1735 г. он был в Москве, что с лучшими учениками Славяно-греко-латинской академии его направили в Санктпетербургскую Академию наук, где он пробыл несколько месяцев, изучая немецкий язык перед отправкой в Германию, что в 1736 г. он прибыл в Марбург. В июне 1741 г. вернулся в Санкт-Петербург и с 1741 г. по 1765 г., т. е. до смерти, в Киеве не бывал.

Первая задача разрешилась довольно быстро. В Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки Академии наук СССР в настоящее время хранится весь архив Аскоченского. Как уже говорилось выше, проверка достоверности рассказа Аскоченского показала, что он не располагал документальным материалом, а грубо, на «ходу» вымышлял эпизод о прибытии в 1733 г. в Киев Ломоносова к генерал-губернатору Леонтьеву с сопроводительным письмом императрицы Анны Иоанновны.

Второй задачей, как уже сказано выше, был просмотр рукописей и книг, в первую очередь из библиотеки Киево-Могилянской академии (с 1814 г. она стала называться Духовной академией), а также рукописей из собраний киевских монастырей конца XVII—начала XVIII в.

Собрание рукописей Киево-Могилянской академии в конце XIX в. было передано в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии.³⁸ В подавляющей части оно описано акад. Н. И. Петровым. Собрания киевских монастырей были также описаны Н. И. Петровым (как монастырские собрания).³⁹ Но очевидно, что состав их с того времени, как их мог видеть Ломоносов, до конца XIX в. значительно изменился. Не секрет, что руко-

³⁸ Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. I. Киев, 1875; вып. II, 1877; вып. III, 1879.

³⁹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. I. М., 1892; вып. II, 1897; вып. III, 1904.

писные собрания монастырей были основным фондом для пополнения личных коллекций таких знатоков и ценителей древней письменности, какими были, например, киевский митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Макарий (Булгаков) и др.

После Октябрьской социалистической революции эти собрания были помещены в Государственной Публичной библиотеке АН УССР, так же как и собрание Духовной академии. Собрание старопечатных книг находится в двух местах: славянские старопечатные книги в ГПБ АН УССР (они описаны С. О. Петровым),⁴⁰ иностранные старопечатные книги остаются в здании Братского монастыря на Подоле (в том здании, где раньше помещалась Киевская академия и ее библиотека), теперь это Филиал ГПБ АН УССР.

Просмотр *de visu* собрания рукописей и книг позволил выявить на 7 рукописях и 3 печатных книгах приписки и пометы Ломоносова.

Приписки и пометы Ломоносова находятся на рукописном списке Киево-Печерского патерика, переписанном в 1553 г. в Киево-Печерской лавре (ГПБ АН УССР, 386. п. 157). Со времени переписки рукопись всегда хранилась в Печерской лавре, где и была описана акад. Н. И. Петровым.⁴¹ В 1931 г., когда рукопись Киево-Печерского патерика в составе собрания Печерской лавры оказалась в Государственной Публичной библиотеке Академии наук УССР, по этому списку она была издана профессором Д. И. Абрамовичем.⁴²

На многих листах этого списка Киево-Печерского патерика имеются приписки и пометы Ломоносова. Не имея возможности остановиться на характеристике всех заметок Ломоносова, обращаю внимание лишь на одну, которая фиксирует материал, претворенный позднее в его историческом труде.

На полях л. 1896 рукою Ломоносова приписано: «*Latini wasi[s]*» — «Латинские сосуды». Эта приписка относится к отрывку из текста житий святых Федора и Василия, в котором передан их рассказ о варяжских сокровищах, спрятанных в пещерах: «Федор... рече: в житии святого Антония поведает варяжский поклажение, понеже сосуди латинстии суть, и сего ради Варяжская Печера зовется и доньне». Текст этот подчеркнут. Доказательством того, что подчеркивание в тексте и латинская приписка принадлежат Ломоносову, помимо анализа почерка, служит ссылка

⁴⁰ С. О. Петров. Книги гражданской печати XVIII в. Киев, 1956.

⁴¹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. II, стр. 123—124.

⁴² Дмитро Абрамович. Киево-Печерський патерик. Киев, 1931, стр. 1—211.

на данный отрывок из Киево-Печерского патерика в «Древней российской истории» (глава 7 «О варягах вообще»): «В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских... Проходя славенскими и чудскими областями, варяги особое пристанище и жительство избрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского». ⁴³ К этой цитате Ломоносовым сделано примечание: «Патерик Печерский в житии святых Феодора и Василия». Доказательством того, что Ломоносов мог пользоваться из всех списков Киево-Печерского патерика только этим, служит то обстоятельство, что остальные пять списков, известных в настоящее время и привлеченных к изданию и исследованию Д. И. Абрамовичем, ⁴⁴ до конца XIX—начала XX в. находились в частных собраниях. Поэтому В. Н. Татищев пользовался печатным изданием Киево-Печерского патерика Киево-Печерской лавры 1661 г. с предисловием Петра Могилы (на которое он ссылается), а Г. Ф. Миллер ссылался на издание Патерика 1702 г.

Для того чтобы убедиться в том, что Ломоносов ссылался именно на рукопись, а не на печатное издание Киево-Печерского патерика, достаточно обратить внимание на систему его подстрочных примечаний в «Древней российской истории»: при ссылке на печатное издание Ломоносов, как правило, указывает или страницу, или главу и параграф, где помещен интересующий его текст, ⁴⁵ при пользовании же рукописями он только указывает их условное название (например: «Новгородский летописец», «Нестор», «Степенные»), и это понятно — пагинация рукописей явление более позднего времени. Таким образом, характер ссылки на «Патерик Печерский» показывает, что Ломоносов пользовался не печатным изданием, а рукописным текстом.

Работая над рукописью Киево-Печерского патерика, находящейся в Киево-Печерской лавре, Ломоносов внимательно изучил весь его текст.

На л. 130 почерком XVII в. в текст Киево-Печерского патерика внесено изменение: в строке зачеркнуто слово «Герасима» и над строкой написано «Еустафия». Это изменение — следствие порчи текста, так как и в предшествующем и в последующем текстах рукописи речь идет о «мученике» Герасиме. На полях против текста, где зачеркнуто имя «Герасима» и поставлено «Еустафия», рукою Ломоносова приписано: «Исправка велми удивительная», и этими же чернилами зачеркнуто имя «Еустафия».

⁴³ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 204, прим. 1. (Далее: Ломоносов, ПСС).

⁴⁴ Д. И. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Киев, 1931, стр. XXI.

⁴⁵ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 176—216.

В рукописи Киево-Печерского патерика много помет Ломоносова, относящихся к первому русскому митрополиту Илариону. На л. 24—24 об. знаком # отмечен следующий текст: «Егда же благочестивый князь Ярослав победи Святополка и седе в Киеве, боголюбивому же князю Ярославу любящу Берестово и церковь святых апостол, священники многы наводящу. В нем же бе презвитерь, именем Иларионь, муж блачествив, божественным писанием разумень и постник».

На л. 60 отмечен и рассказ об Иларионе в передаче печерского инока. Пометы Ломоносова фиксируют внимание и на отображении в Киево-Печерском патерике исторических событий (походов против половцев, союзов князей и т. д.). Все эти материалы Ломоносов позднее использует в работе над отображением исторических событий XI—XII вв. в «Древней российской истории».

Анализ почерка (русского и латинского), которым сделаны приписки в Киево-Печерском патерике, ссылка на этот источник в «Древней российской истории» с очевидностью свидетельствуют о том, что Ломоносов пользовался именно этой рукописью, находившейся тогда в Киево-Печерской лавре.

В составе собрания Киево-Печерской лавры находится сборник начала XVIII в. (ГПБ АН УССР, 352, п. 169), включающий «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского и «Каталог митрополитов киевских с летописанием вкратце», оканчивающийся известием о смерти митрополита Иосафа Кроковского в 1718 г.

Этот «Каталог» в своей первоначальной части весь пестрит пометами Ломоносова. Им отмечены все события, связанные с пребыванием на киевской митрополии Илариона. Знаки и пометы стоят против сообщения о первых киевских митрополитах-греках: Михаиле, присланном в Киев цареградским патриархом Леонтием, Неофите и др. Все эти материалы также нашли позднее свое претворение в «Древней российской истории».

Находясь в Киеве, Ломоносов, как писал об этом в академической биографии М. Веревкин, читал русские летописи и также сочинения, написанные на латинском и греческом языках.⁴⁶

В собрании Киево-Братского монастыря находится курс латинской философии (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 155), переписанный в 1702 г., — «Antagonium cursus philosophici seu introductio brevis in Logicam vulgo Dialecticam». Весь этот курс тщательно изучен Ломоносовым: текст почти на всех местах имеет много подчеркиваний, знаков на полях. А на л. 6 против текста, где излагается диа-

⁴⁶ Приношу благодарность А. И. Доватуре, А. Н. Егунову и И. Н. Лебедевой за консультацию при работе над латинскими и греческими текстами и за помощь в атрибуции латинского почерка Ломоносова.

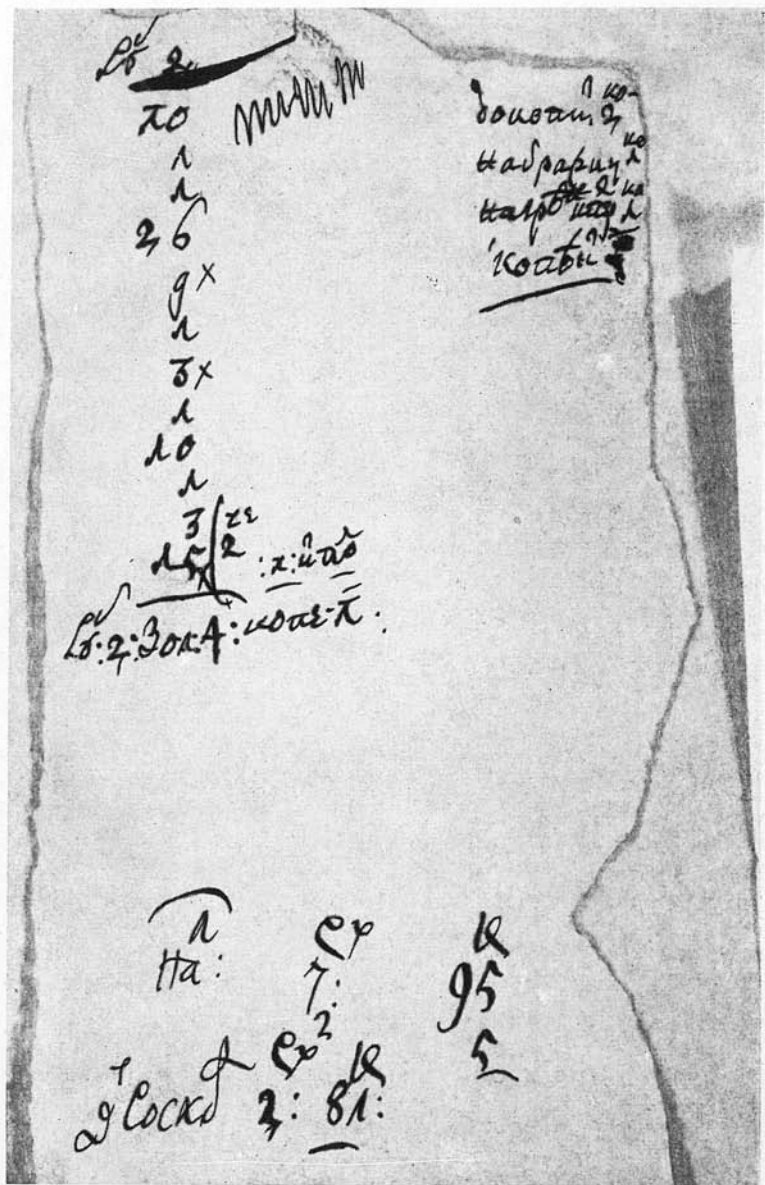

Рис. 2. Листок с расчетами, сделанными Ломоносовым.
 ГПБ АН УССР, Д. С. п. 170, вкладка между лл. 45 об.—46.

лектика по Аристотелю, стоит типичная для Ломоносова помета # и текст, написанный на полях рукою Ломоносова.

Чтобы понять сущность приписки Ломоносова, необходимо хотя бы очень обще охарактеризовать текст, с которым полемизирует Ломоносов. Здесь речь идет о гносеологических процессах. Составитель курса излагает концепцию Аристотеля о познаваемости мира посредством «действий ума»: «Разум ... производит и строит ... образ вещи». Ломоносов на полях пишет: «Circa rem non cognitionem rei, sed ipsa(m) re(m) primario et principaliter repraesentat, quoniam a(ute)m quaelibet res tripliciter possit ab intellectu cognosci et repraesentari, hinc etiam triplex est qu(odammod)o intellectus»⁴⁷ — «Что касается вещи, не познание вещи, а самую вещь в первую очередь и главным образом воспроизводит (разум), а так как любая вещь может быть познана и воспроизведена разумом тройственным образом, отсюда также некоторым образом тройственен и сам разум».

Позднее, в 1738—1741 гг., в «276 заметках по физике» Ломоносов разовьет свое понятие «тройственности» познания мира как субстанции, количества и качества: «Materia prima Aristotelis, quam ὑλην vocant, idem est cum ente simplici, hoc est neque quid neque quale neque quantum» — «Первичная материя Аристотеля, называемая ὑλη, тождественна с простой сущностью, иначе говоря, с тем, к чему не приложимы „что“, „какой“ и „сколько“».⁴⁸

Научный спор с философскими концепциями Аристотеля Ломоносов ведет и в ряде своих позднейших работ. Так, известно, что в предисловии к переводу «Волфианской экспериментальной физики» (1746 г.) Ломоносов написал, что философия средних веков много «претерпела ... от слепого прилепления ко мнениям славного человека ... Все, которые в оной упражнялись (в философии, — Г. М.), одному Аристотелю последовали и его мнения за неложные почитали. Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней много зависят».⁴⁹

Заслугой Картезия (Декарта) Ломоносов считает в первую очередь то, что он «первый из новых философов... осмелился Аристотелеву философию опровергнуть», благодаря чему «ученых людей ободрил против Аристотеля ... в правде спорить и тем

⁴⁷ ГПБ АН УССР, Д. С. п. 155, л. 6.

⁴⁸ Ломоносов, ПСС, т. I, стр. 118—119.

⁴⁹ Там же, стр. 423.

самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению».

Сам Ломоносов, как мы видим, еще совсем молодым также «осмелился» спорить с Аристотелем и противопоставлять его пониманию гносеологических процессов свое, основанное на достижениях новой философии (Декарт, Гюйгенс и др.).⁵⁰

В собрании Киево-Братского монастыря находится курс философии, переписка которого была начата в сентябре 1733 г. (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 170), — «Liber Philosophiae quadripartitus, id est Logica, Metaphysica, Physica et Ethica ad mentem Aristotelis Stagyrtae (sic!) eo methodo, quo traditur in scholis biennio scribendus et explicandus in Collegio Kijovomohylano . . . anno Domini 1733 Septembris 17».

Этот курс тоже внимательно изучен Ломоносовым: текст подчеркнут на многих листах, на полях стоят *В*. В этом курсе между лл. 45 об. и 46 лежит обрывок бумаги, на котором рукою Ломоносова сделан подсчет денег (рис. 2).

В правом верхнем углу и в левом нижнем углу листка читается следующий текст: «докопить 2 коп. на бражку 1 коп. на грѣни верх 1 коп. копѣек 2»; «На 1 руб. 7 коп. 95. От расходу руб. 2 коп. 81.5».

Эта маленькая записочка, забытая Ломоносовым в рукописном философском курсе, не только раскрывает нам бытовую сторону его жизни в этот период, но и заставляет вспомнить знаменитые слова А. С. Пушкина о Вольтере: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя они были бы не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертывавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов».⁵¹

Мы знаем, что Ломоносов не любил рассказывать о годах своего трудного детства и юности. Один только раз в письме к И. И. Шувалову он вспомнил о том времени, когда он «обучался в Спасских школах» (т. е. московской Славяно-греко-латинской академии): «. . . имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку хлеба и на

⁵⁰ Как показал А. А. Морозов, с книгами Декарта и Гюйгенса Ломоносов познакомился, обучаясь еще в Славяно-греко-латинской академии (А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 126—180).

⁵¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 75.

денежку квасу, прочее на бумагу и на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил». ⁵²

Ученики старших классов Славяно-греко-латинской академии получали на «треть года» 3 руб. 50 коп. (М. Веревкин в академической биографии Ломоносова упоминает, что видел его расписку в получении этой суммы за «генварскую треть» 1735 г.).

Ученики же Киево-Могилянской академии не имели хоть сколько-нибудь постоянной материальной поддержки. Единственным источником были «щедроты благодетелей» Братского монастыря. Киевский митрополит Рафаил Заборовский с большим трудом добивался получения денег «на содержание учителей». Ученики же должны были промышлять себе на пропитание собственными силами. ⁵³ Поэтому можно думать, что Ломоносов получил деньги на время пребывания на Украине в Москве в Славяно-греко-латинской академии за последнюю «сентябрьскую треть» 1734 г. Подсчет денег в записке совпадает с этой суммой: на 1-е число (месяц не указан) оставалось 2 руб. 81 коп.

Следует обратить внимание, на что собирается 2 коп. Ломоносов: «на бражку» и на «грѣни верх». «Грѣни верх» — это белый верх. ⁵⁴ Пока нам не удалось точно установить значение этих слов. Возможно, что часть одежды, например, белый воротник или что-либо подобное. А вот выражение «на бражку» может быть раскрыто на основании высказывания самого Ломоносова. Он считал ее настолько полезной, что в составленном им в 1758 г. проекте регламента академической гимназии в § 14, где речь шла о питании учеников, он предлагал ежедневное употребление браги: «К обеду должно подаваться 3, к ужину 2 блюда с достаточным количеством браги домашнего изделия». ⁵⁵

Эта запись расходов, оставленная Ломоносовым в рукописной книге по философии, является документальным доказательством его пребывания в Киеве.

В библиотеке Киево-Братского монастыря Ломоносов познакомился с переписанным там в конце XVII в. учебным руководством по латинской грамматике и литературной теории, составленным в XVI в. иезуитом Альваром (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 230). В этом сборнике помещены также латинские пословицы, расположенные по алфавиту («Congeries sententiarum per alphabetum»). На этой рукописи много разнообразных помет и приписок. На обо-

⁵² Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 479. — Алтын — 3 копейки; денежка — 1/2 копейки, — Г. М.

⁵³ Д. Вишневский. Киевская Академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 45—92.

⁵⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I. СПб., 1893, столб. 603.

⁵⁵ Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 486.

роте 42 приписки Ломоносова на латинском и русском языках, по характеру чрезвычайно близкие к его припискам на принадлежавшем ему экземпляре книги В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». ⁵⁶ Эти приписки — смысловое сопоставление латинских и русских «присловий»:

«ad castra	— до шатра
Ne sutor ultra crepidam	— не швец не сунься в ризи
abi in malam crucem	— пропади ты
Praecipiti e nisu	— с торчь головою». ⁵⁷

Известно, что и позднее Ломоносов большое внимание уделял сравнительному изучению языков, пользуясь и материалами «пословий».

Пометы Ломоносова есть и на курсе поэтики Феофана Прокоповича — «De arte poetica», написанном им в Киеве в 1705 г. (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 246), и на курсе философии из собрания Киево-Братского монастыря (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 175). Но на этих двух рукописях нет приписок, поэтому исследователь, который поставил своей целью изучить имеющиеся пометы, должен в первую очередь выявить отражение материалов, отмеченных разными знаками на полях и в тексте, в собственных работах Ломоносова. Для того чтобы показать плодотворность такого сопоставления «по содержанию», приведем только один пример: рассуждение о вымысле в «Кратком руководстве к красноречию»

⁵⁶ Эти приписки проанализированы в книге П. Н. Беркова: Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 53—54.

⁵⁷ ГПБ АН УССР. Д. С. п. 230, л. 42 об. — Фраза «не швец не сунься в ризи» отнюдь не является переводом латинской цитаты «Ne sutor ultra crepidam» («Сапожник, не суди выше сандали!») — ср. пословицу: «Знай, чеботарь, свое кривое голенище, а в закройщики не суйся!» — В. Даль. Пословицы русского народа, т. III. Изд. 3-е, без перемен, СПб., М., 1904, стр. 106). Она представляет неточную передачу первой части украинской пословицы: «Не піп (поп) — не сунься в ризи; не сунь голови, куди не візе» (М. Н о м и с. Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864, стр. 185, № 9571). Первая половина украинской пословицы встречается и отдельно. Латинской цитате «Ne sutor ultra crepidam» соответствует украинская пословица: «Шведь, знай своє шевство, а в краветтво не мішайся» (там же). Фраза «не швец не сунься в ризи» возникла в результате контаминации двух украинских пословиц, приведенных выше, под влиянием слова «sutor». Это обстоятельство заставляет усомниться в принадлежности Ломоносову записей «Ne sutor ultra crepidam», «не швец не сунься в ризи» и других. Они сделаны украинцем. В противном случае нужно доказать, что за тридцать четыре месяца своего пребывания в Киеве Ломоносов настолько усвоил украинские пословицы, что забыл русский вариант, приводимый Далем: «Когда не поп, так и не мыкайся в ризы!» (Пословицы русского народа, стр. 110). Атрибуция авторства по одному только почерку — прием совершенно ненадежный (Ред.).

Ломоносова и в «Поэтическом искусстве» Феофана Прокоповича. Оба начинают рассуждение «о вымыслах» с выяснения разницы между поэтическим и историческим сочинением. Далее оба говорят о вымыслах «двух родов».

Ломоносов

Вымыслы разделяются на чистые и смешенные. Чистые состоят в целых повествованиях и действиях, которых на свете не бывало ... Смешенные вымыслы состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий.⁵⁸

Ф. Прокопович

Вымысел бывает двояким: вымысел самого события и вымысел способа, которым это событие совершено. Вымысел события имеет место, если поэт деликом выдумывает событие, не существующее и никогда не существовавшее... Вымысел способа бывает, если поэт касается какого-либо реального события ... и измышляют от себя правдоподобный способ (т. е. выдумывает, каким образом подобало или следовало этому событию совершиться).⁵⁹

«De arte poetica» в течение всего XVIII в. оставалась великолепным руководством для теоретиков поэзии. Естественно поэтому, что Ломоносов с большим интересом ознакомился с курсом поэтики, читанным в Киеве в 1705 г. Феофаном Прокоповичем, что позднее сказалось в его собственных трудах.

Находясь в Киеве, Ломоносов внимательно изучал в библиотеке Киево-Братского монастыря не только рукописные, но и печатные книги.

Книга Арриана «История походов Александра Великого» (Arriani. Historiarum de expeditione Alexandri Magni, libri VIII, 1575. Филиал ГПБ АН УССР, ВХХII 1/7) напечатана на две колонки на латинском и греческом языках. На полях много драгоценных приписок и помет Ломоносова, написанных на греческом и латинском языках.⁶⁰

Там же, в Киеве, Ломоносов познакомился с сочинением Гесиода «Труды и дни» (Hesiodi Ascreaei opera quae quidem extant omnia Graece cum interpretatione Latina... Lipsiae, 1585. Филиал ГПБ АН УССР, ВХХХ 8/443). На этом экземпляре в числе помет разных рук приписки и пометы Ломоносова.

Интересовался Ломоносов в то время и книгой античного историка Юстина, написавшего сокращенное изложение всемирной истории Трога Помпея: Iustinus cum notis selectissimis variorum.

⁵⁸ Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 222—223.

⁵⁹ Феофан Прокопович, Сочинения, под ред. И. П. Еремина, М.—Л., 1961, стр. 402—403.

⁶⁰ Изучение этих приписок и помет Ломоносова в соотнесении с его историческими и филологическими работами является предметом дальнейшего исследования.

Amstelodami. 1659. (Филиал ГПБ АН УССР, ВХХХ 7/258). Приписки и пометы Ломоносова на этом экземпляре книги встречаются буквально на каждой странице. Материалы, почерпнутые из этих книг, Ломоносов широко использовал в своих исторических и филологических работах.

Подводя итог наблюдений над материалами, свидетельствующими о пребывании Ломоносова в Киеве, мы можем убедиться в том, насколько был точен М. Веревкин, описавший этот факт в академической биографии Ломоносова: «... в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии; не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках».⁶¹

Выше мы убедились в том, что Ломоносов действительно критически отнесся к «словопрениям Аристотелевой философии», что видно из его приписки на курсе философии «по Аристотелю» (ГПБ АН УССР, Д. С. п. 155, л. 6), что в Киеве он изучал русские летописи, читал книги, написанные на латинском и греческом языках.

Когда состоялась поездка Ломоносова в Киев? Я. Штелин назвал 1733 г., но он ошибся, говоря, что Ломоносов уехал в Германию в 1734 г. М. Веревкин, использовавший материалы Я. Штелина и дополнивший их документальными данными,⁶² называет 1734 г. Полагаю, что эта дата правильна. 1733 год отпадает и потому, что, как мы видели выше, Ломоносов изучил в Киеве курс латинской философии, переписанный в Киево-Могиланской академии в конце 1733 г. Следовательно, Ломоносов мог с ним познакомиться не ранее конца 1733—начала 1734 г. Первые три четверти 1734 г. в «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова»⁶³ тщательно заполнены. Составитель этой части «Летописи» Г. А. Андреева привела большой документальный материал. В сентябре 1734 г., как известно, М. В. Ломоносов предпринял неудавшуюся попытку поехать в качестве священника в Оренбургскую экспедицию И. К. Кирилова. В октябре 1734 г. Ломоносов закончил переписку «Риторики»⁶⁴ и получил отметку преподавателя Славяно-греко-латинской академии Порфирия Крайского.⁶⁵

⁶¹ Цит. по кн.: Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 58.

⁶² Там же, стр. 22—27.

⁶³ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Под ред. акад. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского и В. Л. Ченакала, М.—Л., 1961, стр. 26—28.

⁶⁴ Рукопись «Риторики», переписанная М. В. Ломоносовым, хранится в ГБЛ, 183. Иностран. № 279, л. 127.

⁶⁵ Почерк П. Крайского проверен по материалам ЦГАДА. См. его «Слово Елизавете Петровне: ЦГАДА, ф. 381, № 513, л. 12 об.

Следовательно, он мог поехать на Украину осенью, не ранее октября, 1734 г., а за первую январскую треть 1735 г. Ломоносов уже получал жалованье в Москве (его биограф М. Веревкин видел в архиве Академии его расписку).⁶⁶ Поэтому можно думать, что Ломоносов был в Киеве 3—4 месяца (Я. Штелин «со слов Ломоносова» так и писал: «менее года»). И как раз за эти месяцы не дает заполнения «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова».⁶⁷

Каково значение найденных материалов для изучения жизни и творчества Ломоносова?

Нам представляется, что новые данные играют важную роль не только для изучения биографии Ломоносова, но и для анализа его многообразной научной и литературной деятельности.

Теперь, точно зная, что Ломоносов был в Киеве, исследователи смогут совсем иначе рассматривать и те отражения темы Украины, которые имеются в его творчестве: тонкие замечания «о разности климата Москвы, Петербурга и Киева», помещенные в «Первых основаниях металлургии или рудных дел», указание на две отдельные могилы князей Аскольда и Дира в Киеве (в полемике с Г. Миллером), современное Ломоносову название днепровских порогов («неспи ... кодацкий ... ненасытец»), примеры пословиц, взятые из украинского языка, приведенные в «Риторике», интерес к географии Украины, наблюдение об «излишестве» молодых монахов и монахинь «особливо в Малороссии» (в письме «О размножении и сохранении российского народа»), влияние киевских мозаик, отмеченное В. К. Макаровым.⁶⁸ В связи с последним становится понятной и заметка Ломоносова в его «Химических и оптических записках»: «В. Достать киевской мусии» (т. е. смальты). В XVIII в. в Киеве в развалинах древних церквей сохранилась «великими кучами» осыпавшаяся мозаика.⁷⁰

Можно теперь, наконец, и описание украинской природы в идиллии 1750 г. «Полидор», посвященной К. Г. Разумовскому, не объяснять только влиянием «буколической поэзии», а видеть в ней отражение его реальных наблюдений осенью 1734 г.:

Между прохладными днепровскими струями,
Между зелеными и мягкими кустами,

Доколе будет Днепр в брегах своих крутиться,

⁶⁶ Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 58.

⁶⁷ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 28.

⁶⁸ См. статью В. К. Макарова «Киевская „мусия“ в художественном творчестве М. В. Ломоносова» в настоящем сборнике.

⁶⁹ Ломоносов, ПСС, т. IV, стр. 440.

⁷⁰ Е. Болховитинов. Описание Киево-Софийского собора. Киев, 1825, стр. 31.

Здесь плески на лугах повсюду раздаются,
И с шумом радостным в порогах воды льются.
Избыточны цветы дают свой нежный дух,
И ветвями деревá красуясь качают.

Тебя здесь, Полидор, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны.

Смотри, как зеленью везде покрылись нивы,
И тихой Днепр в себе изображает ивы,
Что густо по крутым краям его растут.⁷¹

Новые материалы имеют значение для рассмотрения формирования Ломоносова как ученого. В. П. Зубов, написавший, как известно, специальную работу «Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия»,⁷² отмечает, что исследователи не располагают курсами, которые читались в Академии во время обучения там Ломоносова.⁷³

В настоящее время историки науки смогут изучить киевские материалы: курсы философии, метафизики, логики и диалектики, которые изучал Ломоносов и на которых оставил свои приписки и пометы.

Приписки Ломоносова на «древних летописцах» — киевских рукописях — позволяют определить круг его чтения и предмет интересов в области литературы в ранний период жизни и проследить развитие его исторических знаний.

Эти материалы, наконец, имеют значение и в современной идеологической борьбе с буржуазной наукой. Хорошо известно, что некоторые западноевропейские историки науки, такие, как Джон Партингтон⁷⁴ и Давид Жоравский,⁷⁵ отмечая в своих работах «безмерную» отсталость русской науки XVIII в. от европейской науки и будучи не в силах опорочить имя гениального русского ученого Ломоносова, опередившего во многих областях знаний своих современников, объясняют это тем, что Ломоносов получил образование не в России, где было «беспробудное невежество и варварство», а в Германии.

Новые материалы не только позволяют пересмотреть в целом эту тенденциозную концепцию, но и дают возможность показать молодого Ломоносова — ученого — до поездки в Германию, сфор-

⁷¹ Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 276—277.

⁷² Труды Института истории естествознания и техники, т. I, М., 1954, стр. 5—52.

⁷³ Там же, стр. 45—46.

⁷⁴ Дж. Р. Партингтон. — «Nature», 1953, № 4343, January 24, стр. 138—139.

⁷⁵ Давид Жоравский. Рецензия на 1-й том «Истории Академии наук СССР». — Isis, vol. 52, part 4, 1961, стр. 170.

мировавшегося на русской почве и уже «нащупывающего» свои пути в решении важнейших философских проблем: об отношении сознания и материи.

Эти киевские материалы еще раз подтверждают близость русской и украинской культур, явившихся той национальной почвой, на которой сформировался гениальный ученый и поэт Михайло Васильевич Ломоносов.

В. К. МАКАРОВ

КИЕВСКАЯ «МУСИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ломоносов возродил в России мозаичную живопись, забытую в нашем искусстве с XII в.¹ Высокие художественные и технические качества дошедших до нас мозаичных работ как самого Ломоносова, так и его учеников поздно привлекли внимание исследователей.² Результатом такого невнимания к творчеству Ломоносова в области изобразительного искусства было то, что из сорока мозаик, выполненных им самим и его мастерской, нам известны только двадцать три. Остальные погибли или затеряны.³ Самому Ломоносову принадлежат только две мозаики.

Сохранились лучшие вещи, поступавшие непосредственно от Ломоносова ко двору, в Сенат, в Академию художеств и во дворцы Воронцовых, Шуваловых и Орловых.

Имеющийся у нас материал следует признать достаточным для изучения деятельности Ломоносова-мозаичиста. Мозаики его круга свидетельствуют о невиданно быстром росте мозаичного дела в России середины XVIII в., и ломоносовское мозаичное наследие следует рассматривать как одно из интереснейших явлений в истории русской культуры.

Необходимо внести ясность в слова «изобретатель мозаики в России», встречающиеся в высказываниях современников Ломоносова и в позднейшей литературе о нем. «Мусии... изобретате-

¹ Знаменитые киевские мозаики относятся к концу XI—началу XII в.

² Н. Е. Макаренко первый сделал попытку выяснить, что сохранилось из ломоносовских мозаик: 1) Ломоносов и мозаичное дело в России. — Ломоносовский сборник, изд. АН, 1911; 2) Мозаичные работы Ломоносова. Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. VIII. Пгр., 1917.

³ Автору настоящей заметки принадлежит фундаментальное исследование работы Ломоносова-мозаичиста (В. К. Макаров. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.—Л., 1950). Не желая повторять уже им сказанное, В. К. Макаров в данной заметке излагает свои новые наблюдения об отношении Ломоносова к киевским мозаикам. (Ред.).

Рис. 2. Ангел. Деталь мозаики XII в., бывшей в алтаре церкви Михайловского монастыря в Киеве. Теперь в Софийском соборе в Киеве.

Рис. 1. Петр I. Деталь мозаичного портрета работы М. В. Ломоносова 1754 г.
Государственный Эрмитаж.

лем» назван Ломоносов в надписи на его надгробном памятнике. «Ломоносов решил употреблять не природные материалы, но искусственно приготовленные непрозрачные стекла, которые по отливке в палочки должны были с одного конца шлифоваться и затем применяться для складывания из них картин»;⁴ «Ломоносов решил создать у себя на родине самостоятельную отрасль искусства — мозаичное дело, но основанное не на природных разноцветных камнях, а на искусственно сделанных окрашенных стеклах».⁵

Но ведь в римских мозаиках первых веков нашей эры цветные камни уже чередуются со смальтами. Смальты для мозаик привозили греческие мастера из Византии в Киев.⁶

В конце XII в. и в продолжение двух следующих веков на Западе мозаичное искусство почти всецело сосредоточилось в Риме, в работах по убранству Собора святого Петра. К XVIII в. химики папской мозаичной мастерской предоставили мозаичистам смальтовую «палитру» в несколько тысяч красок. Способы получения этих тонких красочных нюансов в стекле были окружены тайной. Ватиканские мозаики считались образцовыми. Ломоносов не мог получить готовых рецептов. Как гениальный ученый и чуткий художник он создал для своих мозаичных работ собственные смальты отличных окрасок. Он усовершенствовал технику набора. Отсюда он — «изобретатель».

В XVIII в. в Италии культивируется также станковая мозаика и мозаичная миниатюра: портреты, копии с религиозных и исторических композиций и многое другое; здесь все дело было в мельчайшем наборе. Мозаичную «гравюру» этих работ можно увидеть только с помощью увеличительного стекла. Ее скрывают. Мозаика стала как бы отрицать самоё себя, отвернувшись от самых богатых своих задач — монументальных мозаичных росписей.⁷

Ученики Ломоносова — художники талантливые, но лишенные смелости учителя — вскоре пошли по этой более понятной современникам дороге: стали точно копировать мозаикой масляную живопись.

⁴ Б. Н. Меншуткин. Жизнеописание М. В. Ломоносова. М.—Л., 1947, стр. 109.

⁵ Л. Б. Модзалевский. Примечание к письму Ломоносова, адресованному И. И. Шувалову 15 авг. 1751 г.: Сочинения М. В. Ломоносова, т. VIII, изд. АН, 1891—1948, стр. 44 второй пагинации.

⁶ Киевский патерик. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1911, стр. 8.

⁷ Однако рассматривать копирование мозаикой станковой живописи и мозаичную миниатюру как упадок в искусстве не следует. И то и другое существовало искони наряду с мозаикой монументальной и в древней Греции и в императорском Риме. Вспомним «Голубей на чаше» Капитолийского музея, «Уличных музыкантов» Неаполитанского музея.

Основной задачей самого Ломоносова было иное. Мозаика, по его словам, назначается для убранства «огромных публичных строений»; он называл мозаику искусством «государственным», «все-народным». И в эту область своей многогранной деятельности он внес неизменный пафос и широту своих замыслов.

Время безжалостно темнит и истребляет живопись на холстах и на стенах зданий. Гибнут изображения славных дел прошлого и образы национальных героев. Надо сделать так, чтобы памятники народной гордости были вечными, чтобы «ветхой древности грызенья» не боялись.

Откуда идет монументальная мозаичная манера Ломоносова? Она близка к манере, в которой выполнены алтарные мозаики Михайловского монастыря в Киеве.

Ломоносов был в Киеве студентом. Нам ничего неизвестно об его интересе в те годы к искусству древней Руси. Он вряд ли изучал мозаики Михайловского монастыря, в библиотеке которого работал над летописями, но он несомненно унес из Киева яркое впечатление от этих памятников высокой художественной культуры домонгольской Руси. Ломоносов, очевидно, особенно запомнил «Ангела» алтарной мозаики Михайловского монастыря, и это отразилось на «малом опыте начинающегося в России мозаичного искусства» — его «Нерукотворном Спасе» 1753 г. и на портрете Петра I 1754 г., т. е. на двух мозаиках, выполненных Ломоносовым лично.⁸ Набор здесь крупный, куски смальт разной величины и формы, швы широкие. Лишь на расстоянии воспринимаются все достоинства изображения. В личной манере Ломоносова-мозаичиста мы видим несомненное знакомство с киевскими мозаиками. «Нерукотворный Спас» Исторического музея и эрмитажный портрет Петра I свидетельствуют об этом убедительно. Нигде в другом месте не мог Ломоносов наблюдать монументальной мозаичной манеры. Ни русский север, ни Новгород, ни Москва, насколько нам известно, не хранили в XVIII в. мозаичных картин киевского типа.⁹

⁸ Замечательная «Евхаристия» Михайловского монастыря выполнена греческими и русскими мозаичистами в первые годы XII в.

⁹ В. К. Макаров, ук. соч., стр. 41.

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

И. А. ЗЕЙКАН — ПЕДАГОГ ИЗ ЗАКАРПАТЬЯ

(СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЗАКАРПАТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ)

Среди имен деятелей в области просвещения, работавших в России в эпоху Петра Великого, остается все еще недостаточно выделенным и освещенным имя выходца из Угорской Руси, из-за Карпат, Ивана Алексеевича Зейкана, действовавшего в русской среде не менее четверти века. Между тем И. А. Зейкан был близок к Петру и действовал по его непосредственным указаниям, будучи долготелним воспитателем двоюродных братьев царя, Нарышкиных, а затем царского внука — будущего императора Петра II. Назначение к последнему последовало по настойчивому требованию царя, очевидно ценившего способности и опытность И. А. Зейкана как учителя и просвещенного наставника. Такое мнение у Петра I могло сложиться на основании едва ли не двадцатилетней работы Зейкана в кругу и в семье царских кузенов, весьма близких ко двору. К глубокому сожалению, наши сведения о деятельности Зейкана в России крайне скудны и как раз самое существо его педагогической работы остается для нас закрытым. Более тридцати лет тому назад я попытался собрать доступные мне тогда печатные данные о жизни и деятельности И. А. Зейкана в статье, напечатанной в 1930 г. в «Карпаторусском сборнике», изданном в Ужгороде.¹ За прошедшие с тех пор годы в печати появились некоторые новые ценные сведения о Зейкане, ряд дополнительных данных о нем встретился мне как в печатных, так и архивных источниках. Полагаю полезным дать сводку этих сведений. Они освещают некоторые новые стороны личности и деятельности Зейкана и помогают более полно и отчетливо представить себе некоторые моменты его жизни в России. При дальнейшем изложении я лишь частично коснусь фактов, изложенных в моей статье 1930 г.

Прежде всего остановимся на вопросе о происхождении

¹ А. В. Ф л о р о в с к и й. Карпаторосс И. А. Зейкан — наставник императора Петра II. — Карпаторусский сборник, Ужгород, 1930.

И. А. Зейкана. Нет никаких сомнений, что он был уроженцем русского Закарпатья и, скорее всего, принадлежал к хорошо известной там церковной семье Зейканов. Данные о его предках, недавно опубликованные М. М. Лелекачем, вызывают, правда, некоторые сомнения. М. М. Лелекач утверждает, что наш И. А. Зейкан был внуком известного мукачевского и затем им-стичевского православного епископа Иоанникия Стано Зейкана, избранного на кафедру в 1648 г. и покинувшего ее в 1664 г., когда она перешла в руки униатов, умер он в 1686 г. Старший его сын Александр был — по Лелекачу — отцом учителя Петра II.² Однако наш Зейкан был Иван Алексеевич, а не Александрович, и так именно он подписался и под напечатанным у М. М. Лелекача письмом 1696 г.

По происхождению русский из Закарпатья, И. А. Зейкан часто назывался ungarus — венгром по своему венгерскому подданству. Приводимые ниже цитаты из источников в этом положении убеждают. Несколькo смущает в этом отношении тот факт, что при первой своей встрече с русскими дипломатами в Вене в 1698 г. Иван Алексеевич Зейкан назвал себя сербом из купеческой семьи родом из какого-то города Черевиды. Полагаем, что тут Зейкан — если его показания записаны были верно — допустил некоторую мистификацию, во всяком случае эти его указания ничем более не подтверждаются и никак не могут ослабить положительного значения всех других данных о карпаторусском происхождении Зейкана. Недавно Я. И. Штернберг обнаружил один документ, в котором имеются иные сведения о происхождении «сербиянина Ивана Алексеева». Это — прошение о принятии на русскую службу, в котором этот «сербиянин» называет себя уроженцем «сербского местечка Карачфалу», т. е. нынешнего села Карачин б. Угочанского комитата Угорской Руси (Karaczfalva). Штернберг считает этого просителя тождественным с нашим Зейканом.³ Конечно, можно было бы признать это показание за известное уточнение места рождения и происхождения нашего Зейкана. Однако относится ли этот документ бесспорно именно к нему? Почему тут нет фамилии Зейкана, хотя в 1698 г. в Праге и в Вене он ее называл? Сообщенное тут указание на подготовку и образование Зейкана как-то обрывается только на первичной стадии обучения, если это — наш Зейкан. Этот И. А. учился «по-латыни и по-белорусски» (sic!) в Сакмаре и во Львове 8 лет и обладает умением переводить на эти языки, но о дальнейшем — ни слова.

² М. М. Лелекач. Зейканъ. (До історіѣ фамиліѣ Зейканъ). — «Најнал», рочник II, ч. 1—2, 1942, стр. 35—42.

³ Я. И. Штернберг. Нові матеріали про Івана Зейкана. (Повідомлення). — Тези доповідей та повідомлення Ужгородського університету, т. III, серія історична, 1959, стр. 49—54.

Между тем в Вене в 1698 г. Зейкан указал и на более поздние этапы своего образования — после того, как он «по-словенски и по-латыни» учился «лет с девять», он прошел курс философии в Праге, Регенсбурге и Вене, т. е. получил высшее гуманитарное образование.⁴ И этот факт бесспорно подтверждается прежде всего свидетельством самого И. А. Зейкана в письме от 10 сентября 1696 г. из Праги мукачевскому игумену, где Зейкан — уже бакалавр философии — говорит о намерении своем достигнуть и степени магистра.⁵ Кроме того, в подлинных списках студентов Пражского (тогда Карло-Фердинандова иезуитского) университета за 1695 и 1696 гг. находим два упоминания о Зейкане. В 1695 г. (10 мая) в числе тех, кто «prima philosophiae laurea condecorati sunt» («получили награды за успехи в философии»), имеется на 12-м месте «nobilis ac eruditus D. Ioannes Zekan ungarus Ugocziensis» («благородный и ученый г. Иван Зекан, венгр из Угочи»), а в 1696 г. объяснено, что магистром философии стал и «doctissimus D. Ioannes Czekany ex comitatu Ugocziensi» («ученнейший г. Иван Зеканьи из комитата Угочи»).⁶ Здесь подчеркнем, что Зейкан обозначается как уроженец Угочанского комитата русского Закарпатья, что подтверждает вышеприведенное указание Я. И. Штернберга.

Из этих сопоставлений нескольких документов и свидетельств мы склонны сделать вывод, что И. А. Зейкан — несомненный уроженец русского Закарпатья и скорее всего член весьма почитаемой там семьи Зейканов, хотя их генеалогическая связь и не вполне ясна. Принадлежал он, во всяком случае, не к купеческому роду, а к семье шляхетского происхождения. В противном случае в те времена ему не давалось бы обозначение nobilis. В 1697—1698 гг. он сам сообщил русским властям несколько разноречивых сведений о себе. Но ясно, что он прошел к этому времени длительное и основательное обучение у себя на родине, в Венгрии, в частности в Сатмаре (Szatmar), а затем во Львове. Закончил же он свое образование в Австрии, в Вене, и в Чехии, в Праге. Этот учебный путь дал ему основательные знания как по-латыни, так и «по-славянски» или «по-белорусски». Последнее надо понимать скорее всего не в современном этническом значении, а в смысле русского, «московского» языка вообще («Белая Русь» ведь иногда и в XVIII в. означала Великороссию).⁷ Сам Зейкан уже по воз-

⁴ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 2.

⁵ М. М. Лелекач, ук. соч., стр. 39.

⁶ Архив Карлова университета в Праге, рукописные и печатные списки 1695—1696 гг., А 78.

⁷ Ср.: А. В. Соловьев. 1) Белая и Черная Русь. — Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии, т. III, Белград, 1940, стр. 60 и сл.; 2) Weiss-, Schwarz- und Rotreussen. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», München, VII, № 1, 1959, стр. 28.

вращении своем в родные края из России говорил, что он «с юных лет ради обучения провел свою молодость в разных далеких местах и краях».⁸

В июне 1698 г. Зейкан поступил на русскую службу в Вене, когда туда прибыло русское «великое посольство», в состав которого входил и лично Петр I под именем десятника Петра Михайлова. По-видимому, уже в Праге, по пути из Голландии в Вену, той части «великого посольства», во главе которой стоял А. Д. Меншиков, Зейкан, собиравшийся ехать в Вену, изъявил желание поступить на русскую службу. Ему — «словенину Ивану Алексееву» дали тогда два или пять золотых «на милостыню».⁹

После проверки познаний Зейкана он был зачислен в штат посольства в качестве переводчика «у дел латинского языка».¹⁰ Это указание послужило основанием для одного совершенно неожиданного и странного объяснения обстоятельств поступления Зейкана на русскую службу. Его находим в статье А. Ротта о культурных отношениях чехов и словаков с закарпатскими украинцами.¹¹ Автор утверждает, что якобы в дипломатической службе при Петре I большую роль играл чех Вольф, который будто бы по настоянию царя выступил в Вене с официальным заявлением на чешском языке, дабы указать этим габсбургскому двору на безразличие России к судьбе славян в многонародной австрийской монархии. При помощи этого чеха, пишет А. Ротт, на службу Петра I поступил и И. Зейкан, причем Вольф, рекомендуя его царю, подчеркнул, что закарпатские руснаки (*rusniaci*) являются братьями Руси и чехов. Зейкан, по словам А. Ротта, сыграл затем выдающуюся роль при дворе Петра I и т. д. Изложение этих «фактов» А. Ротт «подтверждает» ссылкой на мою книгу «Чехи и восточные славяне», т. I, Прага, 1934 (прим. 27), в которой, однако, нет ни одного слова ни о Зейкане, ни о Вольфе. О них А. Ротт мог найти сведения в моей статье о Зейкане (1930 г.) и в чешской моей книге о деятельности чешских иезуитов в России в эпоху Петра I (1941 г.). Но и в этих работах нет ничего подобного тому, что написал А. Ротт. Может быть, он имел иные источники для

⁸ Я. I. Штернберг, ук. соч., стр. 53.

⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. IX. СПб., 1868, стр. 1032; Н. А. Бакланова. Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. — «Петр Великий», сборник статей, под ред. А. И. Андреева, т. I, М.—Л., 1947, стр. 60; М. М. Богословский в книге «Петр I» (т. II, М., 1941, стр. 508) не отождествляет этого просителя с Зейканом.

¹⁰ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 2; Памятники дипломатических сношений, т. VIII. СПб., 1864, стр. 1399; М. М. Богословский. Петр I, т. II, М., 1941, стр. 508.

¹¹ *Z dějin česko-ukrajinských vzťahov.* — «Slovanské studii», 1959, I, стр. 324—325.

своих утверждений? Думаю, не имел, да и иметь не мог. Дело в том, что тот Вольф, который, по словам русского статейного списка «рекомендовал» Зейкана царю, — это состоявший на русской службе простой переводчик. Тот же Вольф, который мог иметь известное влияние в окружении царя во время его пребывания в Вене в 1698 г. и говорил речь перед царем, — это хорошо известный конфидент австрийского императора Леопольда I, весьма деятельный иезуит Фредерик Вольф фон Людвигсгаузен, немец из Динабурга в Ливонии. Он менее всего был доверенным Петра I в деле поддержания и декларации его славянских интересов и притязаний. Вольф был приставлен в провожатые и помощники к царю в Вене. Всячески — и очень ловко — он старался приобрести доверие Петра и использовать его прежде всего в интересах проведения церковной унии в России, которая была выгодна габсбургскому дому. Он знал польский и чешский языки, с которыми мог познакомиться при своем обучении в Праге, где он кончил курс иезуитского университета, и при своей многолетней деятельности в высших учебных заведениях Чехии и Моравии. Во всяком случае, нет никаких оснований для повторения путаных и неверных «фактов» А. Ротта, который напрасно осложнил поступление Зейкана на русскую службу этими совершенно невероятными подробностями. Сношения Петра Великого с Фр. Вольфом представляют значительный интерес, однако, насколько известно, они касались прежде всего вопросов веры и столь важного для Петра I кораблестроения. Например, Вольф провожал царя на осмотр доков у Прессбурга (ныне Братислава), организованных при его участии. Однако Вольф никак не мог быть выразителем славянских интересов Петра. С именем Вольфа были связаны немалые успехи католичества при нескольких владетельных дворах Европы. Он имел незавидную репутацию Тартюфа. Так его называла весьма умная курфюрстина ганноверская София, сына которой он подчинил своему влиянию, захватил в свои «лапы дьявола» (ее слова!), а, по словам одного из австрийских политиков, Вольф — это «il estravagante bestiale» («изряднейшая бестия»)¹². Играл ли Вольф какую-либо роль при назначении Зейкана на должность русского переводчика — нам неизвестно. Правда, много позже католические круги возлагали некоторые надежды на католическое влияние Зейкана на юного Петра II. Тут можно было бы предполагать и «лапы» Вольфа, однако на русской службе Зейкан вскоре принял православие, а к Петру II был он пристав-

¹² О Вольфе см.: Н. Hoffmann. Schlesische Lebensbilder, III. 1923, стр. 104—109; Schimmelpfennig. Allgemeine Deutsche Biographie, XIX Leipzig, 1884, стр. 381—383.

лен уже четверть века спустя после встречи царя с Вольфом в Вене...

Работа И. А. Зейкана на русской службе развернулась первоначально не в Вене, а в Сербии, в Карловцах, куда он сопровождал П. Возницына, одного из «великих послов», для переговоров о перемирии с турками. Действуя в качестве переводчика, секретаря, посыльного для сношений с другими дипломатами на конгрессе,¹³ Зейкан несомненно приобрел полное доверие русского посла и обеспечил этим для себя возможность дальнейшей деятельности в России. В конце января 1699 г. он уехал «для его потреб в венгерскую землю» к себе домой, получив вознаграждение за свою службу и проездный лист от П. Возницына.¹⁴ Зейкан, однако, вскоре вновь вернулся в русскую среду. Мы не знаем точно времени и обстоятельств его возвращения, но, судя по показаниям самого Зейкана, это было продолжением его прежней работы на русской службе. Во всяком случае, в 1702 г. мы уже встречаем Зейкана в Москве, откуда он в том же 1702 г. писал к себе домой, где оставалась тогда его жена.¹⁵ К сожалению, мы не имеем никаких данных о том, в чем именно состояла деятельность Зейкана в Москве в эти и последующие годы, скорее всего его следует искать среди переводчиков Посольского приказа, в окружении Ф. А. Головина и потом Г. И. Головкина. Однако в 1708 г. мы видим его уже в существенно иной роли. В эти годы снаряжался большой «поезд» русских молодых людей для отправки за границу с целью изучения военного и морского дела. В число этих лиц были включены и двоюродные братья Петра, дети его дяди Льва Кирилловича Нарышкина, Александр и Иван. С ними-то и должен был ехать в Западную Европу в качестве учителя и воспитателя Зейкан. Был ли он еще перед 1708 г. их учителем — не знаем. Но о посылке его с названными братьями известно из одного весьма выразительного и важного письма Петра Великого его сотруднику по части кораблестроения Ф. Н. Скаляеву. 20 сентября 1708 г. царь писал ему: «Ежели дети Льва Кирилловича от города еще за море не уехали, то учителя их иноземца, которой с ними с Москвы поехал, останови и с ними за море не отпускай».¹⁶ Речь идет, скорее всего, о нашем И. А. Зейкане, который потом много лет сопровождал Нарышкиных при их обучении и поездках по Западной Европе. Царь, оче-

¹³ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 2—3; М. М. Богословский. Петр I, т. III. М., 1946, стр. 347, 361, 413, 436; см. также указатель имен.

¹⁴ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 3; Я. I. Штернберг, ук. соч., стр. 52—53.

¹⁵ Там же, стр. 53.

¹⁶ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. VIII. М.—Л., 1948, стр. 153. документ № 2653.

видно, лично хорошо знал этого учителя-иностранца и почему-то хотел задержать его в Москве, видимо для каких-то иных надобностей и поручений. Зейкан, однако, уехал на Запад, и с его слов мы знаем, что он поехал как воспитатель и наставник двух молодых господ по поручению царя, сопровождал их во время их поездки по Европе для осмотра, а также и для обучения морскому делу.¹⁷

Путешествие Нарышкиных вместе с Зейканом продолжалось не менее 13 лет — вплоть до 1721 г. За это время они посетили Англию, Голландию, Италию, Францию и т. д. Нарышкины при этом сделали большие успехи, хорошо усвоили необходимые познания в области военно-морской техники и кораблестроения, сами потом за границей наблюдали за обучением новых русских гардемарин и по возвращении в Россию заняли важные и ответственные посты при дворе.¹⁸ Тут важно подчеркнуть, что, судя по всему, Зейкан чрезвычайно близко сошелся с этими ближайшими родственниками царя и остался в семье своих воспитанников и тогда, когда они уже вышли из юношеского возраста и занялись государственными делами. Когда Петр I в 1723 г. захотел назначить Зейкана воспитателем своего внука, он встретил известное сопротивление как со стороны самого Зейкана, так и со стороны Нарышкиных, не желавших отпустить его от себя. Это говорит о тесных связях этого иностранца-учителя с семьей его воспитанников и друзей. К сожалению, нам известны лишь в отрывочных извлечениях записки одного из Нарышкиных, скорее всего Ивана Львовича, о заграничном их путешествии (от 1714 г. и далее); их дает в своей замечательной книге П. П. Пекарский.¹⁹ Следовало бы обратиться к этой рукописи; может быть, там найдутся интересные для нас упоминания о Зейкане и его участии в ознакомлении молодых русских путешественников из русского владетельного рода с западноевропейской жизнью.

Рассматривая вопрос о связях Зейкана с Нарышкиными, нужно принять во внимание еще одно важное и интересное обстоятельство. Как известно, уже в 1718 г. у Петра I была мысль о браке одного из своих кузенов, скорее всего Ивана, с одной из царских дочерей с тем, чтобы этот Нарышкин затем стал наследником престола в случае смерти и царевича Алексея и младенца — сына царя и Екатерины I.²⁰ Эта мысль была впервые

¹⁷ Я. I. Штернберг, ук. соч., стр. 53.

¹⁸ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. X. М., 1956, стр. 281, 694.

¹⁹ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 152 и сл. Рукопись ныне находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве.

²⁰ См. сообщение ганноверского резидента Вебера в донесении от 7 февраля 1718 г. в кн.: F. Herrmann. Zeitgenössische Berichte, II. Leipzig, 1880, стр. 113.

высказана еще тогда, когда Зейкан находился в семье Нарышкиных, был с ними тесно связан и путешествовал по Европе. Об исключительной благосклонности царя к Нарышкиным упоминает при этом в контексте с вопросом о планах брака для дочери царя имперский посол в России в своем донесении в Вену от 16/27 октября 1721 г.²¹ В голландской печати об этом плане Петра I выдать Анну Петровну замуж за Нарышкина и передать ему права на наследование престола в России писалось еще и в начале 1722 г.²² В какой мере эти слухи были основательны (а их распространение в Европе крайне рассердило царя) — мы не будем здесь решать. Однако важно, что в семье Нарышкиных этот вопрос, конечно, был положительно решен, и близкий им Зейкан был в курсе этих возможностей предоставления одному из его воспитанников прав на российский престол. О каком именно из Нарышкиных шла в данном случае речь, современники дают сбивчивые показания: одни называют старшего Александра, иные — младшего Ивана, хотя, по наблюдениям имперского посла в России гр. Кинского, царь более ценил способности и активность первого из своих двоюродных братьев, нежели более скромного по дарованию второго. Во всяком случае, связи Зейкана с ближайшими родственниками царя ставили его в еще более близкие отношения к царю.

Следующим этапом карьеры Зейкана в России и было еще большее приближение его ко двору — Петр Великий поручил ему воспитание своего внука, когда окончательно выяснилась необходимость подготовить Петра Алексеевича ко вступлению на престол по праву прямого наследования.²³ Как уже указывалось выше, Зейкан уклонялся первоначально от принятия на себя этой ответственной миссии, ссылаясь на свою старость и недостаточную подготовленность для столь важного государственного дела. Зейкан искал — и, видимо, находил — поддержку в этом своем уклонении от принятия царского поручения и у Нарышкиных и у близко ему знакомого начальника царского кабинета А. В. Макарова. Однако Петр не отказался от своего решения и после более чем годичного ожидания настоял на своем. С начала 1724 г. Зейкан вступил в исполнение своей новой миссии, уступив твердой воле царя, который недвусмысленно пригрозил и Нарышки-

²¹ Мою сводку данных об этом из донесений Кинского и его секретаря Гохгольцера из России см. во вступлении к статье Флайшгакера (H. Fleisshacker. Das Nachspiel der petrinischen Reform. 1730. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1941, Hf. 2—4, стр. 272—274).

²² С. М. Соловьев. История России, т. IV. СПб., стр. 742, 841.

²³ Обзор соответствующей переписки см.: А. В. Флоровский ук. соч., стр. 4—5.

ным и Зейкану своим гневом: «Я не привык, заявил Петр, жить с такими, которые не слушаются смирно...».²⁴

История воспитания и обучения будущего императора Петра II представляет значительный интерес с точки зрения тех отношений, какие сложились в царской семье вокруг вопроса о преемниках Петра I. Речь шла о будущем монархии, переживавшей период бурного внутреннего преобразования и внешнеполитического роста, шла речь о судьбе великих свершений и планов царя, который «Россию вздернул на дыбы». Многие и в России и вне ее желали, чтобы она развивалась в соответствии с их интересами и планами. Друзья боялись за судьбы дела Петрова, недруги только и ждали его конца, чтобы увидеть распад этого великого дела и легче вздохнуть в отсутствие этого бурного вулкана воли и активности. Кто станет на место великого царя? Каков будет его преемник? Нельзя ли заранее обеспечить себе личную его благосклонность и направить его внешнеполитические интересы? Едва ли не наибольшую активность в этом вопросе проявила австрийская дипломатия. Она имела для этого и известные формальные основания. Жена царевича Алексея Петровича, кронпринцесса Шарлотта, умирая, поручила своих детей заботам своей сестры-императрицы, жены императора Карла VI. Поэтому австрийский двор считал себя вправе интересоваться жизнью и воспитанием великого князя Петра Алексеевича и его сестры Наталии и даже вмешиваться в это дело своими советами. В связи с этим венский двор мог интересоваться и вопросом о том, кому и на каких основаниях поручено воспитывать внуков царя, в чьих руках находится это дело при жизни Петра I и после его смерти.²⁵ Так Зейкан мог оказаться предметом внимания австрийских дипломатов при русском дворе. Мы в ином месте подробнее остановимся на этой интересной истории австрийских забот о престолонаследии в России на случай смерти Петра I, а здесь ограничимся лишь изложением того, что венский двор узнавал от своих представителей об И. А. Зейкане.²⁶

Как известно, 17 мая 1722 г. Петр Великий пригласил Зейкана быть учителем и воспитателем царевича-внука.²⁷ Уже в донесении

²⁴ Г. Есипов. Ссылка князя Меншикова. — «Отечественные записки», т. СXXXIV, кн. 1, 1861, стр. 61.

²⁵ Ср. указания С. М. Соловьева: История России, т. IV, стр. 841.

²⁶ Странно, что А. Г. Брикнер, пользовавшийся теми же венскими материалами, но упустивший, очевидно, из виду статьи Есипова о Меншикове, утверждал, что назначение Зейкана учителем к Петру II якобы не состоялось, хотя он и знал указания Соловьева. См.: А. Г. Брикнер. Русский двор при Петре II. 1727—1730. (По документам венского архива). — «Вестник Европы», 1896, №№ 1—2.

²⁷ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 4; И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. IX. Изд. 2-е. М., 1838, стр. 372; немецкий перевод письма

из Петербурга от 28 мая 1723 г. секретарь имперского посольства в России Н. С. Гохгольцер сообщил (шифром), со слов состоявшего тогда при великом князе «информатором» Зеемана (Seeman), что царь еще в Москве назначил некоего Зекана (Sekan, Seckan), бывшего воспитателя обоих братьев Нарышкиных, «zum Gouverneur des Grossfürsten» и теперь его ждут в Петербурге.²⁸ Вновь имя Зейкана появляется, однако, в донесениях Гохгольцера только через девять месяцев; в донесении 29 февраля 1724 г. он пишет, что царь к юному великому князю назначил гофмейстера, именно того, кто был воспитателем двоих Нарышкиных, — это мадьяр (Ungar) по рождению, по имени Зекан (Sekan), о котором бывший недавно послом при русском дворе гр. Кинский, вероятно, сообщит императору в Вене подробнее («mehrere Meldung gemacht haben wirdt») (мы не знаем этих сообщений Кинского). И далее Гохгольцер пишет, что Зейкан первоначально был католиком, но вскоре принял русскую веру; что это уже довольно старый человек («schon ein ziemlich alter Mann»). Он употребил все свои силы («alle äusserste Kräften») для того, чтобы уклониться от этого поручения, однако царь применил в отношении него такой сильный нажим («eine so starke Impression»), что он volens-nolens должен был принять это назначение по обучению и воспитанию («Information und Education») великого князя. Гохгольцер подчеркивал, что теперь великий князь перешел из женских рук в руки воспитателей-мужчин. Однако новый гофмейстер не будет ни жить, ни питаться при дворе, но будет посвящать лишь по несколько часов в день работе с великим князем, при котором постоянно будет состоять русский камер-юнкер из дворян («ein Russischer feiner Edelmann»). По сведениям Гохгольцера, этот новый гофмейстер будет обучать великого князя латинскому и французскому языкам, которыми наставник должен владеть («welche er wohl besitzen solle»), однако великий князь едва ли многому от него сможет научиться.²⁹

При чтении этого сообщения, частью повторяющего известные нам и из иных источников факты, нужно отметить, что, по рассказу Гохгольцера, окончательному назначению к великому князю предшествовал разрыв царя с прежним наставником Петра Алексеевича — Зееманом, что могло быть причиной колебаний Зейкана занять его место. Зеемана объявили якобы выходцем из Ганновера, хотя он был родом из Гданска, и это вызвало против него сильную ярость Петра («einen solchen Hass»). Как известно, в эти годы царь действительно имел основания относиться к Ган-

см.: С. Sadler. Die geistige Hinterlassenschaft Peters I. als Grundlage für dessen Beurtheilung als Herrscher und Mensch. Leipzig-Heidelberg, 1862, стр. 82.

²⁸ Венский государственный архив. Россия. 12а, конволют II, 1723 год, лл. 98 и сл., 110 и сл.

²⁹ Там же, 12b, конволют I, 1724 год, лл. 9 и сл., 124 и сл.

новеру с большим недоверием и враждою. Между тем другое лицо, намечавшееся воспитателем юного князя и его сестры, решительно отказалось принять это назначение и настаивало на отставке, что навлекло на него еще большую ненависть, и теперь все ждут, чем это дело закончится.³⁰ Можно думать, что обстановка назначения Зейкана к великому князю была беспокойной и возбужденной, и понятны его колебание и его уклончивость. Венский двор едва ли мог быть особо расположен к новому воспитателю будущего русского императора. Прежний информатор Зеeman был в его глазах более надежным и подходящим человеком (немец!), тем более что, судя по указаниям Гохгольцера, он прибыл в Россию вместе с кронпринцессой Шарлоттой и был весьма склонен к конфиденциям с имперскими дипломатами в России. Любопытно, что если Зейкан обучал великого князя латинскому и французскому языкам, то Зеeman преподавал ему и его сестре немецкий язык, который они уже в 1722 г. недурно понимали; как хороший историк и географ Зеeman мог ознакомить великого князя и с этими науками, так же как и с «необходимыми *principia politica*» («основаниями политических наук»). В курс обучения входило и фехтование. Царевич, конечно, обучался русскому языку и письму у русского учителя, как равно и закону божью по православному учению.³¹

Это последнее следует подчеркнуть, так как в иностранной среде имели некоторый расчет на возможное католическое влияние на юного князя и именно в бывшем католике Зейкане видели средство подобного воздействия, но, как кажется, напрасно...³²

Приведенные справки о составе и объеме педагогических занятий Зеemана с великим князем представляют интерес для уяснения того, чего, по показаниям Гохгольцера, все же может недоставать в работе Зейкана с Петром Алексеевичем.

Упомятая в донесении от 24 октября 1724 г. о том, что девятилетний великий князь поражает всех своими прекрасными свойствами, австрийский дипломат оговаривается, что этому можно только удивляться, так как и до сих пор царевичу недостает соответствующего такому князю воспитателя, несмотря на происшедшие в последнее время перемены в этом деле,³³ очевидно имея в виду назначение Зейкана.

К глубокому сожалению, мы пока не располагаем никакими данными о самом существовании занятий Зейкана с юным Петром Алек-

³⁰ Донесение от 29 февраля 1724 г. — Там же.

³¹ Донесение от 28 мая 1723 г. — Там же, 12а, конволют II, лл. 98—113.

³² Ср. у А. В. Флоровского (ук. соч., стр. 6) слова Карамана; см. также: P. Pierling. *La Russie et le Saint-Siège*, vol. IV. Paris, 1907, стр. 398.

³³ Донесение от 24 октября 1724. — Там же, 12б, конволют I, 1724 год, лл. 218—219.

сеевичем. Мы не знаем, была ли Зейкану дана какая-нибудь инструкция по этому делу. Уже Голиков выражал огорчение, что ему не удалось обнаружить подобный документ, который он хотел бы сопоставить с подобной инструкцией для царевича Алексея.³⁴ Не знаем, не писал ли и сам Зейкан какие-либо общие или строго деловые наставления своему ученику, подобно тому, как сделал это его предшественник Зеeman. До нас дошла тетрадка первых немецких упражнений Петра Алексеевича, выполненных под наблюдением С. Зеemана,³⁵ но не сохранилось подобных тетрадок по латинскому или по французскому языку и по иным предметам. Ввиду отсутствия соответствующего материала крайне трудно делать какие-либо заключения о положительных сторонах деятельности Зейкана в качестве педагога: однако его длительная работа в семье Нарышкиных, определившая доверие царя к Зейкану, позволит думать, что скептические реплики Гохгольцера едва ли оправданы самым существом деятельности Зейкана, приобретшего, очевидно, очень хорошую репутацию и пользовавшегося значительным авторитетом и признанием.

Начав в России свою деятельность переводами с латинского на церковнославянский, Зейкан и в последующее время был в России ценен как знаток латыни и хороший переводчик. Этим можно объяснить тот факт, что в 1723 г. — еще до перехода Зейкана в наставники к Петру Алексеевичу — Петр Великий решил привлечь его к переводу книги о войне со Швецией. 7 февраля 1723 г. царь обратился к А. Л. Нарышкину с просьбой поручить «г. Зейкеру» перевести на латинский язык хотя бы одну главу из «сочиненной о войне со шведами истории».³⁶ Дело касается, конечно, нашего Зейкана. Нужно принять во внимание, что тотчас по смерти Петра I, в начале 1725 г., Екатерина I, как сообщал из Петербурга голландский резидент, якобы предполагала издать «Журнал» Петра I на латинском языке, причем перевод поручено выполнить «некоему венгерцу», который путешествовал с Нарышкиными по Европе в качестве гувернера и затем был наставником великого князя Петра.³⁷

Сопоставляя приведенные сообщения, можно полагать, что Петр Великий задумывал латинское издание в части или целиком своей «Истории шведской войны», т. е. изданного впервые уже

³⁴ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, т. IX. М., 1838, стр. 372

³⁵ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, т. I. М.—Л., 1956, стр. 427, № 30.

³⁶ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, ч. IX, стр. 459—460.

³⁷ Донесение от февраля 1725 г.; Е. Ф. Шмурло. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I. — Сборник в честь Д. А. Корсакова, Казань, 1913, стр. 352—365.

при Екатерине II кн. М. М. Щербатовым «Журнала» Петра I.³⁸ Была ли начата эта работа Зейканом? Екатерина I в начале 1725 г. вспомнила именно о нем в связи с планом латинского издания «Истории», и можно думать, что ей было известно о поручении, данном Зейкану в 1723 г., а может быть, и о приступе Зейкана к этому переводу.

Недавно в литературе было упомянуто еще об одной переводческой работе, приписываемой Зейкану.

Дело касается обнаруженного несколько десятилетий назад в русском Закарпатье русского перевода известной работы испанского доминиканца Рибейры против протестантских возражений на книгу Стефана Яворского «Камень веры». Приобретший эту рукопись Д. Н. Вергун приписал этот перевод Зейкану, о чем мне в свое время и рассказывал. Это помечено на самой рукописи, скорее всего самим Д. Н. Вергуном; ныне она хранится в рукописном собрании Национального музея в Праге (сигнатура XVIII-Е. 13).³⁹ Однако в самой рукописи имя переводчика не названо, а между тем хорошо известно, что книгу эту в России перевели два русских архимандрита. В чем же могло проявиться участие Зейкана? Нужно иметь в виду, что сочинение Рибейры, написанное в Москве в 1730 г. при Анне Иоанновне, было впервые издано в оригинале в Вене в 1733 г. Выход в свет этой работы был одним из важных эпизодов разыгравшейся в русской церковной и правительственной среде борьбы между двумя направлениями и влияниями — уклонявшегося в сторону протестантизма архиепископа Феофана Прокоповича и филокатолика Стефана Яворского, изложившего свои воззрения в книге «Камень веры». Сочинение Рибейры было написано в ответ на возражение против Яворского в книге протестантского писателя Буддеуса, выполнившего в данном случае поручение Прокоповича. Книга Рибейры была тотчас же переведена на русский двумя архимандритами из числа сторонников Яворского.⁴⁰ Можно думать, что пражская рукопись и содержит этот именно русский перевод. Но причем тут Зейкан? Думается мне, что связал эту рукопись с именем Зейкана весьма легковверный и поспешный в своих выводах Д. Н. Вергун. Трудно допустить, чтобы Зейкан уже у себя дома, в Закарпатье, проявил охоту участвовать в этом переводе. Нужно иметь в виду, что книга Рибейры вызвала острую реакцию со стороны русского правительства Анны

³⁸ Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, № 10, стр. 324 и сл.; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Л., 1961, стр. 154 и сл.

³⁹ J. Vašica (J. Vajs). Soupis staroslovanských rukopisů Národního muzea v Praze. Praha, 1957, стр. 166—168.

⁴⁰ С. М. Соловьев. История России, т. IV, стр. 1505.

Иоанновны. Оно приняло меры к запрещению и изъятию из обращения этого издания в самой Вене. Этого не мог не знать и сам Зейкан, несомненно имевший в Вене свои связи. Взяться за работу, явно враждебную господствовавшему тогда при русском дворе влиянию Прокоповича, едва ли входило в интересы Зейкана. Однако нельзя закрывать глаза и на то, что его прежние русские связи, возможно, вводили его еще в России в круг неприятелей Прокоповича, во всяком случае очень важно учитывать его дружеские отношения с Феофилактом Лопатинским, который уже после отъезда Зейкана из России развернул весьма острую борьбу с протестантскими (пиетистскими) уклонами Прокоповича.⁴¹ В связи с этим было бы исключительно важно обнаружить какие-либо положительные указания на общую культурную ориентацию Зейкана в русский период его жизни. Пражская рукопись, однако, даже если допустить участие Зейкана в этом переводе, пока ничего для этого не дает. . .

Прошло трехлетнее царствование Екатерины I (1725—1727), и 7 мая 1727 г. на русский престол вступил воспитанник Зейкана Петр II Алексеевич, едва достигший 13 лет и, конечно, нуждавшийся в руководстве опытного учителя и воспитателя.⁴² Еще при жизни Екатерины I в организации воспитания Петра II произошли важные перемены, он получил нового обергофмейстера в лице опытного политика и ловкого тактика А. И. Остермана, внесшего в систему обучения юного Петра Алексеевича больше порядка и, вероятно, содержания.⁴³ Зейкан при этом должен был неизбежно отступить на второй план, хотя его участие в обучении Петра II и признавалось еще нужным и полезным; в частности, влиятельный при дворе тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский, дружески знакомый с Зейканом, хвалил его благочестие и педагогические методы и считал их полезными в деле укрепления Петра в добрых нравах и благочестии.⁴⁴ И, однако, вскоре же после вступления Петра II на престол над головою Зейкана разразилась гроза, он был в мае 1727 г. арестован и затем в июле выслан в Венгрию. Сам Зейкан в 1730 г. в своем прошении о вызове его в Россию объяснил это неприязнью одного из русских вельмож, лишивших его всего им приобретенного в России имущества и приказавшего вывезти его под караулом за границу.⁴⁵ Можно было бы

⁴¹ Новейшие сведения об этой борьбе см.: Ed. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, стр. 137 и сл.; ср.: Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, стр. 82 и сл., 533 и сл.

⁴² А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 7.

⁴³ С. М. Соловьев. История России, т. IV, стр. 1023, 1025, 1033 и сл.

⁴⁴ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 7; С. М. Соловьев. История России, т. IV, стр. 1034.

⁴⁵ Я. И. Штернберг, ук. соч., стр. 53—54.

думать, что в данном случае действовал против Зейкана Остерман, которому было важно устранить от нового царя всех иных воспитателей ради получения свободы и простора для влияния на него. Так, видимо, думал в свое время С. М. Соловьев, тем более что от Петра II тогда был устранен и состоявший при нем с 1719 г. его гоф-юнкер С. Маврин, ненавидевший Остермана как гофмейстера Петра II.⁴⁶ Теперь мы, однако, знаем, что Остерман несколько раз (во всяком случае, не менее четырех) писал вслед Зейкану в Венгрию и от имени царя усиленно приглашал его вернуться в Россию, переслав ему 1000 золотых и обеспечив добрую встречу на границе.⁴⁷ Возможно, что этот шаг Остермана был вызван новыми отношениями в русской придворной среде, почему он и полагал возможным теперь снова привлечь Зейкана к работе в России. Во всяком случае, внимательный наблюдатель русских отношений при дворе, саксонский резидент Ле Форт, еще 17 мая 1727 г. сообщал, что Остерман привлек к обучению Петра Алексеевича молодого профессора и академика Гольдбаха и отставил («on a donné le congé») прежнего «sous-gouverneur Sechine», некогда путешествовавшего с Нарышкиными.⁴⁸ Это подтверждает и прусский посол Мардефельд, говорящий, что «старый грек» («der alte Grieche», нет сомнения, что так обозначается Зейкан) был удален от великого князя, о воспитании которого, между прочим, Мардефельд отзывается весьма отрицательно.⁴⁹

Причинами высылки Зейкана из России не были, однако, его старость или, может быть, устарелость его воспитательных методов с точки зрения Остермана. На Зейкана в действительности пала тень от новой склоки в среде влиятельных вельмож из царского окружения, а среди них был и издавна близкий Зейкану А. Л. Нарышкин. Это было противоборство всеильного, казалось бы, в то время Меншикова с группой его ненавистников и активных врагов. В их планы не входили, конечно, вмененные формально в вину замыслы против Петра II, напротив — они хотели возвести его на престол еще при жизни уже умиравшей Екатерины I (умерла 6/17 мая 1727 г.), чтобы тем самым изолировать его от безграничного влияния Меншикова. Для этого группа вельмож хотела, видимо, овладеть особою Петра II, провозгласить его в церкви императором и передать права регентства Нарышкину. Это им не удалось, и на их голову посыпались репрессии, которые затронули и Зейкана, стоявшего так близко к А. Л. Нарышкину. Возможно, что и сам Зейкан был в курсе этих замыслов и их

⁴⁶ С. М. Соловьев. История России, т. IV, стр. 937, 1031—1034.

⁴⁷ Я. I. Штернберг, ук. соч., стр. 51.

⁴⁸ Сборник Русского исторического общества, т. III, СПб., 1868, стр. 466.

⁴⁹ Донесение от 10 мая 1727 г. в «Сборнике Русского исторического общества» (т. XV, СПб., 1875, стр. 336).

подготовки. Во всяком случае, Зейкан был арестован и, как догадывался прусский посол, вероятно, покаялся в большом преступлении, так как вслед за этим пошли дальнейшие аресты и затем участники заговора понесли разные наказания.⁵⁰ Однако вслед за этим, уже в сентябре 1727 г., пал всеильный Меншиков и вскоре был отправлен в изгнание. Еще перед этим и сам царь Петр II и Меншиков хотели было вернуть Зейкана в Россию. Вслед за «старым греком» полетели письма и приглашение от самого светлейшего, но они уже не застали Зейкана в пределах России, а затем — с падением Меншикова — теперь уже из опасений каких-то внушавших подозрения связей Меншикова с Зейканом последнему был закрыт доступ в Россию...⁵¹

Нас может занять здесь еще одна сторона истории И. А. Зейкана. Вынужденный покинуть страну, в которой он работал в течение более двадцати пяти лет, он вернулся в свое родное Закарпатье, где и осел в кругу своей семьи. Ему не привелось воспользоваться новыми приглашениями ни Меншикова, ни Остермана, и еще в 1730 г. он заявлял, что какие-то обстоятельства принудили его отказаться от этого нового путешествия в Россию. Видимо, местные власти Угорской Руси не дали ему разрешения на новый выезд в Петербург. Но теперь, когда настало время для использования плодов трудов Зейкана в России, обстоятельства сложились для него очень печально. В 1730-е годы Зейкан утверждал, что при изгнании его из России у него отобрали все ценности.⁵² Карпато-русская традиция говорит, однако, иначе. Еще в начале XIX в. известный местный историк Лучкай передавал, что воспитатель Петра II заранее тайно отправил из России своих двоих сыновей со всем накопленным там серебром и золотом, которое было адресовано брату жены Зейкана Дмитрию Рацу (Racz) в Вену. По приезде в Вену Зейкан, однако, получил от Раца ответ, что ничего не получал. А между тем, как говорит традиция, Рац, вообще очень богатый человек, именно на эти средства построил монастырь в го-

⁵⁰ Донесение от 17 мая 1727 г. — Там же, стр. 337—338.

⁵¹ Подробности на основании материалов, опубликованных Есиповым и другими, см.: А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 8; в дополнение см.: Сборник Русского исторического общества, т. III, СПб., 1868, стр. 465—466, 469—471; т. XV, СПб., 1875, стр. 336—337, 340—341, 344. В изданных В. Н. Нечаевым следственных материалах по делу Меншикова (Русский исторический журнал, 1921—1922, №№ 7—8) о Зейкане не упоминается. Материалы донесений саксонского резидента Лефорта см. в кн.: F. Heigmann. Geschichte des russischer Staates, IV. Hamburg, 1849, стр. 486 и сл. Ср. также: А. Голембьевский. Сотрудники Петра Великого (А. Д. Меншиков). — Русский архив, 1903, № 3, стр. 541; примечания С. Н. Шубинского в кн.: Записки фельдмаршала гр. Б. Хр. Миниха. СПб., 1874, стр. 35—36, 143—144.

⁵² Я. I. Штернберг, ук. соч., стр. 51.

роде Мукачеве.⁵³ Действительно известно, что дети Зейкана вели позже процесс из-за этих ценностей против Раца, о чем имеются сведения от 1768 г.⁵⁴ Однако вопрос об имуществе Зейкана на этом не кончился. В 1772 г. австрийский подданный, дворянин из Венгрии Георг Зейкан, можно думать внук И. А. Зейкана, объявился в Петербурге с просьбою о выдаче ему 2 или 3 миллионов, которые якобы принадлежали его отцу — царскому учителю. Он не предъявил, однако, никаких доказательств о существовании такого, невиданного и для многих русских, богатства и не мог объяснить, как и при каких обстоятельствах мог Зейкан приобрести такие средства, прослужив сравнительно короткое время «гофмейстером» при внуке Петра Великого и изгнанный затем из России Меншиковым. Находившийся в это время в России имперский посол Лобкович не мог, конечно, помочь молодому Зейкану в этом безнадежном деле и даже не добился от русских оплаты ему обратного проезда.⁵⁵

В этой истории с богатствами Зейкана нельзя не видеть сплетения были с небылицами, и это сплетение сложилось, конечно, в кругах карпаторусских, где допускалось, что служба при русском дворе должна была неминуемо дать царскому учителю в руки большие богатства.

Собранные на предшествовавших страницах дополнительные сведения — вместе с приведенными уже мною в 1930 г. данными — касаются, к сожалению, лишь внешних фактов жизни и деятельности И. А. Зейкана и не раскрывают внутреннего его мира и внутренней сущности его деятельности как учителя и просветителя в среде русского окружения Петра Великого. Исходя, однако, и от одних внешних фактов жизни и работы Зейкана в России, нельзя не заключить, что перед нами — человек не только большого жизненного опыта и основательного школьного образования, но и дельный педагог и воспитатель, умевший прочно расположить к себе и к своему делу своих питомцев, укрепить свои личные связи с ними и приобрести этим такой авторитет и признание, что сам Петр Великий видел в нем подходящего человека и специалиста для ответственной работы по подготовке юного его внука к жизни и деятельности в качестве русского царя. Мы не знаем всех обстоятельств решения Петра I и допускаем наличие вокруг этого дела и зрелых размышлений, и игры пристрастий, и даже интриг, — история С. Эсемана об этом кое-что говорит. Но все же

⁵³ И. Дулишкович. Исторические черты угрорусских, т. III. Ужгород, 1877, стр. 177—178.

⁵⁴ А. В. Флоровский, ук. соч., стр. 2.

⁵⁵ Донесения Лобковича от 24 сентября 1772 и 4 октября 1776 гг в «Сборнике Русского исторического общества» (т. СХХV, СПб., 1901, стр. 119—120, 558).

в лице Зейкана в дело вступил человек, пользовавшийся признанием и авторитетом, человек большого опыта и значительного культурного кругозора. Поэтому мы не удивляемся, встретив в одном из современных эпохе источников по истории русского просвещения при Петре Великом следующую характеристику И. А. Зейкана, которой и заключаем наше изложение: «*Illustris Zeccanius olim penes Principes Nariskin studiosorum moderator nunc Magni Russiae Ducis formandis moribus Praefectus, vir Literatissimus in Palladis Palladi enutritus at educatus*» («Знаменитый Зейканий, некогда воспитатель князя Нарышкина, а ныне возглавляющий воспитание русского великого князя, это муж, воспитанный в самом святилище мудрости»).

Так пишет об И. А. Зейкане хорошо знавший, видимо, русскую столичную культурную среду голландец фан дер Бех в своем очерке «*Raesens Russiae litterariae status*», опубликованном в 1727 г., еще при жизни Екатерины I.⁵⁶ Уже одна эта цитата достаточно оправдывает наш интерес к жизни и деятельности в России И. А. Зейкана как работника на ниве русского просвещения и образования в славное время Петра Великого. . .

---

⁵⁶ Опубликовано в «*Acta phisico-medica Academiae Caesarea Naturae Curiosorum*», t. I. Norimbergae, 1727, appendix, стр. 147. На этот текст обратил мое внимание П. Н. Берков, за что искренне его благодарю. — Упоминания о Зейкане встречаются в произведениях Кантемира и Сумарокова. В примечаниях к стихам 18 и 19 первой сатиры Кантемир писал о Петре II: «Прежде восшествия на престол его величество имел учителя Зейкана, родом венгерина (в других списках: венгерца, — П. Б.)». В статье «К несмысленным стихотворцам» («Трудолюбивая пчела», 1759, декабрь, стр. 766; Полное собрание всех сочинений Сумарокова, изд. 2-е, М., 1787, т. IX, стр. 278) Сумароков говорит: «... должен я за первые основания в русском языке отцу моему, а он тем должен Зейкану, который выписан был от государя императора Петра Великого в учителя к господам Нарышкиным и который после был учителем государя императора Петра Второго». Из фразы Сумарокова можно сделать вывод, что Зейкан преподавал его отцу «основания в русском языке». Это вполне возможно: Петр Панкратьевич Сумароков родился в 1694 г. и следовательно, в начале XVIII в. мог быть учеником Зейкана. — *Ред.*

П. В. ЛИНТУР

ТРАДИЦИИ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА В ЛИТЕРАТУРЕ ЗАКАРПАТЬЯ XIX в.

Общность происхождения восточнославянских народов, их тысячелетняя историческая жизнь в рамках одного государства, неустанная борьба с внешними и внутренними врагами способствовали укреплению тесных культурных взаимоотношений, развитию сознания братского единства и появлению в письменности патриотической идеи целостности Русской земли.

Проблема русско-украинских литературных связей ставилась много раз еще в дореволюционное время, но только советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией, нашли ее правильное решение. Нашими историками, этнографами, литературоведами была написана большая серия работ, посвященных этой чрезвычайно важной и злободневной теме. В своей статье мы затрагиваем только один частный вопрос — о традициях русского классицизма в творчестве закарпатских писателей XIX в.

В нашей науке недостаточно изучены литературные связи М. В. Ломоносова с Украиной, и такая сложная проблема, как значение Ломоносова для развития украинской литературы, и проблема традиций русского классицизма в творчестве украинских писателей XVIII и XIX вв. еще остаются недостаточно изученными.

Здесь мы не собираемся ставить и решать эту проблему во всей ее широте и глубине, ограничимся только одной маленькой областью Украины — Закарпатьем, которое, как известно, вплоть до конца Великой Отечественной войны (1945 г.) имело свою особую историю. Захваченное еще в начале XI в. венгерскими феодалами, оторванное от коренных материнских земель и находившееся под чужеземным владычеством на протяжении девяти веков, — Закарпатье («Угорская Русь» по старой терминологии) вопреки всем географическим преградам продолжало жить духовными интересами великой Родины. Закарпатские украинцы никогда не забывали о своих единокровных братьях на востоке, свято хранили веру и

обычаи предков и свою народную восточнославянскую культуру. Традиции Киевской Руси сохранились на южных склонах Полонинских Карпат до наших дней.

Буржуазные,¹ демократические украинские² и советские ученые³ рассказали нам историю культурных связей Закарпатья с Россией и Украиной, и на основании собранного ими фактического материала мы можем с уверенностью сказать, что памятники древнерусской письменности и сочинения русских писателей XVIII в. проникали в Закарпатье в большом количестве и местные грамотные люди читали их с любовью.

До утверждения церковной унии в XVIII в. православная вера и восточный обряд, преследуемые официальной католической иерархией и светскими властями, способствовали духовному единению всех восточнославянских племен. На необозримых просторах от верхней Тиссы до Урала, от Балтийского моря до Черного существовала одна письменность, один книжный язык.

В исторических документах часто упоминаются торговцы русскими книгами. Австрийские чиновники стремились воспрепятствовать проникновению русской литературы в Закарпатье, но все их усилия были напрасны. Предприимчивые торговцы, встречая поддержку со стороны местного населения, обходили законы таможен, ухитрялись завозить русские книги целыми подводами. Так, в 1727 г. на границе Венгрии власти задержали владимирских книготорговцев. В 1750 г. в селе Ужок под Ужгородом пограничная стража захватила девять подвод с русскими книгами, в числе которых было 400 букварей. В 1770 г. в Мarmorошсигете власти отобрали у Степана Григоровича, Ивана Ивановича и Игнатия Тимофеевича 447 книг.⁴

О тяге местного населения к России, о его любви к русской культуре свидетельствуют исторические документы. Например,

¹ А. А. Петров. 1) Материалы для истории Угорской Руси, вып. I—IX. СПб., Прага, 1905—1923; 2) Древнейшие грамоты по истории карпатской церкви и иерархии. 1391—1498. Прага, 1930; А. Г о д и н к а. История Мукачевской греко-католической епархии. Будапешт, 1909, стр. 798—814 (на венгерском языке); Е. П е р ф е ц к и й. Печатная церковнославянская книга Угорской Руси в XVII—XVIII вв.—Известия Отделения русского языка и словесности, 1916, т. XX, кн. 2; Ю. А. Я в о р с к и й. Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вв. Прага, 1931, и другие работы.

² І. Ф р а н к о. Карпаторуське письменство XVII—XVIII вв. Львов, 1900.

³ М. М. Л е л е к а ч. Культурні зв'язки Закарпаття з Україною і Росією в XVII—XVIII ст.—Наукові записки Ужгородського університету, 1954, т. IX; И. Г. К о л о м и е ц. Очерки по истории Закарпатья, часть первая. Труды Томского университета, 1953, т. СХХІ; часть вторая. Томск, 1959; В. М и к и т а с ь. Давни рукописи і стародруки. (Библиотека Ужгородського університету). Ужгород, 1961, и другие работы.

⁴ См.: А. П е т р о в. К истории «русских интриг» в XVIII в.—Карпаторусский сборник, Ужгород, 1930, стр. 123—136.

в донесении ягерского католического епископа наместническому совету читаем: «Известно, что в Ягерской епархии так много русских и румын, что их попов в четыре раза больше, чем римско-католических священников. Предки этих русских и румын приняли унию, но, как я убедился при визитации церквей, по большей части только по имени. Схизматический обряд, схизматические воззрения, схизматическая мораль господствуют у них. Причиной этого является невежество и небрежение их попов, которые и сами не свободны от ошибок в вере и морали, а все оттого, что они пользуются преимущественно московскими церковными книгами. При допросе попов я усмотрел у многих ужасные заблуждения, почерпнутые из схизматических книг. Между прочим, во время богослужения они поминают, вместо ее величества и папы, царя и петербургского патриарха! В соседней Польше существуют типографии, печатающие церковные книги, очищенные от схизматических заблуждений и к тому же более дешевые, но они все-таки предпочитают обращаться в Москву, несмотря на далекое и трудное путешествие. Очевидно, им нравятся заблуждения московских книг».⁵

Так сквозь рогатки придирчивой цензуры, преодолевая всякие препятствия, проникала в Закарпатье русская литература. Знакомясь с книжными фондами Ужгородской университетской библиотеки (б. епархиальной), Областного краеведческого музея, Мукачевской монастырской библиотеки, мы встретились с богатым подбором московских, петербургских, киевских и других изданий XVIII столетия. Эти издания говорят о том факте, что литература русского классицизма была хорошо известна закарпатцам, и не только произведения самых крупных, но и второстепенных писателей.

Среди книг XVIII в. можно увидеть: «Камень веры» Ст. Яворского (Москва, 1728 и Киев, 1730); «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова (СПб., 1755); «История российская от древнейших времен» М. Щербатова, тт. I, II, III, IV, V (СПб., 1770—1791); «История российская...» В. Татищева (кн. I — 1768, кн. II — 1779, кн. III — 1774, М., унив. типогр.); «Еклоги» А. Сумарокова (СПб., 1774); «Россияда» М. Хераскова (М., 1779); «Новое и полное собрание российских песен» (М., 1780); «Историческое описание первопрестольного в России храма» А. Левшина (М., 1783); «Древняя российская вивлиофика» Н. Новикова (СПб., 1773—1775, части 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; М., 1788—1791, части 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19; СПб., 1786—1793, части 2, 3, 4, 9); «Письмовник» Н. Курганова (СПб., 1793) и др.

Популярностью пользовались в Закарпатье и русские периодические издания XVIII в., что подтверждается часто встречающи-

⁵ Там же, стр. 127.

мися замечаниями, приписками на полях. Из этих изданий назовем «Санктпетербургские ученые ведомости» за 1777 г.; «Труды вольного экономического общества» на 1764—1765 годы; «Академические известия» (1779—1781); «Московское ежемесячное издание» (1781); «Городскую и деревенскую библиотеку» (М., 1783); «Собеседник любителей российского слова» (СПб., ч. 9—1783; ч. 10—1783) и др.

Сочинения М. В. Ломоносова хранятся в их первых изданиях: «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика» (СПб., 1748); «Российская грамматика» в русском оригинале изд. 1755 г. и в немецком переводе изд. 1764 г.; «Рассуждение о большой точности морского пути» (СПб., 1759).

В Мукачевском монастыре на Чернечей горе уцелел рукописный сборник, содержащий оды Ломоносова и трагедию «Демофонт», переписанный в 1762 г. кирилловскими буквами.

Перечисленные сочинения Ломоносова и его современников попали в епархиальную библиотеку в Ужгороде, очевидно при епископе Андрее Бачинском (1732—1809), любителе славянской книги и ревнителе «славянорусского» языка.

На многих из названных изданий есть автографы Андрея Бачинского, Ивана Семеновича Орлая, Александра Васильевича Духновича и др. Заметки на полях, надписи помогают нам установить те пути, по которым проходили культурные связи Закарпатья с Россией. Например, на заглавном листе «Всемирной истории» (СПб., 1787) стоит подпись: «Иван Орлай, штабс-лекарь российской армии, подарил любезному своему другу Дм. Поповичу, 1799». Или на первом листе «Трудов Вольного экономического общества» (1772) читаем приписку: «Ивана Орлая гвардии штабс-лекаря, коллегии медицинской адъюнкта и ученого собрания физического члена. Подарил И. Камнецкой 1799 года». Иным почерком: «Сей Иван Орлай из Угрии шед во Россию».

На рубеже XVIII и XIX столетий в Россию выехала из Закарпатья целая группа образованных людей, которые посылали своим землякам в личные и школьные библиотеки русские книги. Это были: Иван Семенович Орлай, член Российской академии, директор Нежинского лицея и друг Гоголей; Михаил Андреевич Балугьянский, Андрей Иванович Дудрович, ректор Харьковского университета; братья Билевичи, Михаил Васильевич и Иван Васильевич, заведовавшие кафедрами Харьковского университета; Юрий Иванович Гуца-Венелин — известный славист, «будитель и воскреситель» (по словам И. Франко) болгарского народа и др. Они служили связующим звеном между Россией и Закарпатьем, пропагандируя среди своих земляков русскую литературу и достижения русской культуры.

Орлай, Балугьянский, Кукольник, Лодий и другие, получившие воспитание в австро-венгерских школах в период господства классицизма, приехали в Россию, когда величайшими авторитетами в русской литературе считались Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Естественно, что они прониклись к этим писателям глубоким уважением, сделали их поклонниками и рекомендовали их произведения своим землякам в качестве образцов, достойных подражания. Гражданская поэзия Ломоносова и Державина, прославлявшая победу русского оружия и политическую мощь России, поддерживала патриотические настроения закарпатских эмигрантов, покинувших родной край в знак протеста против чужеземного гнета.

На сочинениях Ломоносова, Державина, Хераскова, Фонвизина воспитывались целые поколения местной интеллигенции, воспитывались в духе любви к своему угнетенному народу, в любви к великой родине — России, в которой жили их единокровные братья — украинцы и русские и которая может протянуть руку помощи угнетенным славянским народам.

Когда в Закарпатье появилась своя пресса (в середине XIX в.), то тексты русских классиков стали перепечатываться на страницах литературных альманахов, календарей-месяцесловов, журналов, газет. Например, в альманахе «Поздравление русинов на 1852 год» А. В. Духнович перепечатал две оды Державина («Бог» и «Бессмертие души»); в «Месяцеслове» за 1868 г. — «Оду к богу» Державина и т. д.

Учителя средних школ и их ученики нередко пользовались пособиями по русской литературе, изданными в России. Так, известная «Историческая хрестоматия» А. Галахова, содержащая множество текстов классической литературы XVIII в. (24 произведения одного Ломоносова!), найдена нами в ряде школьных и личных библиотек Закарпатья.

В 1868 г. в Ужгороде вышел «Краткий сборник избранных сочинений в прозе и стихах для упражнения в русском языке». Составитель этой первой антологии русской литературы, изданной в Закарпатье, Кирилл Антонович Сабов, желая дать в руки местного читателя образцы современного русского языка, подобрал тексты из произведений русских классиков XIX столетия (Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и др.), но включены и писатели конца XVIII в.: Карамзин, Крылов, Дмитриев, Хемницер и др. М. В. Ломоносову уделяется большое внимание; о нем напечатаны четыре биографических очерка: «Ломоносов», «Бегство Ломоносова», «Через несколько лет, или Чтение первых стихов Ломоносова у императрицы Анны Иоанновны» и «Смерть Ломоносова», а также отрывки из пьесы Н. Полевого «Рыбак» (точнее — «Ломоносов»). В очерках рисуется яркая фигура гениального ученого и талантливого поэта. . .

Можно привести еще ряд фактов, подтверждающих популярность русской литературы классицизма в Закарпатье. При изучении фактического материала напрашивается вопрос о влиянии этой литературы на творчество местных писателей. Данный вопрос далеко не изучен, хотя ставили его уже буржуазные исследователи.⁶ Решение его требует критической проверки фактов и сугубой осторожности в выводах, чтобы не впасть в вульгарный компаративизм. В. Францев, Е. Недзельский и А. Контрош, сопоставляя отдельные стихотворения Духновича с одами Ломоносова или Державина, сопоставляя пьесы Духновича с комедиями Фонвизина, ссылаются на внешнее сходство мотивов, образов и делают категорические поспешные выводы. Но при анализе родственных литературных явлений необходимо обращать внимание не только на их внешнее сходство, но и на их идейные связи.

Говоря о традициях русского классицизма в творчестве закарпатских писателей XIX в., о влиянии Ломоносова, Державина на Духновича, Павловича, И. Сильвая, Е. Фендика, мы должны думать прежде всего об идейных позициях тех и других. Когда мы глубоко вникаем в социально-политические и эстетические воззрения русских просветителей XVIII в. и сравниваем их со взглядами закарпатских «будителей», — видим существенную разницу между ними.

Как известно, классицизм был неоднородным явлением. Мы знаем по крайней мере две его разновидности: дворянский классицизм и просветительский классицизм. Ни первый, ни второй не мог найти для себя органическую почву в захолустном крае с неразвитыми социально-экономическими отношениями, в крае, где население делилось на забитых неграмотных крестьян и немногочисленных приходских священников и монахов, стоявших на низком культурном уровне.

Закарпатским писателям-«будителям», почти без исключения сельским священнослужителям по профессии, не мог нравиться дворянский классицизм с его аристократическими идеалами, но им был чужд и просветительский классицизм с его философским рационализмом и материализмом, с его антипоповской и антирелигиозной заостренностью.

Для передовых русских писателей XVIII в. характерны антиклерикальные настроения, ратование за светскую науку и культуру, освобожденную от церковной опеки; для закарпатских же «буди-

⁶ См.: В. А. Францев. Державин у славян. (Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст.). Прага, 1954; Е. Недзельский. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932, стр. 149; А. Контрош. Духнович — учитель и воспитатель угрорусского народа. — «Народна школа», 1939, № 1.

телей», наоборот, характерна религиозно-церковная окрашенность их классицистических тенденций!

Мы подчеркиваем слово «тенденций», ибо считаем, что классицистическое течение в Закарпатье не было органическим явлением и не получило полного выражения. Мы предпочитаем говорить только о классицистических тенденциях в сочинениях Духновича, Павловича, И. Сильвая и др. Классицизм не мог получить в Закарпатье полного выражения потому, что он пришел сюда с большим опозданием, с опозданием по крайней мере на 50 лет.

Почему? Да потому, что экономическая и культурная отсталость Закарпатья, обусловленная его колониальным положением в Габсбургской монархии, его оторванностью от материнских украинских и русских земель, его географической и политической изоляцией, — пагубно отразилась и на его литературной жизни.

Местные писатели и общественные деятели, получившие воспитание и образование преимущественно в духовных семинариях, не могли освободиться от средневековой схоластики, и печать клерикализма и социально-политической ограниченности лежит на всем их творчестве, не отличающемся высоким художественным уровнем.

Литературный процесс Закарпатья XIX в. характеризуется запоздалостью культурных течений, нечеткостью их проявления и смещением стилей в сочинениях одного и того же автора. В то время как на Западе и в России классицизм был господствующим направлением в XVIII столетии, в Закарпатье его отзвуки слышатся не только в творчестве Духновича и Павловича — писателей, сформировавшихся в первой половине века, но и в творчестве Сильвая, Попрадова и Е. Фенцика, которые жили и работали во второй половине XIX в.

Со значительным опозданием проникли сюда и сентиментализм, романтизм и реализм.

Но что прежде всего бросается в глаза, когда читаешь произведения «будителей», так это переплетение различных течений, взаимопроникновение и смещение различных стилей. Например, у Духновича классицистические тенденции смешиваются с сентименталистскими, романтическими и даже реалистическими. Мало того, в одном и том же произведении (пьесе «Добродетель превышает богатство») нельзя не заметить сочетания нескольких художественных стилей.⁷

Итак, если социально-политическая ограниченность «будителей», религиозно-церковная окрашенность их творчества отделяет

---

⁷ Более подробно о литературных течениях в Закарпатье мы говорим в статьях: «Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX в.» («Науковi записки Ужгородського університету», 1956, т. XX) и «Литературные течения в Закарпатье XIX ст.» (Доповiдi та повiдомлення Ужгородського університету, 1961, № 7).

их от русских просветителей XVIII в., то что же их сближает? Сближает их последовательная проповедь идеи народного просвещения и распространения грамотности среди массы забитого и отсталого крестьянства. Эта идея красной нитью проходит через все сочинения Духновича, Павловича, Кралицкого, Митрака, Сильвая, Попрадова, Е. Фенцика.

Названные писатели, как и все просветители XVIII в., приписывают идеям решающую роль в историческом процессе. Они исповедуют наивную веру во всемогущество идей. По их мнению, стоит только издать хорошие законы, открыть хорошие школы, установить хорошую администрацию, суды и т. д. — и наступит рай на земле.

Они высказывали ту наивную точку зрения, свойственную просветителям XVIII в., что наука и религия совместимы, что вера в божественное мироздание не противоречит научному взгляду на материальность мира.

Вместе с тем «будители» были ревнителями народного образования и много сделали для развития школьного дела в Закарпатье. Некоторые из них написали учебники по естествознанию, физике, математике, географии. Например А. Духнович — автор учебника «Краткий землепись для молодых русинов», Е. Фенцик — автор учебников: «Краткая география в пользу учащихся», «Первоначальные сведения из арифметики» и др.

Сближает «будителей» с русскими просветителями XVIII в., и в первую очередь с Ломоносовым, идея необъятной могущественной Родины — Руси, которая попралила власть татар, разбила гордых шведов, громит турецких поработителей и немецких агрессоров. Вера в историческую миссию России, объединившей братьев по крови — русских, украинцев и белорусов, возглавившей освободительное движение славянских народов, — пронизывает все творчество Духновича, Павловича, Попрадова, Е. Фенцика и роднит этих поэтов с Ломоносовым, Державиным, Херасковым.

Сближает «будителей» с русскими просветителями XVIII в. и внешняя форма их творчества, художественный стиль. Еще и еще раз подчеркивая существенную разницу в идейных позициях закарпатских поэтов и их русских литературных учителей, мы должны указать на сюжетное сходство, сходство в поэтических приемах, в образах, в средствах художественного выражения.

Уже в самом начале XIX в. мы наблюдаем в Закарпатье попытки сочинения стихов в духе русского классицизма. Так, в 1805 г. Григорий Таркович (1752—1841), цензор славяно-русских книг в Будине, посвящает венгерскому палатину оду, начинающуюся панегириком:

Русские музы! С Карпатских снидите гор
До Уга, в мой ставтеся владычий двор...

Поэт оплакивает смерть императрицы Екатерины II — «невской Нимфы»:

Вем, Паллас при Неве престол положила.
Неблагодарна! Ужок, Латурцу лишила...
Карпат славянам есть истинный отец, мати...
Но россианы дети то не ищут знати...

Эти похвальные стихи, хранящиеся в архиве Мукачевского монастыря, обнаруживают несомненное знакомство автора с русской одической поэзией XVIII в., о чем свидетельствует и то, что эпиграфом к ним служит двустишие Сумарокова:

Судьбами таковы порядки учреждены,
Мы для вас, а вы, князие, для нас рождены.

(Епистола I).

В 1807 г. в словацком городе Трнава, где учились многие закарпаты, молодой студент Андрей Вальковский составляет в честь местного мецената, владыки Андрея Бачинского — почитателя русской литературы, называвшего Ломоносова «патриархом русской поэзии», — превыспреннюю оду, написанную громоздким силлабическим, но русским стихом, изобилующим гиперболизмами из арсенала классицистической поэтики:

Твой век есть схожий с Сатурна веком
И как оный был золотым латином,
Твой так есть россом, и потомству росскому будет.⁸

Отзвуки антиклерикальной просветительской поэзии слышатся и в сатирической «Песне о должности пастыря духовного» Иоанния Пастелия, высмеивающей моральный упадок духовенства, его чревоугодничество, фарисейство. «Духовный пастырь» дает наставления доверчивым людям, а сам «живет блудно», не соблюдает постов, пьянствует...

Пастырю душевный, ты попе избранный,
Люд грешный очищати от бога ешь данный,
Як же других очищаешь,
Кеть сам скверным изостаешь,
Жиючи блудно?⁹

Наиболее сильное воздействие на закарпатских поэтов оказали патриотические и религиозно-философские оды Ломоносова и Державина. Классицистические тенденции заметнее всего в творчестве Александра Васильевича Духновича (1803—1864), положившего

⁸ В. Францев. Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII—XIX ст. Ужгород, 1929.

⁹ І. Франко. Карпаторуське письменство XVII—XVIII вв., стр. 145.

первые камни в фундамент культурно-национального пробуждения Угорской Руси. Очень интересно проследить на его примере за процессом развития и смены литературных течений в Закарпатье.

Духнович начинает свою писательскую деятельность торжественными одами, написанными под непосредственным влиянием Ломоносова. Успехи русского оружия на Балканах в войне с Турцией за освобождение славянских народов вдохновили его к сочинению «Оды на триумф Николая Павловича, самодержавца-царя всея России» и «Оды на взятие Варны — крепости в Болгарии дужия чрез полк российский 12 октября 1829 г.».

Молодой поэт восхищается героизмом русских солдат, прославляет их полководцев, перечисляя турецкие крепости, взятые русским войском. Он подробно описывает штурм Варны и попутно рассказывает историю этой твердыни, под стенами которой погибла христианская армия Владислава III и сам польский король... Но теперь наступили иные времена. Варна не устояла под натиском «россов», ибо

Не мож там захищати,
Где суть руки росския!..

Сердце поэта переполняется радостью и гордостью за великий русский народ. По торжественно-приподнятому стилю, по художественным приемам и языку это стихотворение Духновича — типичная классицистическая ода, написанная по образцу ломоносовской оды «На взятие Хотина».

Буржуазные исследователи,¹⁰ доказывая зависимость А. Духновича от русских классицистов, выпячивали всегда его религиозно-философские оды «Мысль о бозе», «Надежда в бога», «Вечность», «Солнце», «Месяц» и др. Сравнение внешней формы, а прежде всего стиля этих произведений с некоторыми одами Ломоносова («Утреннее размышление о божием величестве», «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния»), Державина («Бог», «Водопад») и Дмитриева («Размышление по случаю грома») убеждает нас в несомненном воздействии классицистов на творчество закарпатских «будителей». Вот отрывок из стихотворения Духновича «Мысль о бозе»:

Я слабый червь, ты всеилен,
Я пепел, глина и прах,
Ты, боже, сам всем обилен
Мне позрети на тя страх.
Ты дух духов и бог богов,
А я ничь перед тобою...¹¹

¹⁰ Вол. Бирчак. Литературні стремління Підкарпатської Руси. Ужгород, 1937, стр. 94—101.

¹¹ Поезії А. Духновича. Ужгород, 1922, стр. 23—25.

Здесь и мотив, и лексика, и дословное совпадение выражений в некоторых стихах напоминают нам державинскую оду «Бог»:

Как капля в море опущенна
Вся твердь перед тобой сия,
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой ничто...
Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог!..

Черты классицизма видны и в патриотических стихотворениях Духновича, таких, как «Гимн подкарпатских русинов», «Вручение», «Голос радости», «Поздравление новому другу», «Русский марш» и др.

О связи пьес Духновича «Добродетель превышает богатство» и «Головный тарабанщик» с традициями русского классицизма (Фонвизин) писали в свое время А. Контрош¹² и Е. Недзельский¹³ и нет потребности повторять их выводы.

Однако наиболее устойчивыми оказались эти традиции в так называемом языковом вопросе Закарпатья, т. е. в продолжительном споре о литературном языке, который шел с середины XIX в. вплоть до воссоединения (1945). Язык и стиль «будителей» напоминает собою язык и стиль русских писателей допушкинского периода, благодаря пестрой смеси элементов церковнославянского, современного русского языков и местных украинских говоров.

В Закарпатье вплоть до середины XIX столетия дает себя чувствовать ломоносовская теория «трех штилей».

В предисловии к своему сборнику «Церковные беседы» (Будапешт, 1891) Михаил Иванович Лучкай, автор известной «Grammatica Slavo-Ruthena», выдающийся лингвист и историк, говоря о языке и стиле, которым должны пользоваться местные образованные люди, пишет: «Язык совсем простой прито не употреблял, ибо на высокия понятия веры и морала недостаточный есть; несть бо возможно простому человеку понятия и слова имети токмо наукою и чтанием приобретаемая; природныя же понятия философи не допускают. Стил же библический не легко поразумевается. Средним путем безопаснейше ити, мне виделося. Что по-русски

¹² А. Контрош. Духнович — учитель и воспитатель угрорусского народа. — «Народна школа», 1939, № 1.

¹³ Е. Недзельский. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932, стр. 151.

изрядно выражается, а что из библического легко разумеется, — употреблять смыгал есмь ся (я стремился, — П. Л.). Сам бо народ русский совсем простой язык во церкви не любит, но тешится средним. Мое же намерение было разуметьельно беседовати и учити. . .».

Лучкай здесь высказал не только свой личный, но и общепринятый в среде местных грамотных людей взгляд на литературный язык. Он развивает ту мысль, что речь простого народа не способна выразить высокие абстрактные понятия, церковнославянский же язык («стиль библический») мало понятен. Поэтому следует идти средним путем, т. е. брать из церковнославянского языка доступные и подходящие слова и сочетать их с изящными («изрядно») выражениями русской живой речи.

Как видим, предисловие пересказывает содержание известной ломоносовской статьи «О пользе книг церковных». Лучкай вслед за Ломоносовым различает три стиля: 1) «язык совсем простой» (по терминологии XVIII в. «подлый», — П. Л.), 2) «стиль библический» — «высокий» и 3) средний («средний путь»).

Такого же мнения придерживался в своей писательской практике и Духнович. Свои торжественные и религиозно-философские оды и патриотические стихотворения он писал «высоким» стилем; учебники, статьи, научные труды — «средним» стилем, а «Добродетель превышает богатство» и стихи-песни, адресованные простонародью, — «низким» стилем.

«Будителям» (священнослужителям по профессии) импонировала высокая оценка, данная Ломоносовым церковнославянскому языку как основе современного русского литературного языка. Закарпатские деятели упорно отстаивали ту неверную точку зрения, что церковнославянский язык есть «мать» славянских языков.

Когда на общественное поприще выступило младшее поколение «будителей» (А. Кралицкий, А. Митрак, И. Сильвай, Ю. Попрадов, Е. Фенцик), которое провозгласило употребление современного русского языка в качестве литературного, — «батько» Духнович также переориентировался, но только теоретически. На практике он продолжал старые традиции.

Закарпатские писатели второй половины XIX в. были искренними почитателями и ревнителями современного русского литературного языка. Величайшими их авторитетами становятся Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев и др. Они стремились писать на русском языке свои произведения, но, отрезанные от истоков русской культуры, получив образование в чужих латинских и венгерских школах, они не могли овладеть им в совершенстве.

«Будители» учились мастерству у великих русских классиков XIX в., но им не удалось окончательно освободиться от старой традиции. В особенности их сочинения юношеского периода носят

печать классицизма. Таковы юношеские стихотворения И. Сильвая, Ю. Попрадова, Е. Фенцика.

Для иллюстрации приведем отрывки из прочувствованного стихотворения Е. Фенцика «Русскому народу».

От вод севера холодных,
Где сверкает вечный лед,
До берегов Евксина теплых,
Где весна всегда цветет,
От волшебных стран Карпата
До верхов окрест Урала —
Всюду Русь и наш народ.

Тисы волны где катятся,
Дон Иванович плывет,
Днепр, Онега где струятся,
Волга-мать суда несет.
Вокруг Ладоги, Азова,
И Казани и вокруг Львова —
Наш везде народ живет.

Часть шестую всего мира
Управляет русский глас,
Солнечного шар светила
Не заходит лишь у нас.
Если всходит над Карпатом,
Вечереет над Уралом,
А в Камчатке ночной час!

.....

Храбрый наш народ и славный,
«Слава» ведь и наша мать.
На полночи, на востоке,
На закате и на юге
Русская знакома рать.

Цареград дрожал пред нами,
Как Оскольд пред ним стоял,
И под русскими ладьями
Закипал Босфорский вал...
Мы веками отражали
Зло татарских грабежей
И Европу защищали
От алтайских дикарей...
Кто б не знал о славной Сечи
И о русских козаках?
Много их кровавы сечи
Низвергали градов в прах.
На Варшаву, Стамбул гордый,
На татарски дики орды
Наводили вечный страх...

Кто бы мог дела все славы
Русского народа счесть?
Они будут величавы
Пока в мире люди есть...

Однако, прослеживая традиции русского классицизма в литературе Закарпатья, мы не должны забывать, что «будители» жили

и работали уже в XIX в. Поэтому они не могли не испытать влияния и других направлений: сентиментализма, романтизма (ставшего доминирующим) и зачатков реализма. Все эти направления переплетаются в творчестве А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, И. Сильвая, Е. Фенцика и др.

Итак, изучение литературного процесса в Закарпатье XIX столетия позволяет сделать вывод, что местные писатели, несмотря на все географические и политические преграды, всегда интересовались культурной жизнью своей великой Родины и в своем литературном развитии воспринимали многое из опыта русской литературы XVIII в.

В. А. МИКИТАСЬ

«РОССИЙСКАЯ ГРАММАТИКА» М. В. ЛОМОНОСОВА В ЗАКАРПАТЬЕ

Поэтическое творчество Ломоносова оказало значительное влияние на литературное развитие Закарпатья в XVIII—XIX вв. Под воздействием научных трудов Ломоносова складывалась также и филологическая наука Закарпатья в ее первых опытах нормализации родного языка. В этой своей работе закарпатские филологи следовали «Российской грамматике» М. В. Ломоносова, ее общему направлению и смыслу.

В 1788 г. священник и преподаватель словесных наук Арсений Коцак заканчивает свою «Грамматику русскую, сирѣчь правила извѣщательная и наставительная о словосложении слова языка славенского или русского во пользу общую и утверждение всѣм свойственного языка своего братьям не точию к чтению и писанию, найпаче же чтений и писаний разумѣнию, но такожде и латинского языка, обще восприятого удобнѣйшему понятию и изучению всеполезнѣйшая и благопотребнѣйшая новосложившаяся и списавшаяся трудолюбием единого наименшаго от братии чина с<вятого> В<асилия> В<еликого> во св. обители Марія Повчанской», которая так и осталась в рукописи. Образцом для А. Коцака была не только грамматика Мелетія Смотрицкого, как это утверждали некоторые ученые, но и «Российская грамматика» и другие работы М. Ломоносова, с которыми автор мог познакомиться в библиотеке Мукачевского епископства в Ужгороде. Правда, свою грамматику А. Коцак делит не на шесть, а на четыре части: орфографию, «яже учить чинному письмен или литер именованию, писанию и слаганию»; просодию, «яже учить чинному слов произношению»; этимологию, «яже вся речения по части словосложения розлучает и исследует и тех припадки изъясняет» и синтаксис «яже учить правому и чинному частей слова между собою сложению и розде-

лению».¹ Интересно в этой грамматике стихотворное предисловие А. Коцака, которое в некоторой степени напоминает предисловия к русским букварям XVII—XVIII вв., а также известные раздумья о русском языке в «Предисловии о пользе книг церковных» Ломоносова. В связи с тем, что грамматика сохранилась только в рукописи, процитируем его полностью.

Научившись грамматицѣ латинской,
 Увѣдах нѣчто и от греческой,
 По сем вдавнися до школы богословской,
 Укусих нѣчто и от еврейской,
 Присем такожде любопытный сущи
 И межи различными язычниками будущи
 Видѣх грамматику не точию угорскую,
 Но по сем такожде и нѣмецкую.
 Всѣ убо языки в Европѣ сущия
 Увидѣх зѣло любомудрствующия.
 Едины точию едины мѣзерны руснаки,
 Мнях ся мнѣ быти, аки спростаки,
 Еже мнѣ зѣло сотворися не зносно,
 Тѣм всѣгда помышлях, цибы не возможно?
 Грамматику нѣкую и языка рускаго
 Или аще изволиш ради й словенскаго
 Грамматику глаголю, цибы не можно сложити,
 И сию явѣ миру всему предложити,
 Дабы и нас мѣзерных руснаков,
 Не судили всѣ аки спростаков,
 Чтоб убо мыслил ем, не веце мыслил ем.
 Но о чем мыслим ем и вымыслил ем.
 Правда не знаю, ниже глаголю, иж бы было
 дѣло совершенно.
 Но прото общему суду предаю любезно,
 Дабы возмогли о сем дѣлѣ моем всѣ судити,
 Едва ли бы возможно сему тако быти.²

Вполне возможно, что грамматикой Ломоносова как на русском, так и на немецком языке пользовался другой малоизвестный закарпатский лингвист Михаил Лучкай. В 1830 г. этот Лучкай издал в Вене на латинском языке книгу под названием: «*Grammatica Slavo-Ruthena: seu Vetero-slavicae, acti in montibus Carpathicis Parvo russicae, seu dialecti videntis linguae*». В предисловии Лучкай говорит о том, что он руководствовался трудами И. Добровского; кроме того, он хорошо знал грамматики Смотрицкого и Мразовича, слушал в Вене лекции Копитара, там же он мог познакомиться и

¹ Панькевич. Славеноруська граматика Арсенія Коцака другої половини XVIII віка. — Науковий збірник т-ва «Просвіта», Ужгород, 1927. стр. 232—253.

² Цит. по кн.: І. Панькевич, ук. соч., стр. 235—236. Сохранено только «ѣ», которое в украинском языке произносилось как «і», надстрочные знаки раскрыты, «ъ» в конце слов опущен. — В. М.

с трудами Ломоносова. Во всяком случае построение книги, некоторые рассуждения о языке, использование в качестве примеров многих слов закарпатского украинского диалекта чем-то напоминает построение «Грамматики» русского ученого. В грамматике Лучкая были и некоторые неверные и противоречивые суждения, о которых говорить здесь нет необходимости.

Подобное предположение можно высказать и о работе еще одного закарпатского грамматика И. Фогарашия «Русько-угорська, ілі малярска грамматика. Для скорого и легкого языка обучения» (Вена, 1833). С произведениями Ломоносова Фогараший мог познакомиться не только в Вене, но и в Ужгороде, где он был ректором богословской семинарии. Ему же принадлежит и другая языковедческая работа под названием «Вообще и о различии славянских наречий, собственно же о малой карпато- или угрорусских», которую он послал в Россию И. Орлаю и которая была, по утверждению исследователей, откликом на статью Орлая «Краткая история о карпатороссах» (1804).³ В последней работе Фогараший указывает, между прочим, на девять отличий русского наречия от украинского, в том числе закарпатского диалекта. В этом ему помогла грамматика Ломоносова, так как в России Фогараший никогда не был и живого разговорного русского языка не слышал.

³ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, кн. I. Львов, 1906, стр. 45—56.

Г. Н. МОИСЕЕВА

М. В. ЛОМОНОСОВ И ПОЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ

В статье «Академия наук и славяноведение»¹ В. И. Пичета впервые поставил вопрос о том, что среди научных запросов Ломоносова был и живой интерес к истории славян. Однако В. И. Пичета не указал ни круга польских источников Ломоносова, ни аспекта его интересов в этой области.

П. Н. Берков в статье «Славяноведческие интересы Ломоносова»² показал, как серьезно занимался М. В. Ломоносов сравнительным анализом славянских языков и упорно изучал труды польских хронистов.

Задачей настоящей работы является попытка конкретно уяснить, какие труды славянских историков и как использовал Ломоносов в своих сочинениях.

Несомненно, что интерес Ломоносова к трудам польских историков начался еще в период учебы в Москве в Славяно-греко-латинской академии. В Библиотеке академии, как показывает опись, имелась на польском языке «Книга кроника полская Матвея Стриковского».³ С достаточной долей уверенности можно полагать, что Ломоносов ее читал, так как в «Письме о правилах российского стихотворства», присланном им из Германии в Петербургскую Академию наук в 1739 г., он ссылается на «Сарматскую хронологию» Матвея Стрыйковского: «... в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и свойству славенского языка, кото-

¹ В. И. Пичета. Академия наук и славяноведение. — «Вестник Академии наук СССР», 1945, № 5—6, стр. 157—175.

² П. Н. Берков. Славяноведческие интересы Ломоносова. — «Научный бюллетень Ленинградского университета», № 11—12, Л., 1946, стр. 40—44; П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII в. Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958, стр. 23—24.

³ С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 42.

рый с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он е, о за короткие, а, і, u за общие, и, ѳ, ѱ с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология».⁴

Книга, о которой говорит Ломоносов, и в дальнейшем будет часто привлекаться в его собственных сочинениях — это: Maciej Strykowski. *Która przedtem nigdy światła nie widziała kronika polska, litewska, zmużdka i wszystkiej Rusi. Králewec. 1582.*

В 1688 г. «Хронология» Матвея Стрыйковского была переведена на русский язык и распространилась в многочисленных рукописных списках.

Очевидно, что Ломоносов в период учения в Славяно-греко-латинской академии пользовался польским текстом «Хронологии» Матвея Стрыйковского. О своем знании польского языка Ломоносов писал в Конференцию Академии наук в 1764 г. По его словам, он «с малолетства спознал общей российской и славянской языки, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочел почти все древним славяно-моравским языком сочиненные и в церкви употребительные книги. Сверх сего довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и простым народом, разумея при том польской и другие с российским сродные языки».⁵ Свое знание этого языка Ломоносов подтвердил и тем, что в составленном им перечне разных языков крестом отметил «польской».⁶

К сожалению, нам не удалось обнаружить экземпляр «Хронологии» М. Стрыйковского, принадлежавший библиотеке Славяно-греко-латинской академии в первых трех десятилетиях XVIII в., так как в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, куда вошли фонды Московской духовной академии, унаследовавшей в свою очередь книжные богатства Славяно-греко-латинской академии, этот экземпляр не сохранился.

В 1749—1750 гг., в период полемики с Г. Ф. Миллером, связанной с попыткой последнего издать диссертацию «Происхождение имени и народа российского», Ломоносову, как известно, было поручено Канцелярией Академии наук дать обстоятельный отзыв об этой работе Миллера. Но Ломоносов не ограничился частными

⁴ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 10. (Далее: Ломоносов, ПСС).

⁵ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 703.

⁶ П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 950.

указаниями на ряд неточностей в истолковании данных русских летописей и затронул в этой дискуссии и глубоко-принципиальные вопросы исторической науки того времени.

В этой полемике по работе Г. Ф. Миллера Ломоносов вновь сослался на «Хронологию» Стрыйковского: «Весьма смешна (в работе Г. Ф. Миллера, — Г. М.) перемена города Изборска на Иссабург, которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стрыйковского правнукою Гостомысловою называется». ^{6а} И действительно, в главе 3 «Хронологии» М. Стрыйковского, где повествуется о первых годах правления Игоря, сказано о том, что еще при жизни Олега Игорь «поят себе в жену Ольгу, правнуку Гостомыслову из Пскова». ⁷ И так как в Библиотеке Петербургской Академии наук до 1758 г. ⁸ не было ни кенигсбергского издания «Хронологии» М. Стрыйковского 1582 г., ни рукописного списка русского перевода, можно думать, что Ломоносов в период полемики с Миллером 1749—1750 гг. использовал какие-то свои выписки из сочинения М. Стрыйковского, сделанные им еще в Москве в период учения в Славяно-греко-латинской академии с 1730 по 1735 г. В библиотеке Киево-Могилянской академии, сохранившейся до настоящего времени в двух собраниях (рукописи и славянские старопечатные книги — в ГПБ АН СССР, иностранные издания — в Филиале ГПБ АН СССР на Подоле в здании Киево-Братского монастыря, где помещалась Киевская академия), не имеется ни одного экземпляра «Хронологии» М. Стрыйковского.

В 1753 г. Ломоносов находился около месяца (с 23 февраля по 17 марта) в Москве, ожидая подписания бумаг императрицей Елизаветой Петровной на владение Усть-Рудицкой фабрикой. ⁹

Это время пребывания в Москве Ломоносов успешно использовал для работы над источниками своих литературных и исторических сочинений. Как удалось теперь установить, он просмотрел многочисленные рукописи из Патриаршего (Синодального) собрания. Работал в тот период он и в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Об этом с очевидностью свидетельствует письмо Ломоносова И. И. Шувалову от 30 декабря 1754 г., в котором он высказал пожелание «для пресечения коварных предприятий ... чтобы ... переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и

^{6а} Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 23.

⁷ БАН. 32.11.4, л. 163.

⁸ Рукопись БАН.32.11.4 «списана при Академии наук 1758 году» (л. 3).

⁹ Летопись жизни и творчества Ломоносова. Под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского и В. Л. Ченакала, М.—Л., 1961, стр. 211—212.

чести отечеству, а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению „Российской истории“.¹⁰ Очевидно, что в 1754 г. Ломоносов знал состав материалов Архива Коллегии иностранных дел. С еще большей ясностью знакомство с материалами этого собрания выступает в письме Ломоносова вице-президенту А. М. Голицыну, в ведении которого находился этот архив в 1764 г. В этом письме Ломоносов просил «вспоможения» в присылке ему материалов, в которых находится изображение «старинного нашего платья разных чинов», необходимых ему для создания «живописных картин» из отечественной истории. Далее в письме Ломоносов ясно показывает, что ему известны такие материалы в Архиве Коллегии иностранных дел: «Особливо ж есть в оной (Архиве Коллегии, — Г. М.) описание коронации и других церемоний государя царя Михаила Федоровича с личными (лицевыми, — Г. М.) изображениями на пергаменте».¹¹

В ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80), хранится русский перевод «Хроники литовской, польской, жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского — рукописи, принадлежавшей думному дворянину Степану Богдановичу Ловчикову и переписанной для него в 1706 г. Моисеем Балашевым.¹²

На этом экземпляре перевода «Хроники» М. Стрыйковского имеются приписки и пометы Ломоносова, свидетельствующие о том, что в 1753 г., в период пребывания в Москве, он изучал эту рукопись и делал из нее выписки — «эксцерпты», которые использовал для работы над «Древней российской историей».

Так, в «Древней российской истории» из рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80), непосредственно использованы некоторые материалы для характеристики времени княжения Владимира I. На л. 129 Ломоносов отчеркнул на поле имена двенадцати сыновей Владимира I (в числе их и от жен — «чехинь»), а в 7-й главе «Древней российской истории» он отметил расхождение в именах детей Владимира между русскими летописями и «Хронологией» М. Стрыйковского: «Четвертая жена, также чехиня, мать Святослава и другого Мстислава (по Стрыйковскому, Станислава)».¹³

Часть отметок и приписок Ломоносова на этом экземпляре «Хронологии» М. Стрыйковского фиксирует материалы, заготовленные, видимо, для будущих работ. Так, на л. 25 на полях им отчеркнут текст, в котором говорится о поселении потомков

¹⁰ Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 519. — Разрядка наша, — Г. М.

¹¹ Там же, стр. 581. В настоящее время лицевое «Описание бракосочетания Михаила Федоровича со Страншевой» хранится в ЦГАДА, ф. 181, № 36.

¹² Об этом имеется приписка на лл. 2—20 (ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80)).

¹³ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 258.

Афета на территории, «идеже ныне Волянь, Подолье и Литва, . . . идеже ныне финляндцы, шведы, литва, жмуды, курсы и прусы старые, и датчане». На л. 41 об. Ломоносовым отмечены источники сочинения М. Стрыйковского: «Разсуждение Длугошова и Кромерово о Литве». На л. 47 об. внимание Ломоносова обратили ссылки М. Стрыйковского на не названных по имени «летописцев литовских нецких», которые «просто пишут». На л. 66 об., помимо помет на полях, Ломоносов оставляет приписки на верхнем поле рукописи. На внешнем поле две параллельные линии отмечают приемы работы М. Стрыйковского, о которых он пишет в своем сочинении: «Все летописи русские, литовские и жмудцкие, от разных мест 15 собранные, сличал и во одно место для испытания просто повести носил и с прилежанием сличал». ¹⁴ Вспомним, что в отчете о работе в 1756 г. Ломоносов написал: «В истории: собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских». ¹⁵ Не исключено, что приемы работы М. Стрыйковского в известной мере оказали свое влияние на Ломоносова. Сопоставление разнообразных источников с целью проверки описания исторического факта и его интерпретации — эти новые достижения русской исторической науки середины XVIII в., которыми овладел Ломоносов, могли быть в известной степени подсказаны трудом М. Стрыйковского.

На этом же листе «Хронологии» М. Стрыйковского Ломоносов оставил карандашную запись имен первых польских владетелей: «Боркус, Спераз, Кунос». ¹⁶ Отметил Ломоносов на полях и известие о дальнейшей судьбе сыновей Палемона: «Сице же двум братом без наследия изшедшим, Кунас средний княжества обоих взя в правление». ¹⁷ Двумя крестами обращено внимание на то, что старший сын Кунаса — Керн ходил «перво в Русь . . . однако ж возвратился с русской войны щастливо». ¹⁸

Двойное нотабене (NB) стоит на боковом поле против текста, в котором сообщается о древности русского народа и о том, что «иные славяне первее, нежели мы, поляки, писать почели». ¹⁹ Появление русского алфавита здесь связано с «даром» греческого императора Михаила Курополята. NB отмечен и последующий текст, где еще раз повторяется мысль о большей древности русского летописания по сравнению с польским: «. . . болгары, сербы, долматы, киврать и русь и теми словами дела свои и кроники писати

¹⁴ ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80), л. 66 об.

¹⁵ Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 393.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80), л. 66 об.

¹⁷ Там же, л. 67 об.

¹⁸ Там же, л. 68 об.

¹⁹ Там же, л. 70 об.

начаша не токмо тех дел чин в книги снося, яже у них и от них творити бяху, но яже долгою памятию в разуме своем от древних предков своих слышанна имяху писмом на вечную славу в книге своей собирали и сокровищъствовали, выразумев яко повести — сокровище безсмертныя славы суть. Поляки же наши едва начаша писати от Христа в лето 962 во время Мечислава первого христианского князя полскаго и Болеслава Храброго, первого короля коронованного Оттоном-цесарем в Гнезне в лето 999, их же однако Русь 209 лет в древности повести ис писма своего предварили Руси; оне бо начаша писати в лето от создания миру, яко Греки и Русь считают 6406. Се есть от Христа 790 или мало что позже».²⁰

Прерывистой линией на полях отметил Ломоносов отрывок «Хронологии», где М. Стрыйковский, описывая языческие обряды, сохранившиеся в народе, ссылается на свои собственные наблюдения: «... и сам аз видех при гробе умерших играют, в трубы поют».²¹

В этом списке «Хронологии» отчеркнуто на полях и описание города Киева (в связи с рассказом о победе, одержанной польским королем Болеславом): «Во оно время бе Киев, якоже самое дело и Длугош с Меховием свидетельствуют, град славен, богаздателен, велик и пространен — глава всей Росии, идеже ныне еще всяк яве узрети может, присматриваясь останком розных улиц, торжищ, монастырей и церквей. Их же токмо единых бе числом 300 каменных, яже точию сведетelmi суть оныя некогда славныя древности и величества киевскаго, яко кийждо русин ныне там удивляясь может гласити со Енеем и с Пантуком, яко Виргилие написа были есмь Троя не была преславная слава троянская».²²

Интерес к описанию Киева, который так поразила «древностию и величеством» М. Стрыйковского, мог возникнуть у Ломоносова и в связи с тем, что сам он в конце 1734—начала 1735 г., как теперь известно, посетил этот город и, возможно, его впечатление как-то совпало с мнением М. Стрыйковского.

Отмечено Ломоносовым и то место «Хронологии» М. Стрыйковского, где он, основываясь на свидетельствах русских летописей, рассказывает о том, как польский король Болеслав, взяв Киев, отдал «на грабление ... на Вышнейжеград ... сокровищи побра, велмож и бояр русских старейших Ярославовых и Святополковых повеле оковати. Э двама же киянами, сестрами, дщери Владимировыми (из них же едину Предиславу, яко летописцы руские свидетельствуют, изсилнича) в Полшу отведе».²³

²⁰ Там же, лл. 70 об.—71.

²¹ Там же, л. 128 об.

²² Там же, л. 133 об.

²³ Там же, л. 104.

Приведенный выше эпизод нашел отражение в труде Ломоносова «Древняя российская история»: «Болеслав побежал из Киева с остальными людьми своими в отечество, похитив множество имени бояр и сестр Ярославлих».²⁴

На л. 175 в тексте подчеркнута пословица, происхождение которой объяснено конкретным историческим событием: киевский князь Роман, взявший в плен литовцев, «тяжкия и скотия работы ими творяше, другие оковав, в плуг запрягати яко волами похати старины коренье на новых местех. . . и от сего сия пословица возрасте, когда един литвин научися языка рускаго, в плуге тянув, рек: Романе, лихим живеши, литвою ореш».²⁵

На л. 207 Ломоносов сделал три пометы: два креста и отчерк на поле. Все они фиксируют внимание на описании тяжелых последствий периода феодальной раздробленности, когда «за несоюзом, несогласием, внутренними бранями, убивством и мучительством князей своих русских, когда один другаго яко выше в летописании руستم изъявися, издержав, изгоняше и побиваше татарова».²⁶

На л. 205 отчеркнуто известие о сыне литовского князя Минайло — Генвиле, который, взяв Полоцкое княжество, женился на Марии, дочери тверского великого князя Бориса. На л. 207 помета и приписка на поле. Помета (крест на поле) относится к тексту, в котором рассказано об изгнании из Полоцка литовских князей, после чего «полочане. . . наченши паки по-прежнему свободно жити». А приписка «Луцк» уточняет название города, о котором идет речь в заголовке текста: «О брании на победе Скирмунтове над князем лидким лета 1220». Ломоносов заметил, очевидно, ошибку в тексте «лидким» — «луцким».

На л. 209 Ломоносов отчеркнул на поле большой отрывок текста, где М. Стрыйковский рассказывает об истории создания своего труда. Он использовал самые различные источники: сочинения античных историков, литовские, ливонские и славянские хроники, сравнивая различные версии рассказов об одном событии. Работу эту он начал «егда еще млад бех в Витепску» и служил «на пехотном полку. А после войны празден быв и искусным наукам учился». Закончил М. Стрыйковский свою работу «лета 1573». Эта дата подчеркнута в тексте и отмечена на полях.

В тексте этой рукописи «Хронологии» М. Стрыйковского имеются и совсем мелкие пометы, подчеркнуты отдельные слова, по каким-либо причинам обратившие внимание Ломоносова.

Пользуясь выписками из «Хронологии» М. Стрыйковского,

²⁴ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 280.

²⁵ ЦГАДА, ф. 181, № 58 (80), л. 175.

²⁶ Там же, л. 207.

Ломоносов, очевидно, ощущал необходимость постоянно иметь этот текст для работы.

В самом начале 50-х годов XVIII в. Ломоносов составил список книг, состоящий из 129 номеров, в числе авторов (№ 26) назван «Стриковский».²⁷ До последнего времени ни характер, ни цель составления этого списка книг не были определены. Сейчас установлено, что библиографические записи — это список книг, которые, по мнению Ломоносова, нужно было приобрести для пополнения Библиотеки Академии наук.²⁸

В 1758 г. при Академии наук были «списаны с книг», принадлежащих Г. А. Демидову,²⁹ два тома сочинения М. Стрыйковского, переведенного на русский язык в 1688 г., — «Летописание Матвея Стриковского от начала мира трудолюбием отцов и многих летописателей написана и во свет дана на полском языке. Таже написана на славенский лета от сотворения мира 7196 от рождества бога слова 1688».

Мы не знаем, когда Ломоносов получил на дом оба тома сочинения М. Стрыйковского, расписки его в «Журнале библиотеки» Академии наук не имеется. Но в описи «Книг и вещей у покойного статского советника и профессора Михаила Васильевича Ломоносова, взятых им из императорской Библиотеки и Кунсткамеры» под номером 48 назван «Стриковского летописец, часть I, II».³⁰

На обоих томах этого рукописного перевода «Хронологии» М. Стрыйковского сохранились едва заметные карандашные пометы и приписки Ломоносова. Известно, что последние годы жизни Ломоносов очень тяжело болел: в 1762 и 1763 гг. он в течение нескольких месяцев лежал в постели из-за «недужной ножной болезни». Перед смертью он также месяц (с 5 марта 1765 г. до 4 апреля 1765 г.) не вставал с постели. Но, будучи больным, Ломоносов не оставлял работы. Он снова перечитывал перевод «Хронологии» М. Стрыйковского, сверял, по-видимому, многие отрывки текста со своими выписками из московского списка этого сочинения. Об этом свидетельствуют отметки на полях против тех же отрывков текста, которые вызвали его интерес в списке ЦГАДА. Так, он подчеркивает место, где М. Стрыйковский рассказывает

²⁷ Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 344—348 об. Список опубликован: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961, прилож. V, стр. 424—429.

²⁸ П. Н. Берков. Литературные интересы Ломоносова. — В кн.: Литературное творчество Ломоносова. М.—Л., 1962, стр. 20—23.

²⁹ В. А. Петров. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I, XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 230.

³⁰ Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, прилож. VII, стр. 432.

о приемах создания своего исторического труда. М. Стрыйковский говорит о том, что он не имел предшественников: «... не хождаше предо мною ни един веритися имам, сам аз яко пчела в разных цветах разно исках, идеже истинна и правда, и аз в сей свой улей собирах».³¹

Отчеркнут на полях и в этом списке тот текст, где М. Стрыйковский говорит о методике сравнения разных источников с целью выявления в них противоречий в описании одного и того же события: «Все летописцы русские, литовские и жмудские, их же от разных мест собранных 15, соглашах и во едино место уведания ради и свидетельства правды истории соединях».³²

На л. 214 на полях отчеркивание фиксирует внимание на отрезке текста, где рассказываются подробности убийства Глеба, неизвестные в русских летописях. По рассказу М. Стрыйковского, «упочивше Глеб на сия дъне урочище в пяти поприщах Смоленска».³³

На л. 219 отмечен текст, где М. Стрыйковский приводит материалы, почерпнутые из его личных наблюдений: он говорит о призвании Ярославом в Киев «худушников из греческие земли», которые построили «церковь велику собою сиречь премудрости божиин сим подобием, какову аз сам в Константинополе ныне от турок обдержину видех».³⁴ На л. 53 об. рукою Ломоносова подчеркнута в тексте «Глава 4» и на полях сбоку написано: «писать». Это же слово написано в двух местах второго тома «Хронологии» М. Стрыйковского: на л. 64 об. и на л. 153 об. обе приписки отмечают рассказы о русско-польских столкновениях.

Не менее важным источником исторических сведений для Ломоносова были и труды польского историка XVI в. Мартина Кромера (1512—1589 гг.).

Впервые с трудом М. Кромера «Тридцать книг о деяниях поляков» Ломоносов познакомился в 1754 г. Об этом свидетельствует его расписка, сохранившаяся в «Журнале Библиотеки Академии наук» от 25 февраля этого года: «Stomeri. De origine polonog (um). fol.».³⁵

Сочинение М. Кромера явилось для Ломоносова источником сведений о начальной истории Руси и, как он пишет в отчете о работе за 1751—1757 гг., из «Крамера» (в числе других книг) он делал многие «выписки или эксцерпты»,³⁶ которые он использовал в своей работе над «Древней российской историей».

³¹ БАН. 32.11.4, т. I, л. 109.

³² Там же, л. 110.

³³ Там же, л. 214.

³⁴ Там же, л. 219.

³⁵ Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, прилож. II, стр. 414.

³⁶ Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 389.

К сожалению, оба экземпляра книги М. Кромера, которые по «Камерному каталогу» имелись в Библиотеке Академии наук, — «Cromerus (Mart.). De origine et rebus gestis Polon. Basileae, 1568»,³⁷ в настоящее время не сохранились.³⁸ А тот экземпляр книги М. Кромера (Martini Cromeri. De origine et rebus gestis polonorum, libri XXX. Basileae, 1558; шифр XJS/III,^a), которым, по предположению Г. М. Коровина, мог пользоваться Ломоносов,³⁹ попал в Библиотеку Академии наук лишь в конце XVIII в. из Несвижской библиотеки Радзивилов (на задней обложке этого экземпляра имеется рукописный экслибрис, свидетельствующий об этом).

Следствием того, что исследователями не было обращено внимание на год издания экземпляра книги М. Кромера «Тридцать книг о деянии поляков», который изучал и из которого делал выписки Ломоносов, в комментировании его исторических сочинений осталось много неясностей, главным из которых был упрек в отсутствии в работах Ломоносова точных ссылок. В самом деле, уже в первой сноске Ломоносова на работу М. Кромера акад. М. И. Сухомлинов отметил полное расхождение нумерации книг, глав и страниц.⁴⁰

В действительности же «ошибки» Ломоносова объясняются тем, что акад. М. И. Сухомлинов комментировал «Древнюю российскую историю» по базельскому изданию книги М. Кромера 1558 г. (первое изд. 1555 г.), которого до конца XVIII в. в Библиотеке Академии наук не было. Ломоносов же пользовался базельским изданием 1568 г.

Проверка цитат и ссылок Ломоносова на книгу М. Кромера по изданию 1568 г. в «Древней российской истории» показала, что он предельно точно и цитировал и переводил источники.

Первая ссылка Ломоносова на книгу М. Кромера связана с его интересом к древнейшей истории славян. В главе 2 «О величестве и поколениях славенского народа» Ломоносов пишет: «... я с Кро-

³⁷ Bibliothecae imperialis Petropolitanae typis Academiae imperialis scient. Historia septentrionalis. Camera W, 1742, стр. 644.

³⁸ Оба эти экземпляра не попали уже в каталог К. М. Бэра, составленный, как полагает А. И. Копанев, в 1835 г. Следовательно, оба экземпляра книги М. Кромера, числящиеся по «Камерному каталогу», исчезли из Библиотеки Академии наук еще в XVIII в.

³⁹ Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук. — Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, т. III, стр. 293.

⁴⁰ Сочинения Ломоносова, с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова, т. V, СПб., 1902, стр. 252, строка 13—18 и комментарий к тексту, стр. 180. (Далее: Сухомлинов).

мером согласно заключить не обинуясь, что славяне и венды вообще суть древние сарматы». Ссылка: «Книга 1, глава 12».⁴¹

В комментарии к этому тексту акад. М. И. Сухомлиновым приведен отрывок из книги М. Кромера, лишь отдаленно совпадающий с примечанием Ломоносова.⁴² В издании же книги М. Кромера 1568 г. (которое по «Камерному каталогу» 1742 г. имелось в Библиотеке Академии наук) приведенная Ломоносовым ссылка действительно находится в «книге 1, главе 12»: «*Idem igitur sunt, quos hi magis iam sibi notos, distincte ac peculiariter Slavos et Venedos, illi universe et in genere Sarmatas*».⁴³

Совершенно точно указывает Ломоносов ссылку на М. Кромера и в дальнейшем использовании его сочинения: «Болгар древнее жилище в Азиатической Сарматии, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается» — «Кромер, кн. 1, гл. 8»⁴⁴ («*Bulgarum autem sedes antiquae, in Asiatica Sarmatia ad Rha seu Volgam fluvium memorantur*»)⁴⁵

Указывая в качестве источника сочинение М. Кромера, Ломоносов передает содержание грамоты Александра Македонского: «О грамоте, данной от Александра Великого славенскому народу, повествование хотя невероятно кажется и нам к особой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новгородцев, и чехи оною похваляются» — «Кромер, книга 1, глава 14».⁴⁶ О грамоте Александра Македонского в сочинении М. Кромера действительно говорится в книге 1, главе 14.⁴⁷

В главе 9 «Древней российской истории» Ломоносов ссылается на польского историка Длугоша: «Длугош свидетельствует, что во время междоусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго

⁴¹ Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым: Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 177.

⁴² «*Cornelius quidem Tacitus dubitat, Germanis ne an Sarmatis Venedos ascribat: et quamvis ad extremum eò magis inclinet, ut inter Germanos eos referet, infirmis tamen argumentis id confirmat. Ptolomaeus Venedas vult esse gentem Sarmaticam, etc. Martini Cromeri (1512—1589). De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX Basileae, per Joannem Oporinum. Cap. VI, стр. 10*» (Сухомлинов, Сочинения, стр. 180).

⁴³ Martini Cromeri. De origine et rebus gestis polonorum libri XXX. Basileae, 1568, liber primus, cap. XII, стр. 13.

⁴⁴ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 188.

⁴⁵ М. Cromeri. De origine... liber primus, cap. VIII, стр. 9; у М. И. Сухомлинова (стр. 192): «Кн. 1, гл. IX, стр. 15».

⁴⁶ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 189.

⁴⁷ М. Cromeri. De origine... liber primus, cap. XIV, стр. 15; у М. И. Сухомлинова (стр. 193): «Lib. I, cap. XIII, p. 21».

там был столичным». Ломоносов указывает: «Смотри в Кромере, стр. 42». На стр. 42 М. Кромер действительно приводит ссылку на Длугоша: «Dlugossus uero scribit, ciuili bello, quod inter Caesarem et Pompeium gestum est, manum quandam Romanorum deserta Italia, in iis oris consedissee urbemque condidisse et Romoue de Romae nomine dixisse, eamque diu metropolim gentis fuisse».⁴⁸

Сочинение М. Кромера дало Ломоносову материал и для 7-й главы, в которой рассказывалось «о княжении Владимирове прежде крещения». Так, говоря о походах Владимира I на Польшу, он использовал и книгу М. Кромера: «Владимир вступил военною силою в польские пределы. Мечислав разным счастьем защищался; однако принужден был уступить России Перемысль, Червень и другие города» — «Кромер, стр. 34».⁴⁹ («Pijs autem et quietis consillijs ferè principatum suum Miecislau annis trigintaquinque administravit; praeter, quod cum Vulodimiro Russorum duce, ditiones suas invadente, necessarium bellum gessit, successu quidem vario, iam huc, iam illuc inclinante Victoria, eventu verò non satis prospero. Nam Praemissiam, Cervenum, et aliquot praeterea arces et oppida à Vulodimiro capta amisit»)⁵⁰.

Последняя ссылка на сочинение М. Кромера у Ломоносова помещена в главе «О княжении Ярослава первого»: «Сие успокоение в южных пределах усугублено новым союзом с Польшею через брачное сочетание короля Кажимира с сестрою Ярославлею Марию, рожденною от Владимира и от последней его супруги, царицы греческой Анны. Прибыв в Польшу, принуждена была принять закон католицкий и назваться Доброгневою» — «Кромер, стр. 51»⁵¹ («... rogatu cum Jaroslao Russorum principe foedus et affinitatem inuit, sorore eius Maria, cuius mater Constantinopolitanorum imperatorum, sicuti supra memoravimus, soror fuerat, uxore cum ampla dote ducta. Quam ingenti pompa Cracoviam advectam iuxta ac exsertam, Gnęsnam deduxit; Graecorum schisma abdicante, ecclesiae catholicae reconciliavit: reginam solenni ceremonia fecit: et pro Maria Dobrognevam appellavit»)⁵².

Интерес Ломоносова к историческому труду М. Кромера сказан и в том, что он просмотрел рукописный текст этой книги, переведенной на русский язык (с польского издания 1611 г.) Кирияком Кондратовичем при деятельном содействии В. Н. Тащицева. О переводе труда М. Кромера на русский язык в науке

⁴⁸ М. Сромери. De origine..., стр. 42; у М. И. Сухомлинова (стр. 222): «Lib. III, p. 61—62».

⁴⁹ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 254.

⁵⁰ М. Сромери. De origine..., стр. 34; у М. И. Сухомлинова (стр. 253): «Lib. III, p. 494».

⁵¹ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 285.

⁵² М. Сромери. De origine..., стр. 51; у М. И. Сухомлинова комментарий этот не приведен.

было известно давно, однако сам текст не был обнаружен. В настоящее время рукопись перевода 8 книг (из 30 книг) под заголовком: «Мартина Кромера, епископа варминского, о начатии поляков и о делах от оных соделанных, и о всех иных окрестностях короны польской книг тридесять» находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР (32.7.1). Перевод труда М. Кромера вошел в печатное описание: «Камерный каталог», № 13.⁵³ А в экземпляре «Камерного каталога», принадлежавшем Ломоносову,⁵⁴ против строки, где упомянута «Мартина Кромера история о начале поляков и о их делах; переведено с латинского языка. 1735 году. IV книги», — стоит характерный ломоносовский знак #.

Рукописный перевод сочинения М. Кромера имеет многочисленные приписки В. Н. Татищева, а также несколько стилистических исправлений, сделанных рукою Ломоносова. Очевидно, предполагалось издать печатный перевод труда М. Кромера на русском языке, и Ломоносов внимательно просматривал его, так как 5 августа 1745 г. канцелярия Академии наук предложила ему проверить выполненные К. Кондратовичем переводы книг.⁵⁵ В результате работы Ломоносова в рукописи перевода сочинения М. Кромера появились некоторые исправления.⁵⁶

В числе трудов польских историков Ломоносов изучал книгу М. Претория: Praetorius Matthaeus. Orbis gothicus id est historica narratio, omnium fere gothici nominis populorum, origines, sedes, linguas, regimen, reges, mores, ritus varios, conversionem ad fidem etc. etc. Monasterii Olivensis, 1688—1689.

С трудом М. Претория «Готический мир» Ломоносов познакомился в 1752 г., как он сообщил об этом в отчете: «В истории: для собрания материалов к „Российской истории“ читал Кранца,

⁵³ Российские печатные книги, находящиеся в императорской Библиотеке. СПб., 1742, стр. 58. В экземпляре «Камерного каталога», принадлежавшем А. И. Богданову, есть его приписка о том, что рукопись перевода труда М. Кромера поступила в Библиотеку от В. Н. Татищева (БАН. 45. 13. 21, л. 29 об., стр. 58).

⁵⁴ Г. Н. Моисеева. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший Ломоносову. — Труды Библиотеки Академии наук, т. VII (печатается).

⁵⁵ Летопись жизни и творчества Ломоносова, стр. 90.

⁵⁶ БАН. 327. 1. На л. 2, где помещено оглавление рукописного перевода сочинения М. Кромера, Ломоносов внес изменения в следующую фразу:

Первоначальный текст
... на российскіи же язык прело-
женных 1735 лета Кириаком Кондра-
товичем.

Исправленный текст
... на российской же язык пере-
веденных в 1735 году Кириаком Кон-
дратовичем.

На л. 4 добавлено слово «Ярославовых» в предложении: «... писали, якобы поляки с русских до времен «Ярославовых» дань брали и якобы Казимир право дал Ярославу в России, поемши Марию в супружество». На л. 29

Претория, Муратория ... и иных; Эксцерптов нужных на 5 листах, в 161 статье».⁵⁷

В 1754 г. он снова взял сочинение М. Претория из Библиотеки Академии наук⁵⁸ (в «Журналах Библиотеки» сохранилась его расписка)⁵⁹ и испещрил книгу многочисленными карандашными пометами и приписками.⁶⁰

В результате изучения Ломоносовым труда М. Претория «Готический мир» он оказался широко использованным в «Древней российской истории». Так, рассматривая вопрос о происхождении варягов-россов и о родстве их с древними руссами, Ломоносов ссылается на М. Претория: «Из внешних авторов Преторий довольно знать дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя. На многих местах».⁶¹ Приведем из этих многочисленных мест одну фразу из сочинения М. Претория, отчеркнутую Ломоносовым и отмеченную на полях: «Certè Ruscorum, seu Russorum nomen tum temporis praesertim in his locis notum fuisse debuit; nam Porusci seu Borusci vox denotat homines Russorum conterminos».⁶²

На авторитет М. Претория указывает Ломоносов и в том месте «Древней российской истории», где он подвергает анализу язык древних пруссов, полагая, что последний в своей основе является древнеславянским: «... сего мнения имею сообщников Претория и Гельмолда, из которых первый почитает прусский и литовский язык за отрасль славенского... На многих местах».⁶³

В 9-й главе «Древней российской истории» Ломоносов приводит мнение М. Претория в защиту своих доводов о происхождении

внесено небольшое исправление в примечание на полях. На л. 41 Ломоносов уточнил имя легендарного основателя «Богемии» — «Чеха», на л. 276 дописано «Владислав», на обороте того же листа Ломоносовым вписаны слова «сестра», «в то время», на л. 375 об. над строкой вписано слово «реки» во фразу: «Крепость на берегу Вислы (реки) построили». На л. 401 Ломоносов вписал в строку, в которой рассказывалось о походе татар в Польшу, целую фразу: «Татары Изавихость крепость над Вислою построенную сожгли ж и оттуда в Россию поворотясь и оставили там в безопасном месте (полон и превеликую корысть)». — Ломоносовские вставки и дописки заключены нами в ломаные скобки.

⁵⁷ Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 390.

⁵⁸ В латинском «Камерном каталоге», в IV части «Книги философские», в разделе «История северных стран», описан один экземпляр труда М. Претория под № 30 (стр. 645).

⁵⁹ Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук, стр. 294.

⁶⁰ Приписки и пометы Ломоносова на книге М. Претория отмечены в статье Е. Б. Рысс и Г. М. Коровина «Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук» (стр. 288).

⁶¹ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 206.

⁶² M. Praetorii. Orbis gothicus... Monasterii Olivensis, 1688—1689, lib. II, cap. II, § 1, стр. 9.

⁶³ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 208.

россов от роксолан: «Не тщетно западные нынешних веков писатели российский народ за роксолан признавают» — «Преторий в Готическом свете, кн. 2, гл. 1».⁶⁴ В подтверждение своей мысли Ломоносов приводит большую выписку из 2-й книги, 2-й главы «Готического света» М. Претория, где передана речь Вейдевута.⁶⁵ В книге этот отрезок отмечен на поле крестом и в тексте подчеркнуты слова: «*Arum Regem appellant*».⁶⁶

Излагая свою концепцию о древнейшем происхождении славян, Ломоносов еще раз ссылается на книгу М. Претория: «Аларик, Рима победитель, почитается от Претория за ружанина».⁶⁷

В заключении первой части «Древней российской истории» Ломоносовым приведена выписка из М. Претория: «О породе сих князей (варягов, — Г. М.) согласно с Нестором рассуждает Преторий: „Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты, затем что языка, обычаев и обрядов различие и места расстояние сему не дозволяет верить, но призваны из соседов: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов, которые соединением составили великое государство“» — «Свет Готический, кн. 2, гл. 2».⁶⁸

В книге М. Претория (в книге II, главе II, параграфе VI) на полях отчеркнут цитируемый Ломоносовым текст и его заглавие: «*Russorum Principes non fuerunt Dani aut Sveci. Sed Prussi imper Kryveanum*».⁶⁹ А в тексте самого отрывка подчеркнуты слова: «*Non quidem ex Dania vel Svecia: quia Lingua, morum rituumque diversitas, intercapedoque loci id dissvadet; sed à vicinioribus populis vocâsse*».⁷⁰

Собирая материалы для «Древней российской истории», Ломоносов пользовался и свидетельствами польского историка XV в. Яна Длугоша. Но так как в Библиотеке Академии наук до конца XVIII в. не было экземпляра книги «*Historiae polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum edit, nunc cum prioribus ex manuscripto rarissimo in lucem podeunt. Lipsae, 1711—1712*», Ломоносов пользовался данными этого сочинения Я. Длугоша опосредованно. Выше уже указывалось, что в труде М. Кромера Ломоносов выделил отрывок из сочинения Я. Длугоша: «Длугош свидетельствует...».⁷¹

В 1747 г., в период полемики Г. Ф. Миллера и П. Н. Крещина, Ломоносову указом Сената было поручено перевести отрывок из книги Г. Ф. Миллера, который обвинялся П. Н. Крещи-

⁶⁴ Там же, стр. 209.

⁶⁵ Там же, стр. 210.

⁶⁶ М. Praetorii. Orbis gothicus..., lib. II, cap. II, стр. 213.

⁶⁷ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 213.

⁶⁸ Там же, стр. 216.

⁶⁹ М. Praetorii. Orbis gothicus..., lib. II, cap. II, § VI, стр. 17.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 214.

ным в том, что он, делая выписки из сочинений иностранных писателей о России, умышленно тенденциозно подбирал факты — «собирал хулу на русский народ». Ломоносов перевел отрывок из сочинения Я. Длугоша, помещенный в «Книге выписок о России» Г. Ф. Миллера.⁷²

Ломоносов знал и о сочинении польского историка конца XV—начала XVI в. Матвея Меховского: *Miechowsky Matthaeus. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Augusta Vindelicorum, 1518.* Но так же, как и сочинения Я. Длугоша, труда М. Меховского во время работы Ломоносова в Библиотеке Академии не было, поэтому он цитировал эту книгу по сочинению немецкого историка М. Вайселя: «Из польского летописца Матвея Меховского согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве, и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли» — «Смотри в Вейселе, лист 18».⁷³ А в книге М. Вайселя (*Waissel Matthaeus. Chronica alter preussischer lifflendischer und curlendischer Historien. Königsberg, 1599*) на полях рукою Ломоносова отмечен цитируемый текст со ссылкой на М. Меховского: «*Matthias Mechovius schreibt in seiner Polenschen Chronik das viel des Römischen Volcks in diese Lender gekommen sind und haben sich getheilet in Preussen. Litawen und Samogitem: End haben ire fürnemste Stedte darin sie ire Abgötter ehreten und anbeteten Romove nach der Stadt Rom genennet.*»⁷⁴

Вероятно, также в связи с интересом к древнейшей истории Руси и Польши Ломоносов взял из Библиотеки Академии наук книгу немецкого историка Самуэля Лаутербаха: *Lauterbach Samuel Friedrich. Polnische Chronicke, oder historische Nachricht von dem Leben und Thaten aller Herzoge und Könige in Pohlen. Franckfurt und Leipzig, 1727.*

На экземпляре книги С. Лаутербаха «Польские хроники» нет ни одной пометы или приписки Ломоносова. Но о том, что он интересовался этим трудом, свидетельствует «Реестр книгам, взятым из императорской Библиотеки» Ломоносовым: здесь под № 69 значится книга С. Лаутербаха.⁷⁵

В связи с интересом к истории Польши Ломоносов тщательно изучал книгу немецких историков Гельмольда и Арнольда: *Chronica slavorum Helmoldi, presbyteri Bosoviensis, et Arnoldi, abbatis Lubecensis, in quibus res slavicae et saxonicae fere à tempore Caroli Magni usque ad Attonem IV . . . Lubecae, 1659.* На экземпляре этой

⁷² ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XVII, № 11, л. 160.

⁷³ Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 211.

⁷⁴ *Matthaeum Waisselium. Chronica alter preusscher lifflendischer und curlendischer Historien. Königsberg, 1599, стр. 18.*

⁷⁵ Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр 433—435.

книги, взятой Ломоносовым из Библиотеки, имеются его многочисленные приписки и пометы.⁷⁶

Анализ этих работ в связи с изучением славянских интересов Ломоносова является предметом специального исследования и не входит в задачу настоящей статьи.

*

Мы убедились в том, что Ломоносов изучал доступные ему работы польских историков.

Наибольшим его вниманием пользовался историк Стриковский (Матвей Стрыйковский), автор труда «Хронология польская, литовская, жмудская и всей Руси, которая никогда не была издана», впервые опубликованного в Кенигсберге в 1582 г. В 1688 г. «Хронология» М. Стрыйковского была переведена на русский язык.

В период учения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов, вероятнее всего, изучал «Хронологию» М. Стрыйковского в польском издании, которое, судя по описи Библиотеки, было в распоряжении учеников академии. Выписки из сочинения М. Стрыйковского Ломоносов использовал, находясь в Германии, откуда он в 1739 г. прислал в Петербургскую академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства» со ссылками на «Сарматскую хронологию». Эти же выписки Ломоносов использовал и в 1749—1750 гг. в период полемики с Г. Ф. Миллером о происхождении «российского» народа. В Библиотеке Петербургской Академии наук в то время не было ни польского издания, ни русского перевода «Хронологии» М. Стрыйковского.

В 1753 г. Ломоносов месяц провел в Москве, работая в Синадальной и Типографской библиотеках, а также в московском Архиве Коллегии иностранных дел, где в числе других памятников ознакомился и с рукописным переводом «Хронологии» М. Стрыйковского, принадлежавшим ранее С. Б. Ловчикову. На этой рукописи сохранились приписки и пометы Ломоносова — следы его непосредственной работы.

В 1758 г. при Академии наук был переписан русский перевод «Хронологии» М. Стрыйковского с экземпляра, принадлежавшего Г. А. Демидову. Ломоносов брал оба тома этой рукописной книги на дом. Следы его изучения сохранились в карандашных приписках на полях.

Нам представляется, что труд М. Стрыйковского является для Ломоносова не только источником фактических сведений, он, в известной степени, оказал влияние на него и со стороны выработки метода обращения с историческими материалами. Так, большое

⁷⁶ Там же, стр. 258.

внимание Ломоносова привлекло сравнение М. Стрыйковским различных летописей с целью выявления противоречий в источниках и объяснения их. Отметил также Ломоносов введение в историческое повествование рассказа автора, где содержится материал его собственных наблюдений «нравов и обычаев» различных народов, описание городов, мест сражений и т. д.

Не менее важным источником сведений для Ломоносова явился труд польского историка М. Кромера «Тридцать книг о деяниях поляков», изданный в Базеле в 1568 г. Ломоносов очень широко использовал его труд в «Древней российской истории». Читал также он и русский перевод труда М. Кромера, выполненный К. Кондратовичем. На этой рукописи сохранились его приписки и исправления.

В процессе работы над «Древней российской историей» Ломоносов пользовался также сочинением М. Претория «Готический мир» («Готический свет»), изданным в 1688—1689 гг. Интересовал его также труд польского историка XV в. Яна Длугоша. Однако экземпляра книги Я. Длугоша в то время в Библиотеке Академии наук не было, и Ломоносов пользовался материалами этого труда по сочинению М. Кромера, где содержались большие выписки из книги Я. Длугоша. Кроме того, в 1747 г. Ломоносов переводил с латинского языка отрывок из сочинения Я. Длугоша, содержащийся в «Книге выписок из сочинений иностранных авторов о России», принадлежащей Г. Ф. Миллеру.

Знал также Ломоносов и труд польского историка конца XV—начала XVI в. Матвея Меховского. Однако и это сочинение он использовал через посредство книги немецкого историка М. Вайселя, так как до конца XVIII в. в Библиотеке Академии наук не было экземпляра книги М. Меховского «Трактат об азиатской и европейской Сарматиях», изданной в Вене в 1518 г.

Труды М. Стрыйковского, М. Кромера, М. Претория явились для Ломоносова источниками исторических сведений, сопоставляемых им со свидетельствами русских летописей.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

ПОЛЬСКИЕ КНИЖНЫЕ ПЕСНИ В РУССКИХ РУКОПИСНЫХ ПЕСЕННИКАХ XVIII в.

Еще А. Н. Пыпин при первом ознакомлении с русскими рукописными песенниками XVIII в. обратил внимание на то, что в одном из них встречаются книжные песни польского происхождения.¹ О заимствовании и переводе ряда польских духовных песен в XVIII в. писал и акад. В. Н. Перетц в 1-й части своего капитального исследования, посвященного вопросу о возникновении русской искусственной силлабической поэзии в России под влиянием польской и украинской литератур.²

Исследуя рукописные песенники XVII—XVIII вв., нам удалось обнаружить, что целый ряд обрусевших польских песен, заимствованных в XVII в., встречается в русских рукописных песенниках XVIII в., и тем самым они становятся фактом литературной жизни XVIII в.

Для польско-русских связей XVII в. в книжной песенной поэзии характерны следующие три момента: 1) эти связи осуществляются через заимствование польских духовных песен — и очень редко светских — русскими рукописными песенниками, причем эти песни живут в них недолго; 2) в репертуаре книжных песен XVII в. польские песни занимают сравнительно большое место (до 35 процентов), по числу же вариантов — много меньше; 3) польские песни переходят в Россию непосредственно из Польши: на это есть указание к отдельным польским песням, перерабатываемым в русские (например, в сборнике ГИМ 1743 мы читаем: «Зри кантычку»).

В русских рукописных песенниках XVIII в. основной состав книжных песен — светские песни. Силлабическая книжная песня

¹ А. Н. Пыпин. Народные стихи и песни. — «Отечественные записки», 1858, № 1, стр. 274—340.

² В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1. СПб., 1900, стр. 124—194.

представляет большой художественный интерес. Ее изучение показывает, насколько ошибочно наше представление о системе силлабики, будто бы не свойственной русскому языку и применяющейся в основном в виде только 11- и 13-сложных стихов.³ Напротив, строфика силлабической книжной песни необычайно разнообразна и нам известно много более 50 строфико-ритмических ее форм. Ряд силлабических книжных песен первой половины XVIII в. можно признать поэтическими шедеврами — они и сейчас производят большое впечатление. Такие образом, изучение и разработка силлабической песенной поэзии еще ждет своих исследователей.

Польских книжных песен в рукописных песенниках XVIII в. оказывается всего только около 50 вариантов — ничтожный процент по сравнению с XVII в.⁴

Одна из ранних польских песен, имевшая популярность в русских рукописных песенниках первой половины XVIII в. — «Гой, гой, сядем в коло». Она дошла в 4 сборниках песен («Куранты», № 4, ГИМ 2929, № 31 и Абрамова, № 42, ГИМ Щук. 554, № 42. — 1750-е годы). Приводим ее текст по рукописному песеннику начала 1730-х годов — «Курантам»:

1. Гой, гой, сядем в коло
А(х), весело выпиваймо,
Размолвляймо,
Панове суседзе,
Нех на добре будзе.
2. Гой, гой, чему бавишь,
Мой товарищ,
Хочешь пити,
Толко ся стыдиши
Попросити,
Бо гроши не маешь.
3. Гой, гой, я за правду —
Люблю жажду
Яко матку,
Люб в достатку.
Не маю на брагу
Загасити згаду.
4. Гой, гой, торгуй рыхло
Милы михлы (?),
Перестати
Торговати
Коли в купле пиво
Пий мой ево живо!
5. Гой, гой, у соседа
Нехай беда;
Отдать ныне —

³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6-е, М., 1956, стр. 482.

⁴ В дальнейшем мы будем рассматривать только книжные польские песни, так как польские народные песни изучаются нами особо.

Як ветр згине;
 Пий мой пиво ныне,
 В (шенсливой) годзине.

Песня эта — жанра застольных песен, демократического тона. Основа песни — польская, но созданная, может быть, в польско-украинской среде.

Известна песня о грибах «Грибы отказываются идти на войну», записанная П. В. Шейном в Московской и Тульской губерниях.⁵ Эта песня встречается в двух рукописных песенниках первой половины XVIII в. (ГИМ 2929, № 76 и 2473, № 46) и песеннике 1770-х годов (ГПБ Тит. 4272, № 21). Приводим текст песни по ГИМ 2473:

Приказал боровик, сам грибам полковник,
 быть всем грибам на войну.
 Отказали осиновцы: мы московские жильцы, —
 не поедем на войну.
 Отказали березовички: мы московски стольнички, —
 не поедем на войну.
 Отказали моховики: мы э деревни мужики, —
 не поедем на войну.
 Отказали рыжички: мы сами школьнички, —
 не поедем на войну.
 Отказали козьячки: мы церковные дьячки, —
 не поедем на войну.
 Отказали мухоморы: и мы сами подле моря, —
 не поедем на войну.
 Отказали волнянки: мы красные девонки, —
 не поедем на войну.
 Как сказали грузди: ты нам выдай узды,
 мы поедем на войну.
 Отказали опенки: и мы сами молотки, —
 не поедем на войну.
 Отказали сморчки: и мы стары женочки, —
 не поедем на войну.
 Отказали масленки: и мы сами бояронки, —
 не поедем на войну.

Вариант ГПБ Тит. 4272 вносит изменения: отказ начинается с бояр («отказали грибове, — и мы сами бояре»), добавляется отказ свинаярей («отказали свинаяри, — мы земные пахари») и еловичков («отказали еловички: мы и сами плотнички»); рыжички оказываются не школьничками, а «посадскими мужиками».

Варианты записи XIX в. вносят еще дополнения («отказались мухоморы: мы-де сами сенаторы», «отказались волнянки: мы почетные гражданки», «отказались белянки: мы-де столбовы дворянки», «отказались волуи: мы господски холуи»). Некоторые до-

⁵ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1898, стр. 283.

полнения (сенаторы, почетные гражданки) — нововведения XVIII в.

Все записи дают представление о первоначальном виде песни, когда все сословия — бояре, дворяне, посадские мужики, церковные дьячки — отказываются идти на войну, — кроме груздей. Перечень сословий и профессий ведет нас еще в XVII в.

Однако ритмический строй этой песни — не ритм народных песен тонического стиха. С другой стороны, и самый характер свободного отношения к приказам боровика-полковника не свойствен Московской Руси. Возникает вопрос: не является ли она переделкой другой песни?

На это мы находим любопытный ответ в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В третьей песне этой поэмы рассказывается, как гости судьи отправились в лес за грибами:

А панны боровик разыскивают с жаром,
Грибным полковником зовется он недаром.

Panienci za wysmukłym gonie borowikiem,
Którego pieśń nazywa grzybów polkownikiem.⁶

К этому месту Мицкевич сделал следующее примечание: «На Литве широко известна народная песня о грибах, выступающих на войну под командой боровика. В этой песне описаны свойства съедобных грибов».⁷ Ставим вопрос — не является ли приведенная нами русская песня о грибах переработкой XVII в. польской песни. Пока для ответа у нас данных нет.

Описывая рукописный песенник середины XVIII в., найденный П. Пекарским в библиотеке помещицы Микулиной, А. Н. Пыпин отметил в ней наличие шуточной песни «Породила чечотка семеро деток», указав, что она сходна с поющей в Галиции «Pogodila szczotofka». Эту песню мы нашли в десяти рукописных песенниках XVIII в., начиная с его середины: первой половины — ГИМ 2929, № 75 и 3973, № 155 и второй половины — 1750-х годов — ГПБ Тит. 4140, № 93; 1760-х годов — Микул., № 38, Барс. 2431, № 156, Твер. 823, № 99; 1770-х годов — Тит. 4070, № 32, ОЛДП 0.32, № 73; 1780-х годов — Рост. 465, № 463 и Твер. 157, № 5. Приводим текст песни по вар. Тит. 4070, № 32, сохраняющему ее композицию.

1. Породила чечоточка семеро деток (2):

Еудосью, Федосью,
Барбарину, Катерину,
Грыпину, Марину,
Настасью свою.

⁶ А. Мицкевич, Собрание сочинений, т. II. М., Гослитиздат, 1949, стр. 86; A. Mickiewicz, Poezie, t. III. Warszawa, 1897, стр. 73.

⁷ А. Мицкевич, Собрание сочинений, т. II, стр. 314.

2. Возрастивши чечоточка замуж отдает (2):
 За Захара — Евдосью,
 За Макара — Федосью,
 За Ивана — Барбарину,
 За Степана — Катерину,
 За Семена — Агриппину,
 За Демида — Марину,
 За Ивана — Настасью свою.
3. Созывала чечоточка гостей за себя:
 Посылала, собирала да брагу варила,
 И вино курила, и мед ставила.
 Были гости, дорогие и далекие:
 Из Львова — пан Мецкий,
 Из Кракова — пан Стецкий,
 Из Киева — пан Грецкой
 И Северинской.
4. Стройно, гойно, гучно, бучно поприезжали
 Все в собольних колпаках,
 И в червонных чеботах,
 Во булатных сайдаках,
 И в золотых поясах,
 И в ферезнях.
5. Вкруг полечка короводцем увивался,
 Скакали, плясали,
 Танцовали, играли,
 Мед и пиво подпивали,
 И вином ся охмеляли
 И горелкою.
6. Были паньи и девицы,
 Молодицы, и вдовицы:
 Кася, Гася, Маруся,
 Зося, Дося, Настуся,
 И Маргарита.
7. Перши гостю, мильый гость, потешай нас!
 Господину Чечоту
 За такую охоту,
 И гостей и зятей,
 И приезжих людей —
 Всякого покоя!

Эта песня сложена в Польше: и имена, и внешний блеск, и гости из польских городов (Львов, Краков, потом Киев, тогда входивший в состав Польши, а также Варшава) доказывают это. К нам песня перешла с Украины, что сказалось в некоторых вариантах названий городов (Батурин, Нежин, Белогород — в вар. Твер. 823), формах отдельных женских имен (Грыпина), бытовых деталях (чоботы, горелка). Переход на Русь сопровождался появлением русских форм имен и их отбором: Макар, Агриппина, Максим, Ирина, пан Трубецкой, пан Тверской. Черты старинного быта едва-едва сохранились (гости в булатных сайдаках: Барс. 2431). Все же песня со всеми ее деталями дает в основе картину польского быта, восходя к XVII в.

В рукописном песеннике «Куранты» 1733 г. под № 19 имеется польская песня «Была бабуся роду богатого», дошедшая в единственном варианте, который мы и приводим:

1. Была бабуся роду богатого,
Мяла козенка барзо рогатого.
Припев: Ой, так, так, так барзо рогатого.
2. Ай, тен козенок был барзо тлусты,
Дьял бабусенце тысонц глов капусты.
3. Взяла бабуся кия дембового,
Послала козелка до грода свего.
4. А в первом рошку пива наварили,
А в другом и есть наготовили.
5. Эдце, эдце, пийце, мое миле гости,
А за мего козелка пана бога просце.
6. Нехай за его вицы бога прошо,
Бо его косци и поборе ношо.

Песня уже значительно обрусела («в первом», «в другом», «гости» вместо «госци» — рифма к «просце» и т. д.). Песню можно отнести к детским или шуточным.

В рукописном песеннике конца XVIII в. — Забел. 253, находящемся в ГИМ, под № 133, мы находим песню на тему «Спокойной ночи» («Добраноц»).

1. Добраноц отдаем, Щенъсливе застаем!
Припев: Юж, юж, добраноц
Отходим юж на ноц,
Моспанство, добродейство добраноц!
2. Запшегайце кони в санки,
Поедем мы до коханки!
Припев: Юж, юж...
3. Запшегайце те строкаты,
Поедем мы ренше богаты!
Припев: Юж, юж...
4. Запшегайце в те гняде,
Поедем мы зие (?) яды!
Припев: Юж, юж...
5. Запшегайце в те сиве.
Поедем мы щенъсливе!
Припев: Юж, юж...
6. Добраноц отдаем,
Щенъсливе застаем.
Припев: Юж, юж, добраноц,
Отходим юж на ноц,
Моспанство, добродейство — добраноц!

Пожеланию доброй ночи противостоит известное нам из украинской песни другое сходное пожелание — припев в песне «На бережку стояла»:

Ой, дзень, дзень — на весь день!
Ой, гоц, гоц — на всю ноц!⁸

В рукописном песеннике Кулаковского 1790-х годов (ГИМ 52749), принадлежавшем ранее майору Жернакову, есть четыре небольших любовных песни. Приводим текст песни «Кохам любе» — под № 74 из этого сборника:

Кохам любе, Анюсенке свое
Серцы мего, мысли моей, юж неч спокое.
Нушка мала, ренчка белюсенка,
Очи чарны, власы це щасне вшистко малюсенко.
Ценка пенкна и набожна вцале,
Уста взденчне, пенкне ладне —
Вывомиць не можно:
Кто уж поймуе сердца мего жале.
Серцем любе и жалче непотрафе вцале,
Юж я бедны видзець тје не може,
Где ш се выбрал и отезжам в так далеке дроге.
Гей, Ануся, ты ж мое коханье.
Бенз ласкова з паменчай на мое вздыхане.
Ай, мой боже, чи быць може в небе
Младосць плоха, ктуре коха свет барзе над цебе.

Эта любовная песня скорее альбомного типа.
Вот другая из этих четырех песен (под № 86):

Дзевчино, дзевчино, цо за пшичина,
Плаканя, шлоханя моя едина? (2)
Як не маш, як не маш наржикать шліоха,
Гдзи того не видзи, кого маш кохаць.
Отрши се очента, лжами жалбане (?),
Пшиiede, пшиiede, хлабче коханны (2)
Пшиiede, пшиiede зачекаць треба
Як хцялы и дали выроки неба (2).

⁸ В небольшом рукописном песеннике 1780-х годов — Щук. 213 из пятидесяти с лишком песен содержится семь польских песен. Это или песни с моралистическими раздумьями, обращенными к богу (№ 27 — «На цо ж дал волность серцу, о мой боже»; № 22 — «Едины наш боже нам псуе шики») или песни о неудачной жизни (№ 24 — «Оповец прошо, за цом поноша жице невзгодне і несвободне»), или о любви (№ 25 — «В шличном гаю, в милым лесе»), или песни пасторального характера (№ 26 — «Ах не те то долины, не те то пагурки»), или же, наконец, крат-

⁸ Пісні та романси українських поетів, т. I. Київ, 1956, стр. 104.

кая аллегорическая басня (№ 28 — «Взежзому веш нагле от заянца сродце»).

Примеров этих песен не приводим, как стоящих одиноко среди всего репертуара рукописных песенников, а также потому, что в большей части они имеют громадный размер.

В рукописном песеннике 1730-х годов (Син. 316) есть две польских песни (№ 31 — «В дзенчке музы пана совіе» и № 30 — «Бо віедзь милосці а во строжносці») и отрывок (конец) третьей песни (№ 19 — «Где колвек естес»). Песни эти трудно понимаемы, сложны их меняющиеся ритмы — одна с любовной темой (№ 30 — «Там ми свобода, віерна дву серц згода»), другая — с заздравными возгласами (№ 31 — «За тве здравіе, милый браціе» и «Виват, коханий брат, до сту лят»). Приводим отрывок песни № 19:

Где колвек естес, як ся теперь маешь,
Чи ронишь слезы, чи ли с ним гуляешь,
Споминай завше милую родину,
Даст тебе бог всемогущий щастливу годину!

В одном из старейших рукописных песенников конца 1720—начала 1730-х годов — БАН 25.7.14, донесшего до нас традицию книжной песни Петровского времени, сохранилось три польских песни: «Мышленцему, ах, Ванере» (№ 143), «Цо заутра сердце открыла» (№ 145), «Где ницы бы ни была мы ли» (№ 180). Эти песни содержат сложные рассуждения и интереса не представляют. Песня № 145 «Цо заутра сердце открыла» кончается словами:

Ноц счастлива и сон смачный дайте,
А мне в своей спаменти ховайте.

Польская песня «Було в литвинке пятеро дочек» дошла до нас в семи рукописных песенниках: два из них первой половины XVIII в. (ГПБ Тит. 1187, № 108 и ГИМ Син. 316, № 40) и пять — второй половины: два 1760-х годов (ГИМ 2053, № 43, Епарх. № 58), один — 1770-х годов (ГПБ Тит. 4070, № 8) и два — 1780-х годов (ГПБ 150, № 108 и Рост. 465, № 551).

Варианты этой песни можно разделить на две редакции: более старая (первой половины XVIII в. и Рост. 465) — у литвинки пять дочек и вторая редакция (остальные варианты) — у литвинки четыре дочки.

Приводим текст песни по старейшему варианту — Син. 316, № 40:

1. Було в литвинке пятеро дочек
Припев: Утеха, радость моя!
Першую отдав за хлибороба. Припев.
Другую отдав за дячека. Припев.
Третью отдав за шевчика. Припев.
Четвертую отдав за коробейника. Припев.
Пятую отдав... дух святы з нами!
Не тут кажучи, споминаючи,

- З димом и с чадом з нашея хаты —
за дудника! Припев.
2. Перши зять едет — воз хлеба везет. Припев.
Баткови — бохан, маткови — бохан,
Братцєви — паляница, сєстрице вареница. Припев.
3. Другой зять едет — воз книжек везет:
Баткове книжка, маткове книжка,
Братцєви — охтай, сєстрице — мохнай. Припев.
(Куда хочешь — туда пхай).
4. Третий зять едет, воз чобот везет:
Баткови — чоботы, маткови — чоботы,
Братцєви — ичикики, сєстрицы — черевики. Припев.
(Да и те невелики).
5. Четверты зять едет — воз коробок везет:
Баткови — коробка, маткови — коробка,
Братцєви — козубенка, сєстрице — головенка. Припев.
6. Пяты зять едет... дух светы з нами!
Не тут кажучи, споминаючи
З дымом и с чадом з нашея хаты — воз дудок везет. Припев.
Баткови — дудка, маткови — дудка,
Братцєви — свистелка, сєстрице — гучки в обе ручки. Припев.
Нехай гуде, нехай жива буде!

Многие полонизмы этой песни говорят о ее польском происхождении, но к нам она попала через Украину, чем объясняется наличие украинизмов в песне. Песня эта — не народная; ее формы свидетельствуют об ее книжном происхождении. Идея песни — возвышение «дудника» и постановка его наравне с другими ремесленниками — хлеборобом (в вариантах он называется еще пекарничком, хлебничком) и т. д. Народные русские песни знают при выборе жениха предпочтение девицей скомороха, позже превращающегося в музыканта,⁹ — таким образом, в русских народных лирических песнях налицо ситуация, близкая к данной песне, но отличающаяся от нее: не уравнивание скомороха-музыканта с другими ремесленниками, но предпочтение его.

Мы не останавливаемся на немалом числе полонизмов в других книжных песнях, создававшихся в Петровское время. Таковы, например, песни начала XVIII в. «Адамант дражайший», «Свет очей моих зело яснейший», «Едина моя благая радость» и т. д. Здесь налицо лексические полонизмы: зличнейший, клейноте, вдячне и др.

Подводя итоги изучению польских песен в русских рукописных песенниках XVIII в., мы можем констатировать, что:

1) польская книжная песня, в отличие от практики XVII в., приходит на Русь не только непосредственно из Польши, но и через Украину;

⁹ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, т. I, вып. 1, №№ 594, 595, 597. 585.

2) число заимствованных польских песен в репертуаре русских рукописных песенников значительно меньше, чем во второй половине XVII в.;

3) наиболее интересные популярные польские песни, перешедшие к нам, — шуточные. Песни любовные, моралистические, песни-раздумья и т. д. тоже к нам проникали, но, очевидно, много реже — они сохранились только в единичных вариантах.

Ознакомление с польскими светскими книжными песнями XVII—XVIII вв., изданными К. Бадецким, показывает, что, несмотря на близость их к русским светским книжным песням Петровского времени, польские песни на Русь не переходили.

Польша была ближайшим «западным» соседом России. Поэтому польско-русские связи в области книжной песенной поэзии продолжали существовать, но в первой половине XVIII в. они сильно ослабевают, а начинают развиваться вновь во второй половине XVIII в.

В нашей статье мы привели некоторые новые факты из области русско-польских литературных отношений, которые могут помочь решению важного общего вопроса, отразились ли и в какой мере отразились на развитии обеих литератур русско-польские контакты.

Е. С. КУЛЯБКО

К ИСТОРИИ СЛОВАЦКО-РУССКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В XVIII в.

ПИСЬМА М. БЕЛЯ В АРХИВЕ АН

Хранящаяся в Архиве АН СССР (ААН) обширная переписка петербургских академиков XVIII в. с зарубежными учеными — не только вообще ценный источник для изучения международных литературных связей соответствующего столетия, но и весьма важный материал для истории славяноведения в целом и для истории отношений русской науки к науке отдельных славянских народов в частности.

До сих пор считалось, что наиболее ранние научные связи ученых славянских стран с Петербургской академией наук относятся к концу XVIII в., когда знаменитый чешский славист Иосиф Добровский вступил в научный контакт с отдельными русскими академиками. Обнаруженные нами материалы заставляют пересмотреть эту традиционную точку зрения, передвигают начало русско-славянских связей на много десятилетий назад и передают первенство в области научных контактов ученым Словакии.

К наиболее ранним документам, отражающим словацко-русские научные связи, относятся сохранившиеся в ААН письма европейски известного в первой половине XVIII в. ученого-словака Маттиаса (Матвея) Белиуса или по-словацки — Матея Беля.¹

---

¹ Наиболее полный перечень литературы о М. Беле до 1954 г. см. в статье д-ра Губерта Резеля: Hubert Röscl. Der Slowake Matthias Běl — ein bedeutender Mitarbeiter an den tschechischen Halleschen Drucken. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts.-Sprachwissensch.-Reihe», Jahrg. 4, 1954, H. 1, стр. 97—98. В перечне д-ра Г. Резеля пропущена книга: Ludvík Naan. Běl Mátyas. Budapest, 1879. — Из более поздней литературы см.: Ján Mišianik a iní. Dejiny staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1958, стр. 255—261 (раздел о научной словацкой литературе XVIII в. написан Я. Минариком). — Ред.

М. Бель родился в 1684 г. в крестьянской семье в словацкой части тогдашней Венгрии, умер в 1749 г. в Пресбурге, нынешней Братиславе. Первоначальное образование он получил у себя на родине, а затем отправился в Саксонию, в Галле, где поступил в университет и слушал крупнейших тамошних профессоров-пие-тистов. Он был любимым учеником знаменитого вождя немецкого пие-тизма А. Г. Франке. Став проповедником и директором еван-гелической гимназии в Пресбурге, М. Бель успешно занимался древними языками, литературой и историей и очень много времени отдавал изучению древних памятников Венгрии. Плодами этих за-нятий явился ряд филологических и исторических трудов Беля, в известной мере не потерявших своего значения и до настоящего времени.

За свои научные заслуги М. Бель был избран почетным членом многих европейских научных учреждений — Берлинской академии, Лондонского королевского общества, Иенского и Оломоуцкого на-учных обществ и т. д. Вероятно, именно европейская известность М. Беля побудила петербургского академика — известного ориен-талиста и историка Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера² обра-титься к словацкому ученому и предложить ему вступить в пере-писку; об этом сохранилось упоминание в ответном письме Беля от 8 января 1730 г.³

Ко времени начала переписки с М. Белем акад. Байер напеча-тал в академическом журнале «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*» («Записки Петербургской академии наук») ряд историко-археологических работ: «О начатке и древних пребыва-лищах скифов»,⁴ «О местоположения Скифии, каково было в лета Геродотовы»⁵ и «О стене Кавказской».⁶

Бель в это же время работал над своим трудом «*Hungariae antiquae et novae prodromus*» («Введение в древнюю и новую Венгрию»). В письме от 8 января 1730 г. Бель благодарит петер-бургского академика за обращение к нему и предложение вести переписку и сообщает, что с нетерпением ждет работ Байера о про-исхождении и древних поселениях скифов и о Кавказской стене. Он просит прислать ему петербургские «Комментарии» и обещает взамен свою книгу о Венгрии, над которой сейчас работает.⁷

² Жизнеописание Байера см.: П. П. Пекарский. История Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 180—196.

³ ААН, ф. 784, оп. 2, № 3, л. 10.

⁴ De origine et priscis sedibus scytharum. — «*Commentarii*», t. I. СПб., 1728, стр. 387—399.

⁵ De Scythiae situ qualis fuit sub aetatem Herodoti. — Там же, стр. 400—424.

⁶ De muro Caucaseo. — Там же, стр. 425—463.

⁷ ААН, ф. 784, оп. 2, № 3, л. 10—10 об.

В следующем письме от 31 июля 1730 г. Бель выражает сожаление, что письмо Байера, где тот рассказывал о своих исследованиях по истории скифов, затерялось, и сообщает, что закончил оба тома своего «Введения», которое собирается печатать в Бельгии.⁸

10 марта 1732 г. Бель пишет, что не получил еще петербургских «Комментариев», и просит послать их через друзей во Франкфурте или Галле. Он сообщает, что скоро выйдет в свет географическая часть его работы о Венгрии. В ней печатается краткое изложение основ венгерского языка, который Бель рекомендует Байеру сопоставить с финским и просит сообщить ему результаты сравнения обоих языков. Затем Бель восторженно отзывается о математике Миковини, помогавшем ему в создании «Венгрии»,⁹ и просит передать академику Гольдбаху или другим профессорам-математикам предложение о совместных астрономических наблюдениях. В постскриптуме он просит Байера, который был известен в качестве академического поэта, прислать свои стихи для помешения в «Notitia Hungariae» («Познание Венгрии») Беля.¹⁰

16 октября того же года Бель приносит Байеру благодарность за письмо от 16 августа, которое он получил 13 октября, в день свадьбы своей старшей дочери. Далее Бель сообщает, что посылает заглавие своей книги о Венгрии для распространения среди ученых в России. В постскриптуме он просит оказать содействие подателю этого письма де Даммеоту, офицеру, вступающему в русскую службу.¹¹

17 ноября 1732 г. Бель извещает своего корреспондента, что посланные им книги еще не прибыли, что издатель «Введения в древнюю и новую Венгрию» решил провести предварительную подписку среди желающих приобрести эту книгу и что он очень надеется на содействие Байера. В конце письма Бель просит прислать ему стихи Байера и Гольдбаха.¹² Последний также был в то время известен как отличный латинист и ему поручалось писание стихов от имени Академии наук к придворным иллюминациям и фейерверкам.

Переписка между Белем и Байером, начавшаяся в 1730 г., продолжалась и в 1734 г. Письма этого периода носят чрезвычайно дружественный характер и отражают общность интересов обоих ученых.

Желание семейства Байера возвратиться на родину побудило его возбудить ходатайство об увольнении из Петербургской ака-

⁸ Там же, л. 54—54 об.

⁹ О Самуэле Миковини см.: *Dejiny staršej slovenskej literatúry*. Bratislava, 1958, стр. 261.

¹⁰ ААН, ф. 784, оп. 2, № 3, лл. 44—45 об.

¹¹ Там же, № 4, лл. 41—43. Сведений о данном лице найти не удалось.

¹² Там же, л. 40—40 об.

демии наук. В конце 1737 г. Байер получил разрешение на отъезд с семьей в Кенигсберг,¹³ но заболел и скончался 21 февраля 1738 г. в Петербурге. О смерти Байера его словацкий корреспондент был оповещен президентом Академии наук И.-А. Корфом в декабре 1738 г.¹⁴

После смерти Байера Бель стал переписываться с конференц-секретарем Петербургской академии наук Христианом Гольдбахом, но эта переписка имеет более официальный характер. О полученных письмах Беля Гольдбах докладывал академикам на заседаниях Конференции Академии наук, о чем сохранились записи в протоколах заседаний.¹⁵

Как ни скудны сообщаемые нами сведения о письмах М. Беля, они, как нам кажется, все же представляют научный интерес. Особенно обращает на себя внимание предложение словацкого ученого петербургскому академику сравнить венгерский язык с финским. Если мы не ошибаемся, это — первое в европейской филологической науке суждение о родстве этих языков. Впрочем, с большей авторитетностью могут об этом судить историки финно-угроведения.

Большое значение имеют письма М. Беля, как нам представляется, и для истории славяноведения в XVIII в.

¹³ Там же, № 5, лл. 2, 7, 34, 118.

¹⁴ ААН, ф. 1, оп. 3, № 27, л. 12 об. (Копия письма).

¹⁵ Протоколы заседаний Конференции Академии наук, т. I. СПб., 1897, стр. 628, 634, 637. Копии писем Беля к Гольдбаху: ААН, ф. 1, оп. 3, № 28, л. 192; ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 156—159. Копия письма Гольдбаха к Белю — ф. 1, оп. 3, № 30, л. 7. — Одна из опубликованных в «Протоколах» записей представляет бесспорный интерес, так как окончательно решает вопрос о принадлежности М. Белю рукописи «Tractatus de re rustica Hungarorum» («Трактат о сельском хозяйстве в Венгрии»). По поводу этого произведения Я. Минарик, автор раздела о научной словацкой литературе XVIII в. в упоминавшейся выше «Истории ранней словацкой литературы», писал: «Belovi sa azda nerávom pripisuje rozsiahlejšie rukopisné dielo „Tractatus de re rustica Hungarorum“, kde je veľa cenných údajov z života gólnikov v Uhorsku» («Белю, пожалуй, неправильно приписывают обширный рукописный Трактат о сельском хозяйстве в Венгрии, в котором есть много ценных данных о жизни крестьян в Венгрии», стр. 257). Д-р Г. Резель не упоминает об этой работе в своей статье о Беле. В «Протоколах Конференции Академии наук» (т. I, СПб., 1897, стр. 634) под 17 октября 1740 г. (ст. ст.) записано, что акад. Гольдбах сообщил о полученном письме от М. Беля от 10 октября (нов. ст.), в котором последний извещает его о своей работе, посвященной сельскому хозяйству Венгрии («Wegen seines Operis de re rustica Hungariae»). — Идущее из XVIII в. утверждение, будто М. Бель был избран иностранным членом Петербургской академии наук (Rösel, ук. соч., стр. 94—95, со ссылкой на книгу Э. Л. Ратлефа, 1743; Минарик в кн.: Jan. Mišianik, ук. соч., стр. 256), не соответствует фактам: в известной книге Б. А. Модзалевского «Список членов императорской Академии наук» (СПб., 1908) и в подготовляемом новом справочнике о членах Академии наук со дня ее основания, построенном на тщательном обследовании документов ААН, сведений об избрании М. Беля нет. — Ред.

PERSONALIA

ПРОФ. ФРАНК ВОЛЬМАН МЕЖДУ ДВУМЯ ЮБИЛЕЯМИ (1958—5 МАЯ—1963)

(К 75-летию со дня рождения)

Главу чехословацких литературоведов, неутомимого, всегда полемичного, всегда борющегося за признанные им политические и научные истины, — с самым прямым основанием имеющего право, как Белинский, называться «ненстовым», — вечно молодого Франка Вольмана даже самые ярые его антагонисты называют «Altmeister der čechischen Literaturwissenschaft». Эти слова можно перевести на русский язык и как «старейшина чешского литературоведения», и как «маститый, верховный мастер чешской литературной науки». В применении к Франку Вольману правильным будет каждый из этих переводов в отдельности, но еще правильнее — объединение их.

Действительно, старейший из современных чехословацких литературоведов, проф. Франк Вольман в то же время и самый авторитетный в своей стране ученый в области литературной науки, ученый, пользующийся большой, заслуженной известностью среди славистов всего мира. Его юбилей — праздник не одних только литературоведов Чехословакии и не одних только чехов и словаков.

Советские литературоведы, изучающие русскую литературу XVIII в., не могут, к сожалению, в отличие от их западно- и южнославянских коллег, занимающихся историей драматической литературы, непосредственно опираться на труды проф. Ф. Вольмана по их специальности: русской «драматике», по терминологии юбиляра, пока он еще не посвятил работы, подобной его «Драматической литературе славянского юга».¹ Однако общетеоретические труды Ф. Вольмана представляли и для нас большой и не только академический, но и практический интерес.

Уже яркой, темпераментной и хорошо аргументированной работой 1936 г. «К методологии сравнительного изучения славянских литератур»,² направленной против «трудов» редактора пражского журнала «Германо-славика» («Germano-slavica») фашиста д-ра Конрада Битнера, проф. Франк Вольман обратил на себя внимание советских славистов как острый, оригинальный, исключительно эрудированный ученый. К сожалению, не все последующие его работы нам доступны, — по крайней мере в Ленинграде, — и, например, мы только по отзывам, очень благоприятным и вызывающим живой интерес к рецензированной статье, знаем о его «Духе и целокупности славянских литератур».³ Не дошла до нас и очень важная биографическая работа 1938 г. о про-

¹ Dramatika slovanského jihu. Praha, 1930.

² K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936.

³ Duch a celistvost slovanských literatur. — Sborník «Obrisy Slovanstva». Praha, 1948, стр. 168—224 и отд. отт.

фессоре Ф. Вольмане — «Список трудов Франтишка Травничка и Франка Вольмана», изданный Пражским лингвистическим кружком.⁴ Благодаря наличию в библиотеках и у некоторых славистов нашего города сборников «В честь Фр. Травничка и Ф. Вольмана»⁵ (1948) и «Франку Вольману к семидесятилетию»⁶ (1958), снабженных библиографическими перечнями 1938—1948 и 1948—1958 гг., ленинградские слависты имели возможность внимательно познакомиться с литературоведческими трудами юбиляра за двадцать лет.

По состоянию здоровья проф. Ф. Вольман не мог присутствовать на IV Международном съезде славистов в Москве, и при всем исключительном многолюдстве этого конгресса отсутствие проф. Ф. Вольмана чувствовалось. Не хватало его бьющей через край жизнерадостности, полемического задора, его обширных знаний, его способности быстро и к месту выступить в дискуссии. Правда, к съезду был напечатан ряд его интересных статей, «отчетов на вопросы» и — главное — книга «Славянская идея в языково-литературном возрождении славян»,⁷ но все это не заменило и не могло заменить реального, обаятельного автора.

Отсутствие проф. Ф. Вольмана на Московском конгрессе было, однако, отчасти вознаграждено его замечательными работами, напечатанными между IV и предстоящим V съездом славистов. Все, кто присутствовал в 1958 г. в Москве на конгрессе, не могут, конечно, забыть обилия сильных и разнообразных впечатлений от встреч, докладов, дискуссий, книжных выставок, непривычного и сразу неожиданно хлынувшего количества славяноведческой литературы, всех этих «сборников», «трудов» и «штудий» на всех славянских и на многих европейских языках, начиная с румынского и итальянского и кончая языками скандинавского севера. На месте, в Москве, разобраться во всем этом «уплотненном» хаосе впечатлений было совершенно невозможно, но нелегко оказалось это и после съезда. Может быть, именно потому, что проф. Ф. Вольман не присутствовал на Московском конгрессе и методически, кабинетно ознакомился с огромной научной литературой, вызванной IV съездом славистов, ему, единственному из современных славяноведов, удалось в ряде блестящих статей подвести — пускай только по части литературоведения — итоги многочисленных споров, дискуссий, столкновения мнений, порою полярно противоположных.

Способность ясно, отчетливо и сжато анализировать, выделять существеннейшее и пластично группировать материал, выработавшаяся в течение многих десятилетий полемической, критической деятельности, дала проф. Ф. Вольману возможность в исключительно короткий срок — пожалуй, менее полугода — представить многочисленным читателям органа чехословацких славяноведов «Slavia» легко обозримую, полную и живую картину движения научной мысли международной славистики непосредственно перед Московским съездом и на нем. Уже во второй (апрельской) книге журнала «Slavia» за 1959 г. была напечатана большая статья проф. Ф. Вольмана «Методика сравнительного славянского литературоведения на IV Международном съезде славистов».⁸

За этим обзором вскоре последовали два других: «Сравненная литера-

⁴ Soutpis prací Františka Trávníčka a Franka Wollmana, vydaný Pražským lingvistickým kroužkem v Praze, 1938.

⁵ Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanowi. Komenium, Brno, 1948.

⁶ Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Sborník prací. Praha, 1958.

⁷ Slovanstvo v jazykově literárním obrození u Slovanů. Praha, 1958.

⁸ Metodika srovnávací literární vědy slovanské na IV. mezinárodním sjezdu slavistů. — «Slavia», 1959, seš. 2, стр. 161—182.

тура“ на IV Международном съезде славистов в Москве 1958»⁹ и «Так называют барокко в славянских литературах».¹⁰

К этим трем обзорам, посвященным Московскому съезду славистов, непосредственно — тематически и хронологически — примыкают два больших сообщения, представляющих по существу серьезные статьи: «Развитие методологии сравнительного литературоведения в СССР после IV Международного съезда славистов»¹¹ и «Взаимосвязи и взаимодействия литературы».¹²

Все эти статьи проф. Ф. Вольмана представляют собой не простую регистрацию печатных сведений по тому или иному разделу работы съезда и позднейших научных дискуссий, не равнодушно произведенную классификацию — сводку выступлений различных делегатов.

Во всех этих обзорах и сообщениях проф. Ф. Вольман сумел выбрать основные, существеннейшие материалы по магистральным проблемам славянского литературоведения и, с одной стороны, мастерски изложить главные мысли выступавших — искусство отнюдь не легкое! — а с другой, полемически проанализировать те выступления, которые идут вразрез с его собственными взглядами или идут не в одном с ними направлении.

Однако весь этот методологический цикл статей проф. Ф. Вольмана будет не вполне правильно понят, даже будет вовсе непонятен, если мы не учтем одного весьма важного обстоятельства.

Перед самым съездом во второй книге журнала «Slavia» за 1958 г. была опубликована небольшая статья проф. Ф. Вольмана «Главные задачи историко-сравнительного изучения славянских литератур. (Набросок тезисов по вопросу, поставленному Международным комитетом славистов в Москве)».¹³ В ней, как и полагается в тезисах, автором были крайне сжато сформулированы основные принципы подхода к решению данной проблемы, а затем последовательно, в хронологическом порядке историко-литературного процесса, намечены «главные задачи», стоящие, по его мнению, перед литературоведами-славистами.

Именно с позиций этой статьи и критикует проф. Ф. Вольман тех авторов, чьи точки зрения представляются ему неверными.

Мы не станем входить здесь в рассмотрение разбираемых им вопросов. Отметим то, что для нас имеет особо важное значение. В ряде случаев проф. Ф. Вольман обращается непосредственно к специалистам по литературе XVIII в. Так, например, в пункте 4 раздела «Б» он очень своевременно выдвигает задачу изучения «славянского библизма XVII—XVIII вв.».¹⁴

Это напоминание тем более уместно, что по разным причинам мы — я имею в виду литературоведов СССР — не уделяем не только должного, но и никакого внимания проблеме «библизма», игравшего такую значительную роль в русской поэзии XVII—XIX вв., начиная с Симеона Полоцкого («Псалтырь рифмотворная») и кончая Иваном Буниным и Валерием Брюсовым с их стихами на библейские темы. Впрочем, эту же серьезную ошибку допускали и такие крупные представители европейского «компаративизма»,

⁹ «Srovnaná literatura» na IV. mezinárodním sjezdu slavistů v Moskvě. 1958. — «Slavia», 1959, seš. 3, стр. 455—475.

¹⁰ Tzv. baroko v slovanských literaturách. — «Slavia», 1959, seš. 4, стр. 533—554.

¹¹ Posjzdový vývoj metodologie srovnávací literární vědy v SSSR. — «Slavia», 1960, seš. 4, стр. 625—642.

¹² Vztahy a působení mezi literaturami. — «Slavia», 1961, seš. 1, стр. 135—146.

¹³ Hlavní úkoly historickosrovnávacího zkoumání slovanských literatur (Náčrt thesí k problému stanovenému Mezinárodním komitétem slavistů v Moskvě). — «Slavia», 1958, seš. 2, стр. 209—215.

¹⁴ Там же, стр. 211.

как Поль Ван Тьегем в своей «Истории латинской поэзии до эпохи Возрождения» (1945) и Э. Р. Курциус в «Европейской литературе и латинском средневековье» (1948; изд. 2-е, 1954), сводя — в особенности последний — все развитие европейских литератур после падения античности и до XVII—XVIII вв. к исключительному «влиянию» латинской поэтической традиции и полностью зачеркивая роль «библизма». Достаточно вспомнить стихотворные переводы псалмов, делавшиеся в большом количестве во Франции, Англии, Германии, Польше, России и т. д. в XVI—XVIII вв., например Ж.-Б. Руссо, И. Гюнтером, Я. Кохановским, Тредиаковским, Ломоносовым, Сумароковым и другими, чтобы понять, как существенна для литературоведения проблема «библизма» вообще, а для славянской литературной науки — специально проблема «славянского библизма», вновь поставленная проф. Ф. Вольманом в статье 1958 г.

В тезисе 8 того же раздела «Б» проф. Ф. Вольман формулирует задачу, уже в полной мере относящуюся к изучению русской и славянских литератур XVIII в., хотя терминологически не всё для нас, советских литературоведов, здесь приемлемо. «Надо определить, — пишет проф. Ф. Вольман, — влияния псевдоклассицизма, просветительского классицизма и сентиментализма в славянских литературах и межславянские взаимодействия трансформированных явлений, в особенности русского классицизма XVIII столетия вообще и русского и польского Просвещения специально».¹⁵ Если оставить в стороне давно уже не применяемый в советской литературной науке термин «псевдоклассицизм», то в целом тезис, выдвинутый юбиляром в 1958 г., в высшей степени своевременен и очень точно определяет те, уже наметившиеся перед Московским съездом тенденции, которые в последнее время становятся все более ощутимыми в работах польских и советских специалистов по литературе XVIII в. и научной значительности которых обязан своим возникновением настоящий сборник.

И здесь, как в вопросе о «славянском библизме» XVII—XVIII вв., проф. Ф. Вольман обнаружил так присущее ему живое ощущение и отчетливое понимание тенденций развития научной мысли — «чувство больших проблем».

Но это ведь и не удивительно! Таким «чувством» наделены все большие ученые, к числу которых безусловно принадлежит наш юбиляр, наш «Altmeister».

П. Н. Берков.

**ПРОФ. ИОСИП БАДАЛИЧ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ТЕАТРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

(К 75-летию со дня рождения)

(7 июня 1963 г.)

Изучение истории русского школьного и светского театра первой половины XVIII в., после замечательных работ П. П. Пекарского, Н. С. Тихонова, П. О. Морозова, И. А. Шляпкина и В. Н. Перетца, появившихся во второй половине XIX и самом начале XX в., находились в длительном застое: были опубликованы тексты всех к тому времени обнаруженных рукописных пьес школьного и светского репертуара и печатных программ спектаклей в Славяно-греко-латинской академии, были использованы архивные и

¹⁵ Там же, стр. 212.

печатные данные о постановке театрального дела в конце XVII—первой половине XVIII в., приведены в известность сведения о различных труппах — любительских и профессиональных, выступавших в Москве, Петербурге и в провинциальных учебных заведениях духовного ведомства. Казалось, все уже найдено, все выяснено, все изучено. Появившиеся незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции книги проф. С. Н. Богоявленского «Московский театр при царях Алексее и Петре» (М., 1914) и В. В. Майкова «Одиннадцать интермедий XVIII века» (Пгр., 1915) как бы подтверждали только что сказанное: они содержали только «материалы», как значилось на титульном листе первой из названных книг и в коротеньком предисловии ко второй, — и, надо сказать откровенно, материалы, далеко уступающие «Русским драматическим представлениям 1672—1725 гг.» Н. С. Тихонравова и «Памятникам русской драмы эпохи Петра Великого» В. Н. Перетца.

Новую страницу в историографии русского школьного и светского театра открыл проф. И. Бадалич в начале 20-х годов нашего века. Ему, в то время сотруднику библиотеки Загребского университета, молодому литературному критику, недавно (в 1919 г.) защитившему докторскую диссертацию, посчастливилось найти среди неразобранных рукописных материалов сборник русских пьес первой половины XVIII в. Описание найденной рукописи, сообщенное И. М. Бадаличем акад. В. Н. Перетцу, очень обрадовало последнего и его учеников. В появившейся вскоре статье «К постановке изучения старинного театра в России» В. Н. Перетц писал об открытии И. М. Бадалича, как о факте, «далеко для нас, русских историков театра и драмы, не безразличном», а самый сборник, обнаруженный в Загребской университетской библиотеке, был назван «ценнейшим собранием пьес начала XVIII в.»¹

Об открытии И. М. Бадалича писала и В. П. Адрианова-Перетц в своем ценном этюде о тверском школьном театре первой половины XVIII в.²

С того же самого 1923 г., когда благодаря сообщениям В. Н. Перетца и В. П. Адриановой-Перетц советские историки театра XVIII в. и литературоведы узнали о загребской находке, И. М. Бадалич начал публиковать в югославской, русской и чешской научной прессе результаты своих исследований открытого им сборника. Одна за другой последовали его статьи: 1) «Spomenici ruske drame XVIII vijeka u zagrebačkoj sveučilišnoj knjižnici» (Памятники русской драмы XVIII в. в Загребской университетской библиотеке). — «Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za god. 1922». Zagreb, 1923, sv. 37, стр. 85—95; 2) «Iz ruske dramatičke epohe Petra Velikoga» (Из русской драматической литературы эпохи Петра Великого). — «Споменик Српске краљевске академије наука у Београду», књ. 62, 1925, стр. 1—61 и отд. отт.; 3) «Русские интерлюдии первой половины XVIII века». — «Slavia», ч. IV, 1925, seš. 4, стр. 523—527; 4) «Об одном драматическом памятнике Петровского времени „Акт или действие о Петре Златых Ключах“». — «Известия II Отделения АН», т. XXXI (1926), стр. 231—236; 5) «Споменици руске школске драме Јелсаветинскога времена» («Памятники русской школьной драмы Елизаветинского времени»). — «Споменик Српске краљевске Академије наука у Београде», 1927, књ. 67, 1927, стр. 1—57 и отд. отт.; 6) «Dvije sumarokovljeve tragedije u rukopisima Zagrebačke sveučilišne knjižnice. Две трагедије Зумарокова среди рукописей универзитетске библиотеке в Загребе». — «Zbornik radova. Sveučilište u Zagrebu Filozofski fakultet», knjiga I, 1951, стр. 287—310.

¹ В. Н. Перетц. К постановке изучения старинного театра в России. — «Старинный театр в России XVII—XVIII вв.», сборник статей под редакцией акад. В. Н. Перетца, Труды Росс. Инст. ист. искусств. Пб., 1923, стр. 31.

² В. П. Адрианова-Перетц. Из истории театра в Твери в XVIII веке. — «Старинный театр в России XVII—XVIII вв.», стр. 96—97.

В своей первой статье 1923 г. проф. И. Бадалич сообщил сведения о составе найденного сборника и об отношении текстов содержащихся в нем пьес к известным в русской науке редакциям. В конце своего сообщения проф. И. Бадалич сделал попытку определить время и место составления сборника и, опираясь на владельческие данные, сохранившиеся на одном из форзацев, высказал предположение о том, как эта коллекция попала в Загребскую университетскую библиотеку.

Публикуя в дальнейшем пьесы загребской рукописи, И. М. Бадалич предпослал воспроизводимым текстам обстоятельные и содержательные предисловия-исследования, в которых изучал открытые им памятники на широком фоне истории русской, европейской и польской драматической литературы и давал историко-театральный и литературоведческий анализ каждого произведения. Тщательные текстологические сопоставления различных дошедших до нас редакций и списков пьес придавали еще большее значение работам И. М. Бадалича. Очень жаль, что по ряду причин ценнейшие тексты загребского сборника мало известны нашим советским историкам театра и литературы XVIII в. Было бы целесообразно переиздать хотя бы одни только тексты этого сборника с небольшим археографическим введением. Этим проф. И. М. Бадалич оказал бы всем изучающим историю русской литературы и театра первой половины XVIII в. существенную помощь.

При изучении загребской рукописи, содержащей тексты пьес с 1702 г. («Страшное изображение второго пришествия господня на землю») и по 1751 г. («Семира» Сумарокова), естественно, возникал вопрос о происхождении данного сборника и о путях его проникновения в Югославию. Уже акад. В. Н. Перетц, сообщая со слов проф. И. М. Бадалича о загребской рукописи, высказал предположение, что это собрание русских пьес, вероятно, было занесено «небезызвестным деятелем в области насаждения школ в Сербии и Хорватии, Мануилом Козачинским, питомцем Киевской академии и драматургом».³ Однако осторожно сформулированное предположение В. Н. Перетца сразу же отпадает, как только мы обращаемся к биографии Мануила—Михаила Козачинского: он был в Сербии всего лишь четыре года, с 1733 по 1737 г.,⁴ и привезти с собой сборник, в состав которого вошли пьесы 1745 г. («Синописис, или Краткое видение декламации...»), 1748 г. («Гамлет» Сумарокова) и 1751 г. («Семира» его же), конечно, не мог.

Проф. И. М. Бадалич, как уже отмечено выше, также останавливался на вопросе о происхождении рукописи и на том, как могла она оказаться в Загребской университетской библиотеке. В первой своей статье 1923 г. — «Памятники русской драмы XVIII в. в Загребской университетской библиотеке» — он назвал данный сборник «тверским кодексом», исходя из указания, содержащегося в пространном заглавии одной из пьес («Синописис, или Краткое видение декламации...»), что она исполнялась в феврале 1745 г. в тверской семинарии.⁵ В этой же своей работе, а затем в статье «Из русской драматической литературы эпохи Петра Великого» проф. И. М. Бадалич, повторив свои соображения о тверском происхождении сборника, делает попытку связать составление этой коллекции, а также возможное авторство одной из

³ В. Н. Перетц. К постановке изучения старинного театра в России, стр. 31.

⁴ Українські письменники. Біо-бібліографічний словник, т. I. Давня українська література (XI—XVIII ст. ст.). Уклав Л. Махновець, відповід. ред. акад. О. І. Білецький, Київ, 1960, стр. 365 и дальше (библиография).

⁵ J. Badalić. Spomenici ruske drame XVIII vijeka u zagrebačkoj sveučilišnoj knjižnici. — «Ljetopis Jugoslavenskoj Akademije znanosti i umjetnosti» (JAZU). sv. 37, 1923, стр. 91.

пес с личностью Феофилакта Лопатинского, бывшего в последние годы жизни (1723—1735) тверским архиереем; однако сразу же признает, что эти данные совершенно недостаточны для того, чтобы прийти к каким-либо убедительным заключениям.⁶

По-видимому, проф. И. М. Бадалич не обратил внимания на даты трех отмеченных выше пес 1745, 1748 и 1751 гг., которые не согласуются с его гипотезой о тверском происхождении сборника и не дают возможности связать его с личностью Феофилакта Лопатинского, умершего в 1741 г.

Из воспроизведений титульных листов ряда пес сборника, приложенных к статьям проф. И. М. Бадалича, можно с полной определенностью утверждать, что перед нами не сборник, составленный посредством переписки каким-либо одним лицом, а рукописный конволют, образовавшийся путем механического соединения (сшивания) пес, написанных или скопированных в разное время и разными писцами. Песы Сумарокова у меня есть сильные основания считать ранними автографами самого драматурга: почерки загребской рукописи и других известных мне рукописей сумароковских трагедий-автографов очень похожи; кроме того, надпись на загребском «Гамлете», опять-таки почерком Сумарокова, говорит, что это текст автора, обращающегося к одному из своих братьев: «Прошу, братец, сие заставить переписать почише на хорошенькой бумашке».⁷

Очень знаком мне почерк «Страшного изображения второго пришествия господня на землю», но я не могу сейчас сказать что-либо определенное по этому поводу.

Анализ всех пес сборника со стороны филиграней, почерков, цвета и химического состава чернил внес бы некоторую ясность в вопрос о proveniенции загребской рукописи. Может быть, данные анализа подтвердят гипотезу о «тверском кодексе», но, по правде сказать, я в этом сомневаюсь.

Проф. И. М. Бадалич занимался также вопросом о том, как попала или, точнее, как могла попасть эта рукопись в библиотеку Загребского университета. В статье «Памятники русской школьной драмы Елизаветинского времени» он сообщает, что в документации университетской библиотеки в Загребе не сохранилось никаких сведений о данном сборнике: ни когда он попал, ни от кого он поступил.⁸ Проф. И. М. Бадалич высказывает, как и полагается филологу, осторожные предположения, что загребская рукопись могла поступить в библиотеку в составе книг, принадлежавших архимандриту Арсению Гаговичу, путешествовавшему в начале XIX в. в России, или вместе с собранием рукописей и книг знаменитого хорватского литературного и общественного деятеля Людевита Галя, который в 1840 г. странствовал по Северной Германии, Польше и России, повсюду тщательно приобретая рукописи и книги, связанные с историей и культурой Югославии — Иллирии, или, наконец, оно могло попасть в Далмацию еще в XVIII в., когда на просьбы сербских духовных лиц (епископа Данилы Якшича, игумена Феофила Але-

⁶ J. Badalić. Iz ruske dramatike epohe Petra Velikoga. — «Споменик Српске краљевске Академије наука», књ. 62, Београд, 1925, стр. 41—42.

⁷ Проф. И. М. Бадалич обратил внимание на эту фразу, но счел слово «братец» доказательством того, что кто-то из югославских владельцев рукописи поручил какому-то монаху (отсюда обращение «братец») переписать трагедию («Ljetopis JAZU», sv. 37, 1923, стр. 94).

⁸ Dr. Јосип Бадалић. Споменици руске школске драме Јелисаветинскога времена. — «Споменик Српске краљевске Академије наука», књ. 67, 1927, стр. 14. См. о том же в более ранней статье («Ljetopis JAZU», sv. 37, 1923, стр. 91, 94).

ксия) из России посылались в большом числе русские и церковнославянские книги.⁹

Однако мне представляется сомнительным, чтобы рукопись такого пестрого содержания могла привлечь внимание Арсения Гаговича, в особенности Людевита Гая, собиравшего книги с определенной национальной тематикой, или могла быть прислана Елизаветой Петровной. Скорее всего, заграничную рукопись завезли с собою те русские книгопродавцы и иконоторговцы из крепостных крестьян помещиков Бутурлиных (с. Палех Владимирской губернии), о которых сейчас точно известно, что они с 1700 по 1770-е годы в большом количестве ввозили в Галицию, Закарпатье, Болгарию, Сербию, Молдавию и Валахию «многие подводы» книг и икон.¹⁰

Вклад проф. И. М. Бадалича в изучение истории русского театра и драматургии первой половины XVIII в. значителен и полезен. Это был труд его молодости; впрочем, статья о двух трагедиях Сумарокова была опубликована недавно — в 1951 г. В 1959 г. в сборнике «XVIII век» (вып. 4) была напечатана статья проф. И. М. Бадалича «Комическая опера „Матросские шутки“ и ее автор», написанная совместно с П. Н. Берковым. И здесь проф. И. М. Бадалич нашел интересный материал, имеющий отношение к семье великого Дениса Фоввизина.

Хотелось бы пожелать, чтобы проф. И. М. Бадалич, столь живой и интересный человек, столь трудолюбивый, трудоспособный и плодовитый ученый, столь широко и разнообразно эрудированный исследователь, вновь обратился к изучению русской литературы и театра XVIII в. и извлек из сокровищниц Загребской, Люблянской или любой другой югославской университетской библиотеки какую-нибудь новую рукопись и так же добросовестно, так же основательно и так же увлеченно познакомил с нею своих советских читателей и почитателей.

П. Н. Берков.

ПРОФ. ВИКТОР ЯКУБОВСКИЙ

(К 65-летию со дня его рождения)

(5 декабря 1961 г.)

Польская русистика, в особенности литературоведческая, возникла, как известно, лишь в самое недавнее время.

Традиции, заложенные в свое время парижскими лекциями великого Адама Мицкевича,¹ по историческим причинам не нашли в польской буржуазной литературной науке достойного продолжения. Даже солидные работы таких польских литературоведов, хорошо осведомленных в истории русской литературы, как В. Д. Спасович, Иосиф Третьяк, Станислав Пташицкий, Ян Лось и Ян Янов, не могли преодолеть создавшейся негативной инерции.²

⁹ Јосип Бадалић, ук. соч., стр. 14—15; «Ljetopis JAZU», sv. 37, стр. 91—94 (об А. Гаговиче).

¹⁰ См. мою статью «Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв.» в настоящем сборнике, прим. 11.

¹ Marian Jakóbiec. Literatura rosyjska w wykładach paryskich Mickiewicza. — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1956, № 1 (14), стр. 53—150 и отд. отт.

² Marian Jakóbiec. Osiągnięcia i drogi rozwojowe historii literatur słowiańskich w Polsce w latach 1945—1955. — «Beogradski Međunarodni slavistični sastanak (15—21 IX 1955)». Beograd, 1957, стр. 343.

Двухтомная «История русской литературы» проф. А. Брикнера, написанная сначала по-немецки (1905; русский перевод — 1906), а затем в дополненном виде изданная в 1922 г. по-польски, не могла дать польскому читателю правильное представление о русской литературе, в особенности в отношении ее нового периода, так как этот плодovitый филолог не отличался строгостью научного метода³ и создавал концепции, поражающие современного советского читателя своей произвольностью и надуманностью. В особенности относится сказанное к изложению в книге Брикнера истории русской литературы XVIII в.

Лишь после второй мировой войны возникла в Польской Народной Республике новая литературная наука и как одно из ее исключительно жизнеспособных, быстро растущих ответвлений — литературоведческая русистика. В Варшавском, Краковском и Вроцлавском университетах были открыты кафедры русской литературы, возглавляемые крупными специалистами — профессорами С. Фишманом, В. Якубовским, М. Якубцем, постепенно стали расти молодые талантливые кадры из докторов и магистров, появилась аспирантура по истории русской и советской литературы. В 1952 г. был создан Польско-советский институт, издававший «Квартальник», с 1957 г. выпускаемый Комитетом славяноведения Польской Академии наук под названием «*Slavia orientalis*» и быстро завоевавший симпатии советских читателей-специалистов.

Естественно, что по охарактеризованному выше причинам, одной из важнейших задач польской литературоведческой русистики является ознакомление своих единомышленников с лучшими достижениями древней и классической русской литературы и фольклора. В издаваемой с 1920-х годов «Народной библиотеке», во «второй серии», посвященной иноязычным литературам, были опубликованы «Былины» и «Слово о полку Игореве» со вступительными статьями проф. М. Якубца и ряд памятников XVIII—XIX вв., подготовленных проф. В. Якубовским и его учеником д-ром Р. Лужным.

Современное состояние польской литературоведческой русистики показывает, как интенсивно, основательно и интересно работает хотя и немногочисленный, но даровитый отряд ученых старшего и младшего поколений, как разнообразна и богата тематика научных интересов наших польских коллег.⁴ Непосредственное знакомство с их работами, посвященными, например, истории русской литературы XVIII в., убеждает нас в том, что в книгах, статьях, обзорах и рецензиях наших польских коллег мы можем найти много для себя интересного и полезного. Конечно, польские литературоведы-русисты, отбирая и изучая тексты, опираются на работы дореволюционных и советских исследователей русской литературы XVIII в., и поэтому не в поисках нового фактического материала должны мы обращаться к их трудам, а по другим причинам.

³ И. А. Бодуэн де Куртене. Брикнер, Александр. — Новый энциклопедический словарь изд-ва Ф. Брокгауза и Ефрона, т. 8, 1912, стр. 101—104.

⁴ Наиболее полные сведения о развитии послевоенной польской литературоведческой русистики находятся в превосходных обзорах проф. М. Якубца: Stan i postulaty naukowe historii literatur słowiańskich w Polsce. — «Pamiętnik słowiański», t. II, 1951, стр. 61—88; Stan i potrzeby naukowe badań nad stosunkami literackimi polsko-radzieckimi. — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego» (IPR), 1952, № 1, стр. 7—28; Osiągnięcia i drogi rozwojowe historii literatur słowiańskich w Polsce w latach 1945—1955. — «Beogradski Međunarodni slavistički sastanak (15—21 IX 1955)». Beograd, 1957, стр. 343—348 и 351, а также: С. Фишман и М. Якубец. Dziesięć lat rusycystyki literackiej w Polsce Ludowej. — «Kwartalnik IPR», 1954, № 3 (8), стр. 55—93 и их же доклад в Группе XVIII век Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР 9 ноября 1962 г.

Около полувека назад видный буржуазный русский ученый, проф. Н. И. Кареев, в одной из своих книг по теории исторического знания, которую он трактовал с идеалистических позиций, остановился на вопросе о том, что дают исторической науке какого-либо народа работы иностранцев, посвященные истории чужой нации. Полемизируя с дореволюционными русскими историками — реакционерами и националистами, Н. И. Кареев высказал небезыңтересные правильные суждения: «Посторонний исследователь вносит в историческую работу иногда нечто новое — точку зрения, общий отправный пункт, методологическое соображение, которые, кроме личной работы мысли, обязаны своим происхождением иной социальной почве, иной культурной среде». Он продолжает: «Ученый, воспитавшийся в традициях другой национальной школы, может внести в чужую историографию что-либо свежее и по части сюжета, и по части его обработки. . . Примеров того, что иностранцы обращали внимание на вещи, мимо которых национальные ученые проходили с совершеннейшим равнодушием, можно было бы привести немало».⁵

Среди современных польских литературоведов-русистов профессор Ягеллонского университета в Кракове Виктор Якубовский больше остальных посвящает внимания древнерусской литературе и литературе XVIII в. Под его редакцией и с его вступительной статьей и примечаниями вышел ряд томов «Народной библиотеки»: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина,⁶ «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева,⁷ «Горе от ума» Грибоедова.⁸

В каждой вступительной статье проф. В. Якубовского обнаруживается величественное, полное владение литературой вопроса и столь же совершенное, самостоятельное критическое осмысление текста издаваемого произведения и исследовательских работ о нем. Как всегда в таких случаях, можно спорить с автором, соглашаться или не соглашаться с предлагаемыми им решениями, несомненно, однако, одно — читать его вступительные статьи интересно и широко читателю, и квалифицированному специалисту.

Любопытно также построены примечания в комментируемых проф. В. Якубовским изданиях. Мы обычно относимся к некоторым пренебрежением к такому «популярному» «жанру», как примечания. Между тем, не говоря уже о том, что во многих случаях примечания имеют исследовательский, серьезный эвристический характер, «жанр» этот не заслуживает такого невнимательного к себе отношения хотя бы потому, что тот элемент «свежести», «национального своеобразия» в подходе к теме, о котором говорил в приведенной выше цитате Н. И. Кареев, ярче всего сказывается в отборе того, что признается нужным комментировать, а особенно отчетливо проявляется в том, как строятся комментарии — примечания. Могу с полной ответственностью утверждать, что в нашем советском литературоведении нет так удачно прокомментированных изданий «Путешествия» Радищева, «Хождения за три моря»

⁵ Н. И. Кареев. Историка. (Теория исторического знания). Изд. 2-е, Пгр., 1916, стр. 206—207.

⁶ Atanazy Nikitin. Wędrówka za trzy morza. Przełożyła H. Willman-Grabowska. Wstępem i objaśnieniami opatrzyli W. Jazubowski i H. Willman-Grabowska. Wrocław, 1952 («Biblioteka narodowa», seria II, № 72).

⁷ Alexander Radiszczew. Podróż z Petersburga do Moskwy. Przełożył Sewerin Pollak. Wstęp i objaśnienia W. Jakubowskiego. Wrocław, 1954 («Biblioteka narodowa», seria II, № 87). В 1951 г. тот же перевод с предисловием и примечаниями проф. В. Якубовского был выпущен издательством «Книжка и знание».

⁸ Alexander Gribojedow. Mądremu biada. Przełożył Julian Tuwim. Wstępem i objaśnieniami opatrzył W. Jakubowski. Wrocław—Kraków, 1960 («Biblioteka narodowa», seria II, № 124).

Афанасия Нижитина и «Горя от ума» Грибоедова, какие опубликовал для польских читателей проф. В. Якубовский.

Перечисленные только что издания входят, как уже указывалось, во вторую (иностранную) серию «Народной библиотеки» и, следовательно, обращены к широкой читательской аудитории. Более специальный характер имеет трехтомная «Антология русской литературы XVIII века», изданная проф. В. Якубовским в 1954—1959 гг. и предназначенная для студентов, изучающих русскую филологию в польских университетах. Каждый из трех томов состоит из двух выпусков — текстов и примечаний. Вполне понятно, что в выборе текстов для своей «Антологии» составитель был связан программой по истории русской литературы XVIII в., утвержденной Министерством высшей школы Польской Народной Республики, а также советскими учебниками и хрестоматиями по русской литературе XVIII в.⁹ Поэтому «Антология» проф. В. Якубовского для советского читателя представляет интерес не по включенному в нее литературному материалу, а по вступительным статьям и текстам и особенно по примечаниям. То обстоятельство, что «Антология» предназначена проф. В. Якубовским для студентов, специализирующихся по русской филологии, а не исключительно по русской литературе, определило характер комментария. В отличие от примечаний к изданиям в «Народной библиотеке», имевших почти исключительно реальный характер, так как они давались к переводу русского текста на польский язык, здесь основное внимание комментатора было направлено на объяснение трудных для польского студента лексических и грамматических форм. Надо и здесь повторить то, что было мною выше сказано о примечаниях проф. В. Якубовского к изданиям «Народной библиотеки»: столь тщательно и продуманно выполненных языковедческих комментариев к текстам XVIII в. мы до сих пор не встречали ни в русском, ни в зарубежном литературоведении. Так, например, отрывок из «Истории о российском матросе Василии Корнотском и о прекрасной царевне Ираклии Флоренской земли», напечатанный в «Хрестоматии по русской литературе XVIII века» Г. А. Гукковского (1935) в несколько более подробном виде, чем в «Антологии» проф. В. Якубовского, имеет всего шесть примечаний; в «Хрестоматии по русской литературе XVIII века» А. В. Кокорева (1952) — ни одного (если не считать приложенного в конце книги «Словаря устаревших, иностранных и мифологических слов и имен», в котором, понятно, трудные грамматические формы не учитываются); наконец, в «Anthology of Eighteenth Century Russian Literature» Кларенса А. Мэннинга (New York, 1951), зависимость которой от «Хрестоматии» Г. А. Гукковского неоспорима, — всего двенадцать примечаний. В «Антологии» же проф. В. Якубовского — при меньшем объеме текста — двести одиннадцать примечаний. И подобное соотношение характерно для всего комментария проф. В. Якубовского.

Это делает его «Антологию», ориентированную на польского студента филолога-русиста, весьма полезным пособием и для советского студента и аспиранта, работающих по русской литературе XVIII в.; не без пользы для себя заглянет в нее иногда и специалист по русской литературе XVIII в. Чего греха таить — многие из наших литературоведов, занимающихся литературой XVIII в., очень плохо разбираются в истории литературного языка этого периода, не обращают внимания на своеобразие грамматики и семантики бытовой и литературной речи того времени. Пример ювелирной работы проф. В. Якубовского над языковым комментарием «Антологии» заслуживает не только одобрения и уважения, но и — не скажу «подражания», хотя бы изучения и продолжения.

⁹ Попутно отмечу, что проф. В. Якубовский издал польский перевод известного университетского курса проф. Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII века».

Перу проф. В. Якубовского принадлежит ряд ценных и интересных статей по истории русской литературы. Важнейшие из них: «Протопоп Аввакум на фоне идейно-религиозной борьбы в России XVII столетия»,¹⁰ «Польские друзья протопопа Аввакума»,¹¹ «Неизвестный полоник Радичева»,¹² «Александр Радичев»,¹³ «Элементы декабризма в комедии „Горе от ума“»,¹⁴ рецензия на книгу М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы»,¹⁵ «Путь Пушкина к реализму»¹⁶ и др.

Превосходная филологическая школа, умение выбирать и правильно освещать намеченную тему, способность ясно, отчетливо и немногословно формулировать свои мысли, наконец, живой, простой и легкий литературный язык — вот те свойства научной манеры проф. В. Якубовского, которые привлекают советского читателя к его работам.

Проф. В. Якубовский является сейчас главой «краковской школы» литературоведов-русистов, и в лице д-ра Рышарда Лужного имеет достойного, не только многообещающего, но уже и много сделавшего ученика.

Юбилей застает проф. В. Якубовского в полном расцвете сил. Мы, советские литературоведы, занимающиеся литературой XVIII в., с живейшим интересом будем ждать его новых работ и не сомневаемся, что они будут так же содержательны, свежи и полезны, как и все то, что он опубликовывал до сих пор.

П. Н. Берков.

К 65-ЛЕТИЮ АКАД. ЭДУАРДА ВИНТЕРА

(16 сентября 1961 г.)

Имя профессора Берлинского университета им. В. Гумбольдта и действительного члена Германской Академии наук Эдуарда Винтера пользуется большой популярностью не только среди советских историков, но и литературоведов, работающих в области изучения русской культуры древнего периода и XVIII в. Его «трилогия» — «Город Галле как исходная точка немецких изучений России в XVIII в.» (1953), «Занятия языками западных и южных славян в Галле. Материалы к истории становления буржуазных наций у западных и южных славян» (1954), «Чешская и словацкая эмиграция в Германии в XVII и XVIII вв. Материалы к истории гуситской тра-

¹⁰ Protopop Avvakum na tle walk ideowo-religijnych w Rosji XVII stulecia. — «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», t. XLIX, 1948, № 1, стр. 7—11.

¹¹ Polscy przyjaciele protopopa Awwakuma. — «Sprawozdanie z prac naukowych Wydziału nauk społecznych», 1958, № 6, стр. 61—68.

¹² Nieznane polonicum Radiszczewa. — «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności, t. LI, № 1, 1950, стр. 21—26. «Pamiętnik słowiański», t. II, 1950, стр. 121—126.

¹³ Alexander Radiszczew. — «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1953, № 2—3.

¹⁴ Elementy dekabryzmu w komedii «Bieda z tym rozumem». — «Język rosyjski», 1950, maj—czerwiec.

¹⁵ Recenzja monografii M. Neczkiны «Gribojedow i dekabrysty». — «Pamiętnik słowiański», t. I, 1949.

¹⁶ Droga Puszkina do realizmu. — «Pamiętnik słowiański», t. II, 1950, стр. 7—16.

диции» (1955)¹ — получила широкую известность и вызвала много рецензий, в том числе и в советской научной прессе.²

Вслед за «галльской трилогией» появился ряд крупных исследовательских монографий и публикаций неизданных материалов проф. Э. Винтера, каждая из которых является новым и ценным вкладом в изучаемый автором вопрос и представляет значительный интерес для научных работников в области собственно истории, истории науки и литературоведения. Таковы его книги: «Чехия перед революцией 1848 г. в письмах Б. Больцано к Ф. Пржихонскому (1824—1848). Материалы к истории немецко-славянских взаимоотношений»;³ «Реестры Берлинской Академии наук 1746—1766. Документы о деятельности Леонарда Эйлера в Берлине. К 250-летию со дня его рождения»;⁴ «Русско-немецкая встреча и Леонард Эйлер. Материалы об отношениях между немецкой и русской наукой и культурой в XVIII в.»;⁵ «Берлинская и Петербургская академии наук в переписке Леонарда Эйлера»;⁶ «Э. В. фон Чирнгауз и раннее Просвещение в Центральной и Восточной Европе»;⁷ «Август Людвиг фон Шлецер и Россия»;⁸ «Россия и папство»;⁹ «Иозефинизм. История австрийского реформированного католицизма (1740—1848)».¹⁰

Уже один этот поразительный своими размерами и разнообразием тематики список больших монографий, публикаций архивных материалов перво-степенной важности и отредактированных сборников, каждый из которых является результатом проведенной предварительно конференции, показывает, какой громадный труд осуществляет проф. Э. Винтер как замечательный исследователь, неутомимый разыскатель и великолепный организатор коллективных работ разного типа. Однако перечисленными книгами и сборниками далеко не исчерпывается научная и общественная деятельность проф. Э. Винтера. Параллельно с большими работами он печатает огромное количество

¹ Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; Die Pflege der west- und südslawischen Sprachen in Halle. Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslawischen Völker. Berlin, 1954; Die tschechische und slowakische Emigration in Deutschland im 17. und 18. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte der hussitischen Tradition. Berlin, 1955.

² Е. И. Дружинина. — «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 165—168; П. Н. Берков. — «XVIII век», сб. 3, 1958, стр. 554—556.

³ Der Böhmisches Vormärz in Briefen B. Bolzanos an F. Přihonský (1824—1843). Beiträge zur deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1956.

⁴ Die Register der Berliner Akademie der Wissenschaften 1746—1766. Dokumente für das Wirken Leonhard Eulers in Berlin. Zum 250. Geburtstag. Berlin, 1957. (Совместно с Марией Винтер).

⁵ Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert. Berlin, 1958. (Сборник статей под ред. проф. Э. Винтера совместно с П. Н. Берковым, Н. А. Фигуровским и В. П. Зубовым).

⁶ Die Berliner und Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers». Bd. 1—2. Berlin, 1959—1961. (Совместно с А. П. Юшкевичем, при участии П. Гофмана и Ю. Х. Копелевич).

⁷ E. W. von Tschirnhaus und die Frühaufklärung in Mittel- und Osteuropa. Berlin, 1960. (Сборник изданий совместно с Н. А. Фигуровским, Г. Харигом, Б. Б. Кафенгаузом и А. Климой).

⁸ August Ludwig v. Schlözter und Russland. Berlin, 1961. (Совместно с Л. Рихтером и Л. Цайль).

⁹ Russland und das Papsttum, Bd. 1—2. Berlin, 1960—1961.

¹⁰ Der Josefismus. Die Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus (1740—1848). Berlin, 1962.

статей, обзоров и рецензий, представляющих всегда безусловный вклад в науку. У нас нет возможности перечислить все или хотя бы важнейшие из работ этой группы. Отметим только ряд статей проф. Э. Винтера, посвященных проблеме Просвещения у славян,¹¹ вопросам отношений католицизма к России,¹² немецко-русских научных и культурных связей.¹³

Особое мастерство проявляет проф. Э. Винтер в своих обзорах состояния исторической науки в ГДР.¹⁴ Ему присуща редкая способность умело сгруппировать, сжато и метко охарактеризовать и логически стройно расположить проанализированный материал. Политическая заостренность рецензий и обзоров проф. Э. Винтера поднимает его работы этой группы высоко над уровнем обычных библиографических аннотаций или рецензий-информаций.

Подробнее всего следует остановиться на фундаментальной двухтомной монографии проф. Э. Винтера — «Россия и папство. Ч. I, Со времен христианизации до начала эпохи Просвещения; ч. II. От эпохи Просвещения до Великой Октябрьской социалистической революции».

Несмотря на специальный, на первый взгляд, характер данного исследования, труд проф. Э. Винтера представляет живой и злободневный интерес для советского читателя; он содержит множество важных, подчас новых исторических фактов и материалов, почерпнутых из различных архивов (начиная с Ватиканского и государственного Венского и кончая архивами ГДР и СССР) и многочисленных труднодоступных советскому исследователю печатных источников. Однако еще большее значение имеет то, что через всю огромную монографию проф. Э. Винтера проходит единая и правильная идея о том, что на протяжении почти тысячелетних отношений папства и России шла упорная борьба Ватикана за полное подчинение восточнославянского государства идейному и фактическому господству римских пап. Советскому исследователю и читателю многое поэтому оказывается исключительно инте-

¹¹ Die Aufklärung bei den slawischen Völkern und die deutsche Aufklärung. — «Zeitschrift für Slawistik», II, 1957, H. 2, стр. 153—162; Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. — «Славянская филология», III, М., 1958, стр. 282—293; «Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reiche». Jg. IX (1959/60), H. 3, стр. 183—187.

¹² Россия в политике римской курии в XIV в. — «Вопросы истории религии и атеизма», вып. VI, стр. 291—305; Jurij Križanič. — «Zeitschrift für Slawistik», IV, H. 4, 1959, стр. 625—644; Die Jesuiten in Russland (1772 bis 1820). Ein Beitrag zur Auseinandersetzung zwischen Aufklärung und Restauration. — «Forschen und Wirken. Festschrift zur 150-Jahr-Feier der Humboldt-Universität zu Berlin», Bd. III, Berlin, 1960, стр. 167—191.

¹³ Begegnung deutscher und russischer Kultur im 18. Jahrhundert. — «Wissen und Leben», 1956, H. 3, стр. 219—222; Zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VIII, 1960, H. 4, стр. 844—855; Die Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert und Frankreich. — «Die Volksmassen Gestalter der Geschichte. Festgabe für Prof. Dr. Dr. h. c. Leo Stern zu seinem 60. Geburtstag», Berlin, 1962, стр. 114—126; сюда же относится ряд статей о И. В. Плуце в «Zeitschrift für Slawistik», 1958—1959 и др.

¹⁴ Forschungen zur russischen Geschichte und zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen bis 1917 in der DDR. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VIII, 1960, Sonderheft Historische Forschungen in der DDR, стр. 508—519. (Совместно с Г. Лемке); Neuere sowjetische Arbeiten zur Geschichte Rußlands im 18. Jahrhundert (Aufklärung). — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», IX, H. 5, 1961, стр. 1187—1191, и др.

ресным и убедительным в монографии Э. Винтера, так как каждое положение, каждый вывод автора построены на обширном документальном материале, совершенно неопровержимом по силе своей доказательности.

Большая научная и политическая ценность главной идеи труда проф. Э. Винтера не исчерпывает полезности и интереса монографии. Исключительный знаток папства и истории восточного славянства, проф. Э. Винтер, можно сказать, почти на каждом шагу открывает нам глаза на многие хорошо знакомые исторические факты и неожиданно показывает связь их с своекорыстной деятельностью Ватикана. Приведу несколько примеров. Выше мною была упомяната статья проф. Э. Винтера «Россия в политике римской курии в XIV в.», напечатанная в советском издании (см. прим. 12). В ней на большом фактическом материале доказывается, что отторжение литовцами и поляками исконных русских земель в XIII—XIV вв., во время татарского ига, было акцией, предпринятой западными соседями России по настоянию римских пап. Поэтому проф. Э. Винтер в своей книге «Россия и папство» с полным правом утверждает, что во время решающих столкновений русского народа с татарскими захватчиками папство нанесло Руси удар с тыла (I, стр. 357 и 361). Насколько нам известно, такого освещения данное историческое явление в русской дореволюционной и советской историографии не находило.

Стало же свежо и документированно характеризуются в книге проф. Э. Винтера политика Ватикана в русско-польских отношениях XVI—XVIII вв., причины ориентации Петра I на прогрессивные протестантские государства тогдашней Европы как отвечающей коренным интересам русской государственности, совершенно противоположная петровской позиция Екатерины в отношении иезуитов и т. д. Производят сильное впечатление материалы, привлекаемые автором при освещении деятельности Юрия Крижанича в России (I, стр. 333—360), подготовки Павлом I декрета о подчинении русской православной церкви католической (II, стр. 139—140), готовности Александра I перейти в католицизм (II, стр. 205—206) и пр.

Для советского литературоведа — как занимающегося древнерусской литературой, так и литературой XVIII и даже XIX вв. — чтение книги проф. Э. Винтера тем более полезно и интересно, что очень часто в ней идет речь и о писателях, литературных явлениях, культурных событиях. В частности, заслуживают внимания страницы, посвященные Феофану Прокоповичу, Стефану Яворскому, А. Кантемиру, В. Тредиаковскому, Чаадаеву, Ив. Гагарину, Вл. Соловьеву и др.

Появление книги проф. Э. Винтера именно в наши дни далеко не случайно. Это не простое очередное кабинетное исследование ученого, держащегося в стороне от политики, от жгучей злобы дня. Монография «Россия и папство» — многолетний труд прогрессивного ученого, который близко сталкивается с тем, о чем он пишет. *Inde irae* — отсюда гнев, отсюда глубокое и искреннее волнение и негодование, которыми пропитана книга проф. Э. Винтера. Для него, историка, ясно, что борьба Ватикана за свое мировое господство не только прошлое, но и самое что ни на есть современное «сегодня», а никакое господство папского престола невозможно при таком сильном и все более возрастающем противнике, каким являются СССР и лагерь социализма. Следовательно, борьба не кончилась с крушением самодержавия, а продолжается. Именно об этом говорит проф. Э. Винтер в заключительных строках резюме своей книги, которые мы приведем полностью, несмотря на их пространность: «Долгий и трудный путь пришлось преодолеть внимательному читателю этой книги. Много еще остается сделать для того, чтобы нарисовать более детальную картину. Прежде всего необходимо полностью использовать обширный документальный материал по нашей теме, хранящийся в архивах СССР. Однако уже и теперь многое стало ясным. Гигантская тысячелетняя борьба, которая была введена со стороны папства прежде всего под лозунгом

церковной унии, стала в какой-то степени доступна обозрению. Именно поэтому церковная уния сделана центральной проблемой исторического исследования. Ее актуальность, ни в коей мере не зависящая от желания автора, приобретает особенно большую остроту в связи с тем, что на созываемом папой Иоанном XXIII втором ватиканском соборе церковная уния будет одним из главных вопросов. О том, как в действительности на протяжении столетий вводилась эта уния и почему она терпела неудачу, свидетельствует данное исследование. Робкий вопрос тысяч верующих христиан: как случилось, что за столько столетий церковная уния не осуществилась? — находит поразительный ответ. В ходе исследований постоянно выявлялось, что папство всегда находилось в теснейшей связи с духовной и политической реакцией. В этом факте коренятся причины временных успехов, а в то же время и катастрофической неудачи, которую потерпело папство именно в России, ибо борьба между царской Россией и папством кончилась благодаря Великой Октябрьской социалистической революции с победой прогресса, с победой народов России».

Да, борьба между царской Россией и папством кончилась, но кончилась она потому, что один из противников перестал существовать. Смысл книги проф. Э. Винтера, урок ее состоит в том, что другой противник не только не перестал существовать, но и не отказался от своих традиционных вожделений.

За эту правильную, хотя и очень простую мысль, за это своевременное напоминание мы, слишком безразлично, равнодушно, беззаботно, может быть преступно беззаботно относящиеся к проблеме «Россия и папство», «СССР и папство», должны быть особенно благодарны автору. Его труд — труд честного ученого, честного человека, нашего искреннего друга.¹⁵

П. Н. Берков.

ПРОФ. В. П. ВЕЛЧЕВ

(К 55-летию со дня его рождения)

С некоторым запозданием отмечаем мы 55-летие со дня рождения одного из самых крупных современных болгарских литературоведов — профессора Софийского университета и руководителя Сектора болгарско-русских литературных связей Института литературы Болгарской Академии наук Велко Петровица Велчева (род. 28 июня 1907 г.).

Хотя научно-литературная деятельность проф. В. П. Велчева началась еще до 9 сентября 1944 г., переломного момента в истории народно-демократической Болгарии, однако наибольшего расцвета она достигла в последние годы, годы после освобождения его родины от фашистского ига.

¹⁵ Дополнением к книге «Россия и папство» является статья проф. Винтера «О папской политике объединения церквей. (К ватиканскому церковному собору 1962 г.)». — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. VI, М.—Л., 1962, стр. 18—28.

В начале своего научного пути В. П. Велчев работал в основном в области староболгарской и отчасти новоболгарской литературы. Из наиболее известных его работ, написанных и изданных до 9 сентября, должны быть названы «Константин-Кирил и Методий в старо-българската книжнина» (София, 1939) и «Отец Паисий Хилендарски и Цезар Бароний» (София, 1943). Работы эти выдержаны в духе строгого академизма старой филологической школы.

После 9 сентября в системе преподавания в высшей школе Болгарии произошли коренные изменения, приведшие к выделению из кафедры славянской филологии самостоятельной кафедры русской и советской литературы (в 1946—1947 акад. году). Организатором и руководителем ее с 1948 г. является проф. В. П. Велчев, специализировавшийся несколько лет в СССР по русской классической и советской литературе. Сохраняя интерес к родной литературе, он все больше уделяет внимания проблеме болгарско-русских литературных контактов. К первой группе, т. е. к работам по болгарской литературе, относятся следующие его статьи и книги: «Социална структура на България пред X в. според беседата на презвитер Козма» (1945), «Възникване, идея и композиция на Алеко Константиновия „Бай Ганю“» (1946), «Основные моменты в истории болгарского театра» (1947), «Неизвестен последовател на Паисий Хилендарски» (1956), «Откъс от дневник на писателя П. Ю. Тодоров» (1956), «Пенчо Славейков против монархията и тиранията» (1958), «Творчеството на Григорий Цамблак в светлината на южно-славянския Ренесанс» (1961), «Към идейно-творческата проблематика на „Сказание о писменех“ от черноризец Храбър» (1961).

Не меньшее научное значение имеют работы проф. В. П. Велчева в области болгарско-русских литературных связей. Таковы, например, его статьи и книги: «Л. Каравелов и Н. В. Гоголь. (К истории русского влияния в Болгарии)» (1948), «Руси и българи в светлината на движението за славянско единство» (1948), «Идейното влияние на Чернишевски в България» (1953), «Георги Бакалов и руската революция от 1905—1907 година» (1957), «Великата октомврийска социалистическа революция в изображението на българските поети» (1957), «П. Ю. Тодоров и руската литература» (1957), «Пенчо Славейков и руската литература» (1958), «Пушкин и българската литература» (1958), «Пушкин в изображении болгарских поэтов» (1958), «Въздействие на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX век» (1958), «Л. Каравелов и руската литература» (1959), «Тургенев в Болгарии» (статьи—1955 и 1960; книга—1961) и др.

Большую помощь изучающим историю болгарской литературной науки оказывает историографическая работа проф. В. П. Велчева, написанная им совместно с другим крупным специалистом по русско-болгарским связям, проф. С. С. Русакиевым, — «Изучване на руско-българските и съветско-българските литературни връзки за петнадесет години» (1960). Вместе с обзором Георгия Веселинова «Петнадесет години нова филологическа наука» (1960) работа профессоров В. П. Велчева и С. С. Русакиева является неоценимым источником для всякого серьезного исследователя болгарской литературы.

Особое место в научном творчестве проф. В. П. Велчева занимают работы по русской литературе классического периода. Таковы, например, статьи «Романът на Пушкин „Евгений Онегин“ в светлината на руското освободително движение» (1949), «Лев Толстой — велик руски и световен писател» (1954), «Творческият път на Максим Горьки» (1951), «Пьеса Горького „На дне“ в новом освещении» (1947) и др.

Перу проф. В. П. Велчева принадлежит и обобщающая «Руска литература в образцы и очерци», в двух томах, «ч. I. От XI до XVII век» (София, 1956) и «ч. II. XVII век» (София, 1955) (литографированный курс универ-

ситетских лекций). Для нашей Группы XVIII века эта последняя работа представляет особый интерес. Как аналогичный университетский курс проф. Ст. Каракостова «История на руския и съветски театър» (чч. I—II. София, 1951—1954), работа проф. В. П. Велчева представляет труд, который с пользой прочтут и у нас.

Проф. В. П. Велчев, как и другие выдающиеся специалисты по болгарской литературе — профессора Т. Боров, Э. Георгиев, П. Динев, С. Русакиев и др., — находится в расцвете своих научных и литературных сил. Мы твердо (и в русском и в болгарском значении¹ этого слова) надеемся, что он еще не раз будет радовать нас своими ценными трудами.

П. Н. Берков.

---

¹ Твърде — очень (болг.).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
П. Н. Берков (Ленинград). Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII—XX вв. (В порядке постановки вопроса о литературных контактах)	5
И. З. Серман (Ленинград). М. В. Ломоносов, Г. С. Сковорода и борьба направлений в русской и украинской литературах XVIII в.	40
Г. Н. Моисеева (Ленинград). М. В. Ломоносов на Украине	79
В. К. Макаров (Ленинград). Киевская «мусия» в художественном творчестве М. В. Ломоносова	102
А. В. Флоровский (Чехословакия, Прага). И. А. Зейкан — педагог из Закарпатья. (Страница из истории русско-закарпатских культурных связей при Петре Великом)	105
П. В. Линтур (Ужгород). Традиции русского классицизма в литературе Закарпатья XIX в.	123
В. Л. Микитась (Ужгород). «Российская грамматика» М. В. Ломоносова в Закарпатье	137
Г. Н. Моисеева (Ленинград). М. В. Ломоносов и польские историки	140
А. В. Позднеев (Москва). Польские книжные песни в русских рукописных песенниках XVIII в.	158
Е. С. Кулябко (Ленинград). К истории словацко-русских научных связей в XVIII в. Письма М. Бея в Архиве АН	168

PERSONALIA

П. Н. Берков. Проф. Франк Вольман между двумя юбилеями (1958—5 мая—1963). (К 75-летию со дня рождения)	172
П. Н. Берков. Проф. Иосип Бадалич как исследователь русского театра первой половины XVIII в. (К 75-летию со дня рождения) (7 июня 1963 г.)	175
П. Н. Берков. Проф. Виктор Якубовский. (К 65-летию со дня его рождения)	179
П. Н. Берков. К 65-летию акад. Эдуарда Винтера (16 сентября 1961 г.)	183
П. Н. Берков. Проф. В. П. Велчев. (К 55-летию со дня его рождения)	187

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII В.
И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства *А. А. Воробьева*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *И. С. Дементьева, Л. Э. Фрадкина*
и *Г. И. Шер*

Сдано в набор 3/V 1963 г. Подписано к печати 27/VII
1963 г. РИСО АН СССР № 66—124В. Формат бумаги
60×90^{1/16}. Бум. л. 6. Печ. л. 12=12 усл. печ. л. +
+3 вкл. Уч.-изд. л. 13.45 +3 вкл. (0.29). Изд. № 2065.
Тип. зак. № 196. М-21169. Тираж 1500.
Цена 83 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ „АКАДЕМКНИГА“

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

ХVIII ВЕК

Сборник 3. 1959. 608 стр. Цена 1 р.

Помещены статьи о жизни и деятельности Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, Радищева и др. Рассматриваются проблемы развития русской литературы XVIII в. и связи ее с западноевропейской литературой.

Сборник 4. 1959. 486 стр. Цена 1 р.

Исследования по различным теоретическим и историческим вопросам русской литературы XVIII в., статьи о Ломоносове, Радищеве, Капнисте, Богдановиче и других писателях того времени.

Сборник 5. 1962. 454 стр. Цена 2 р. 19 к.

Статьи посвящены литературной и культурной жизни России начала XVIII в. и развитию прозы конца века.

Из истории связей славянских литератур. 1959. 159 стр. Цена 84 к.

Плисецкий М. М. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. 1963. 448 стр. Цена 1 р. 96 к.

Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. Труды Отдела древнерусской литературы. Том XIX. 1963. 454 стр. Цена 1 р. 81 к.

Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. Материалы для истории русской литературы XVIII в. 1963. 267 стр. Цена 87 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,

Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“

или в ближайший магазин „Академкнига“

Адреса магазинов „Академкнига“: **Москва**, ул. Горького, 6 (магазин № 1); 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Литейный пр., 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в; **Новосибирск**, Красный пр., 51; **Киев**, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Уфимский пер., 4/6; **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа книги, как имеющиеся в наличии, так и печатающиеся (по поступлении в продажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным платежом. Пересылка за счет заказчика.

Предварительные заказы на книги принимаются также местными магазинами книготоргов и потребительской кооперации.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
29	14 сверху	Копитаъ у	Ко питаъу
38	4	spoecznie-gospodarczych	spoecznie-gospodarczych
155	22—23 „	Samogitem	Samogiten
179	3 снизу	Osiągnienia	Osiągnienia
181	10	W. Jazubowski	W. Jakubowski
183	6	Ięzyk	Język
183	12	spoecznych	spoecznych
183	15	Umieѣtności	Umiejętności

Русская литература XVIII в.